

Экономика и управление

Редакционная коллегия

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО

д-р экон. наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН

д-р техн. наук, доцент

Научные редакторы

В. А. ПЛОТНИКОВ

д-р экон. наук, профессор

С. А. БЕЛОЗЕРОВ

д-р экон. наук, профессор

Начальник издательства

О. В. ЯРЦЕВА

Литературный редактор-корректор

Е. С. ЧУЛКОВА

Перевод

при участии ООО «ЭКО-ВЕКТОР АЙ-ПИ»

<http://eco-vector.com>

Верстка

Е. О. ЗВЕРЕВА, М. Ю. ШМЕЛЁВ

Дизайн обложки

Т. Л. МИСНИК

Фото для обложки

Lori, the Russian photobank

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-67819 от 28 ноября 2016 г. выдано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Учредитель издания:

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий

управления и экономики»

© Все права защищены

ISSN 1998-1627

Издается с 1995 г. Выпускается ежемесячно (12 номеров в год).

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Экономика и управление» обязательна

Адрес редакции и издательства

Россия, 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Тел.: (812) 448-82-50

E-mail: izdat-ime@yandex.ru, izdat@spbume.ru

URL: <http://www.emjume.elpub.ru>

Подписано в печать 27.09.2019.

Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП».

198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21. Заказ № 196.

Тираж 1 000 экз. Цена свободная

Журнал «Экономика и управление» получают по адресной рассылке:

Администрация Президента РФ и Правительство РФ, Совет Федерации,

Государственная Дума, министерства и ведомства РФ, полномочные

представители Президента РФ в федеральных округах, главы

административных субъектов РФ, Российская академия наук, научные

институты, российские и зарубежные вузы, предприятия, организации

и учреждения отраслей народного хозяйства, краевые,

областные и районные библиотеки

Подписной индекс 29996 — по каталогу агентства «Роспечать»,

41039 — по объединенному каталогу «Пресса России».

Электронная подписка — <http://www.elibrary.ru>

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПОД НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК РАН

Редакционный совет

А. Г. АГАНБЕГЯН

заведующий кафедрой экономической теории и политики
РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

Л. А. АНОСОВА

начальник Отдела — заместитель академика-секретаря
Отделения общественных наук РАН по научно-организационной
работе, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. БЕРГМАНН

вице-президент Европейской академии наук и искусств,
член правления форума «Петербургский диалог», д-р юрид. наук,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Берлин, Германия)

Р. С. ГРИНБЕРГ

научный руководитель Института экономики РАН, д-р экон. наук,
проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА

заведующий сектором Социологического института РАН,
д-р экон. наук, проф., член-корреспондент РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

В. В. ИВАНТЕР

научный руководитель Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН, д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. КВИНТ

руководитель Центра стратегических исследований ИМИСС МГУ
им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой финансовой стратегии
МШЭ МГУ, д-р экон. наук, проф., иностранный член РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

А. А. КОКОШИН

декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова,
д-р ист. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. Л. МАКАРОВ

научный руководитель Центрального экономико-математического
института РАН, д-р ф.-м. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. В. ОКРЕПИЛОВ

руководитель Центра региональных проблем экономики качества
ИПРЭ РАН, член Бюро Отделения общественных наук РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Б. Н. ПОРФИРЬЕВ

директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
д-р экон. наук, проф., академик РАН,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

О. Д. ПРОЦЕНКО

советник ректора РАНХиГС при Президенте РФ, д-р экон. наук, проф.,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Москва, Россия)

В. СТРИЛКОВСКИ

профессор Карлова Университета в Праге, д-р экон. наук (Прага, Чехия)

Р. М. ЮСУПОВ

научный руководитель Санкт-Петербургского института
информатики и автоматизации РАН, д-р техн. наук, проф.,
член-корреспондент РАН, засл. деят. науки и техники РФ,
почетный профессор СПбУТУиЭ (Санкт-Петербург, Россия)

Журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал рекомендован экспертными советами по экономике; управлению, вычислительной технике и информатике

СВЕДЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ИЗДАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ, ВКЛЮЧЕНЫ В РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ И БАЗЫ ДАННЫХ ВИННИТИ, ИНИОН РАН И ЕЖЕГОДНО ПУБЛИКУЮТСЯ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СПРАВОЧНОЙ СИСТЕМЕ ПО ПЕРИОДИЧЕСКИМ И ПРОДОЛЖАЮЩИМСЯ ИЗДАНИЯМ ULRICH'S PERIODICAL DIRECTORY. С 2005 г. СТАТЬИ ЖУРНАЛА ВКЛЮЧАЮТСЯ В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ), ДОСТУПНЫЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПО АДРЕСУ: [HTTP://WWW.ELIBRARY.RU](http://www.elibrary.ru) (НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА). РИНЦ — БАЗА ДАННЫХ, СОДЕРЖАЩАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИЮ, ИЗВЛЕЧЕННУЮ ИЗ ТЕКСТА СТАТЕЙ, А ТАКЖЕ ПРИСТАТЕЙНЫХ ССЫЛОК (СПИСКОВ ЛИТЕРАТУРЫ).

Ekonomika i upravlenie (Economics and Management)

Editorial office

Editor-in-Chief

Doctor of Economics, Associate Prof.
O. G. SMESHKO

Deputy Editor

Associate Prof.
G. A. KOSTIN

Editor-in-Science

Prof. V. A. PLOTNIKOV,
Prof. S. A. BELOZEROV

Head of Publishing House

O. V. YARTSEVA

Literary Editors, Corrector

E. S. CHULKOVA

Translation

with the assistance of Eco-Vector Ltd
<http://eco-vector.com>

Mockup

E. O. ZVEREVA, M. Yu. SHMELEV

Cover Design

T. L. MISNIK

Cover Photo

Lori, the Russian photobank

Russian Academic Journal Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information Technologies
and Mass Media ROSCOMNADZOR ПИ № ФС77-67819 28 nov. 2016.
The Russian scientific journal is owned by Saint-Petersburg University
of Management Technologies and Economics.
Publication Frequency: Monthly

Published since 1995. It is published by Publishing house
of Saint Petersburg University of Management Technologies
and Economics.

Any correspondence relating to editorial matters should be sent
by e-mail to Oleg Smeshko
(e-mail: izdat-ime@yandex.ru)

Contact Details:

Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, Russian Federation, 190103
URL: <http://www.emjume.elpub.ru>

© Saint Petersburg University of Management Technologies
and Economics
ISSN 1998-1627

The regular readers of Economics and Management are the members
of the Administration of the President and the Government
of Russian Federation, the Council of the Federation, the State Duma
of the Russian Federation, Russian President's plenipotentiaries
in Federal Districts, Russian Academy of Sciences,
Heads of Administrations of all levels and areas, State institutions,
Research Centers and libraries

Editorial Council

PROF. A. G. AGANBEGYAN

*Head of Department of Economic Theory and Politics of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

PROF. L. A. ANOSOVA

*Head of Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Deputy Academician Secretary of Department of Social Sciences of RAS,
Doctor of Economics (Moscow, Russia)*

PROF. W. BERGMANN

*Vice-President of European Academy
of Sciences and Arts Letters, Doctor of Law (Berlin, Germany)*

PROF. R. S. GRINBERG

*Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. I. I. ELISEEVA

*Head of Department of Sociology Institute of the Russian Academy
of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia)*

PROF. V. V. IVANTER

*Scientific Director of Economic Forecasting Institute of the Russian
Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. V. L. KVINT

*Head of the Center of Strategic Researches of M. V. Lomonosov Moscow
State University, Head of the Department of Financial Strategy of MSU,
Foreign member of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. A. A. KOKOSHIN

*Dean of the Department of M. V. Lomonosov Moscow State University,
Academician of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

PROF. V. L. MAKAROV

*Scientific Director of Central Institute of Economics and Mathematics of the
Russian Academy of Sciences,
Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

PROF. V. V. OKREPILOV

*Deputy Chairman of St. Petersburg Scientific Centre of the Russian
Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)*

PROF. B. N. PORFIREV

*Director of Economic Forecasting Institute of the Russian Academy
of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)*

PROF. O. D. PROTSSENKO

*Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Doctor of Economics (Moscow, Russia)*

W. STRIELKOWSKI

*Assistant Professor of Economics, Ph. D., Charles University in Prague
(Prague, Czech Republic)*

PROF. R. M. YUSUPOV

*Scientific Director of St. Petersburg Institute of Informatics
and Automation Control of the Russian Academy of Sciences,
Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences,
Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)*

**ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PUBLISHED UNDER THE GUIDANCE OF DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

**The journal is indexed RISC, listed in the list of HAC
The full text of the journal is placed on EBSCO's Business Source databases**

**ALL THE ARTICLES ARE AVAILABLE FOR PUBLIC ON WWW.ELIBRARY.RU (SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY).
ALL THE INFORMATION ON PUBLICATIONS IN ECONOMICS AND MANAGEMENT IS PRESENTED BY "ULRICH'S PERIODICAL DIRECTORY"**

Содержание

Актуальные проблемы развития экономики . 5

Ю. В. Вертакова, В. А. Плотников. Трудовые ресурсы и стимулирование экономического роста в России 5

Мировая экономика 13

И. А. Яковлев. Формирование «зеленого» сегмента национального финансового рынка: опыт стран со значительной долей сырьевой экономики . . 13

Модернизация экономики регионов. 23

К. Х. Зоидов, Е. Н. Зименкова. Об угрозах экономической безопасности Республики Крым 23

Цифровая экономика 34

Ю. Г. Лаврикова, Е. Л. Андреева, А. Г. Тарасов, А. В. Ратнер. Влияние глобальных экономических вызовов на развитие рынков будущего 34

Государственно-экономическая политика и менеджмент организации 43

Н. В. Гонтарь, А. Г. Сапожникова. Модернизация экономики России на основе потенциала проактивности крупного бизнеса: концептуальная модель 43

В. И. Косогорцев, М. М. Крстич, В. Н. Ниров. Особенности ресурсного потенциала ведомственных спортивных организаций (на примере вузов). 54

Р. А. Луговской, Е. В. Михайлов. Социально-экономический анализ предложения о переходе на четырехдневную рабочую неделю в России. 60

Финансово-кредитная сфера 67

А. К. Соловьев. Трансформация принципов формирования страховых пенсионных прав

в условиях повышения пенсионного возраста. 67

Математическое моделирование, системный анализ 80

Т. П. Скуфьина, С. В. Баранов. Пенсионная реформа в России: оценка чувствительности производства ВВП к сдвигу численности трудоспособного населения 80

А. Д. Борреманс, О. В. Воронова, И. В. Ильин. Совершенствование системы документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла на основе проектирования архитектуры данных. 87

М. А. Алексеев, Е. В. Фрейдина, А. А. Тропин. О преодолении стратегической неопределенности посредством интеграции робастного управления и сценарного планирования 97

Научные исследования аспирантов 107

А. Е. Гаврилов, Е. А. Жуков. О создании конкурентоспособных предпринимательских структур 107

События и факты 114

Первокурсников СПбТУиЭ–2019 приветствовали в Аничковом дворце. 114

Ректор СПбТУиЭ Олег Смешко принял участие в Международном форуме сотрудничества «Образование. Бизнес. Культура–2019» 116

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики стал участником деловой программы St. Petersburg Travel Hub 116

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление» 118

Contents

Actual Problems Development of Economics . . .	5	Pension Rights in the Context of Increased Retirement Age.	67
<i>Yu. V. Vertakova, V. A. Plotnikov.</i> Workforce and Stimulation of Economic Growth in Russia . . .	6		
International Economics	13	Mathematical Modeling, System Analysis	80
<i>I. A. Yakovlev.</i> Formation of the Green Segment of the National Financial Market: Experience of Countries with a Significant Share of the Commodity Economy	13	<i>T. P. Skufina, S. V. Baranov.</i> Pension Reform in Russia: Assessing the Susceptibility of GDP Production to a Shift in the Number of the Working-Age Population.	80
Modernization of the Regional Economics	23	<i>A. D. Borremans, O. V. Voronova, I. V. Il'in.</i> Improvement of Documentation Workflow in FMCG Chain Retailing Companies Based on Data Architecture Design.	87
<i>K. Kh. Zoidov, E. N. Zimenkova.</i> On Threats to the Economic Security of the Republic of Crimea	23	<i>M. A. Alekseev, E. V. Freydina, A. A. Tropin.</i> On Overcoming Strategic Uncertainty through the Integration of Robust Control and Scenario Planning	97
Digital Economics	34	Post-graduates' Research Efforts	107
<i>Yu. G. Lavrikova, E. L. Andreeva, A. G. Tarasov, A. V. Ratner.</i> Impact of Global Economic Challenges on the Development of Future Markets	34	<i>A. E. Gavrilov, E. A. Zhukov.</i> On the Creation of Competitive Business Structures	107
State Economic Policy and Business Management	43	Events and Facts	114
<i>N. V. Gontar', A. G. Sapozhnikova.</i> Modernization of the Russian Economy Based on the Proactive Potential of Big Business: a Conceptual Model . . .	43	<i>First-Year Students of SPbUMTE-2019 were Welcomed in Anichkov Palace.</i>	114
<i>V. I. Kosogortsev, M. M. Krstich, V. N. Nilov.</i> Specific Features of the Resource Potential of Institutional Sports Organizations (through the Example of Universities)	54	<i>Oleg Smeshko, Rector of SPbUMTE Took Part in the International Forum of Cooperation «Education. Business. Culture-2019».</i>	116
<i>R. A. Lugovskoy, E. V. Mikhaylov.</i> Socio-Economic Analysis of the Proposal to Switch to a Four-Day Working Week in Russia	60	<i>Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics Became a Member of the Business Program of St. Petersburg Travel Hub</i>	116
Finances and Credit	67	Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management".	120
<i>A. K. Solov'ev.</i> Transformation of the Principles of Formation of Insurance			

15 сентября 2019 г. скоропостижно скончался Виктор Викторович Ивантер, академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Научной общественности и широкой публике В. В. Ивантер был известен как выдающийся исследователь и крупнейший авторитет в области макроэкономического анализа и прогнозирования, основатель отечественной школы макрофинансового прогнозирования, блестящий специалист в сфере вопросов денежно-финансовой политики и развития банковской системы.

По окончании Московского государственного экономического института (ныне Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова) в 1958 г. и его аспирантуры в 1964 г. он последовательно работал в Институте электронных управляющих машин (1964–1969), Институте экономики АН СССР (1969–1982), Центральном экономико-математическом институте АН СССР (1982–1986), Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН (1986–2018). В 1997 г. избран директором Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Эту должность Виктор Викторович занимал до 2017 г., затем стал научным руководителем Института. Докторскую диссертацию защитил в 1986 г. Позднее, в 1994 г., избран членом-корреспондентом РАН, а в 2000 г. — академиком РАН, где в последние годы известный ученый возглавлял секцию экономики Отделения общественных наук.

За годы научной карьеры академик В. В. Ивантер написал свыше 200 научных работ, в том числе более 20 научных монографий, воспитал несколько десятков учеников, которые успешно трудятся в науке, государственном управлении и бизнес-структурах.

*Редакция журнала
«Экономика и управление»*

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И СТИМУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-5-12

УДК 331

Вертакова Юлия Владимировна

*директор Курского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор*

305016, г. Курск, ул. Ломоносова, д. 3, e-mail: vertakova7@ya.ru

Плотников Владимир Александрович

профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Исследование направлено на выявление предпосылок ускорения экономического роста и повышения качества социально-экономического развития посредством модернизации подходов к регулированию рынка труда и воспроизводства трудового потенциала.

Цель. Выявить проблемы обеспечения экономического роста в России трудовыми ресурсами и предложить подходы к их решению.

Задачи. Охарактеризовать современные темпы и перспективы изменения экономического роста в России. Описать проблемы обеспечения экономического роста с позиций факторного подхода (на примере фактора «труд»). Проанализировать причины несбалансированности рынка труда и недостаточной эффективности обеспечения экономики трудовыми ресурсами. Предложить рекомендации по совершенствованию обеспечения трудовыми ресурсами экономического роста на современном этапе развития российской экономики.

Методология. При проведении исследования применены методы институционального, структурного, статистического анализа в отношении процессов экономического роста и социально-экономического развития. При анализе феномена экономического роста использован факторный подход к его описанию, в рамках которого его темпы определяются количеством и качеством факторов производства (ресурсов). Углубленный анализ проведен относительно фактора «труд». Проблемы обеспечения экономического роста в России трудовыми ресурсами изучены с позиций системного подхода, с применением методических приемов вариантного и ситуационного анализа.

Результаты. В статье обоснована позиция о том, что современная экономика России «застыла» в ситуации «околонулевого» роста, что во многом определяется низкой результативностью реализуемой социально-экономической политики, из чего следует необходимость повышения темпов экономического роста. С использованием факторного подхода (на примере фактора «труд») рассмотрена достаточность ресурсного обеспечения экономического роста факторами производства. Показана достаточность и даже избыточность трудовых ресурсов в современной России, с учетом проведенной пенсионной реформы. Всесторонне проанализированы ключевые качественные проблемы функционирования рынка труда: структурное и количественное несоответствие подготовки специалистов в системе образования потребности в работниках; «сверхобразованность» населения (люди выполняют работу, требующую квалификации ниже, чем имеющийся у них уровень образования и/или профессиональной подготовки). Показана специфика этих проблем, даны рекомендации по их разрешению, которые требуют пересмотра подходов к разработке и реализации государственной экономической политики.

Выводы. Ресурсные возможности (в части трудовых ресурсов) для ускорения темпов экономического роста и совершения рывка в социально-экономическом развитии России имеются. Анализ существующих в этой сфере проблем показал, что они преодолимы. Но для этого необходима целенаправленная системная работа, ведущая роль в проведении которой отводится государству, что требует совершенствования реализуемой государственной экономической политики.

Ключевые слова: экономический рост, социально-экономическое развитие, государственная экономическая политика, рынок труда, регулирование занятости, трудовые ресурсы, факторы производства.

Для цитирования: Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Трудовые ресурсы и стимулирование экономического роста в России // *Экономика и управление*. 2019. № 9 (167). С. 5–12. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-5-12.

Благодарности: Статья представляет собой расширенную и переработанную версию доклада авторов на XVII международной конференции «Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития».

WORKFORCE AND STIMULATION OF ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA

Yulia V. Vertakova

*Kursk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation Lomonosova St. 3,
Kursk, Russian Federation, 305016, e-mail: vertakova7@ya.ru*

Vladimir A. Plotnikov

*St. Petersburg State University of Economics
Sadovaya St. 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023, e-mail: plotnikov_2000@mail.ru*

The presented study determines the prerequisites for accelerating economic growth and improving the quality of socio-economic development by modernizing approaches to the regulation of the labor market and reproduction of labor potential.

Aim. The study aims to identify problems in ensuring economic growth in Russia by the workforce and to propose approaches to solving these problems.

Tasks. The authors characterize the current rate and prospects of changes in economic growth in Russia; describe the problems of ensuring economic growth from the perspective of a factorial approach (through the example of the labor factor); analyze the causes of labor market imbalance and inefficient provision of workforce for the economy; propose recommendations on improving the process of ensuring economic growth by the workforce at the current stage of development of the Russian economy.

Methods. This study applies methods of institutional, structural, and statistical analysis to the processes of economic growth and socio-economic development. A factorial approach to the description of economic growth is used during the analysis of this phenomenon. Its rate is determined by the quantity and quality of (resource) production factors. The labor factor is thoroughly analyzed. The problems of ensuring economic growth in Russia by the workforce are examined from the perspective of the systems approach using methodological techniques of variant and situation analysis.

Results. The study substantiates the opinion that the modern Russian economy has stalled in a state of near-zero growth, mostly due to the low efficiency of the implemented socio-economic policy. It is therefore necessary to increase the rate of economic growth. The authors use the factorial approach (through the example of the labor factor) to examine the sufficiency of resourcing of economic growth with production factors. It is shown that, in light of the recent pension reform, workforce in modern Russia is sufficient and even superfluous. The key qualitative problems in the operation of the labor market are comprehensively analyzed, including the structural and quantitative discrepancy between specialist training in the educational system and labor requirements; overeducation of the population (people perform work that requires lower qualification than their actual level of education and/or professional training). This study shows the specificity of these problems and provides recommendations on solving them, which requires revising approaches to the development and implementation of the state economic policy.

Conclusions. Russia has the resource capabilities (in terms of workforce) to intensify economic growth and make a breakthrough in socio-economic development. Analysis of the existing problems in this field shows that these issues can be solved. However, this requires a focused, systematic effort spearheaded by the government, which is impossible without improving the implemented state economic policy.

Keywords: *economic growth, socio-economic development, state economic policy, labor market, employment control, workforce, production factors.*

For citation: Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Workforce and Stimulation of Economic Growth in Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):5–12 (in Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-5-12.

Acknowledgments: This article is an expanded and revised version of the authors' report at the 17th international conference "Lifelong learning: continuous education for sustainable development".

По нашему мнению, современная российская экономика имеет весьма неопределенные перспективы развития. Основание для этой оценки дает изучение динамики российского ВВП. Так, по официальным данным Росстата, темпы экономического роста в 2017 г. составили 1,5 %

(в декабре 2018 г., после пересчета и уточнения, показатель роста ВВП повышен от 0,1 % до 1,6 %), в 2018 г. — 2,3 % (что вызвало достаточно обоснованные сомнения в достоверности этого показателя в профессиональном сообществе¹), по итогам первого полугодия 2019 г. —

¹ В официальной публикации Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, датированной апрелем 2019 г., например, приводится следующая характеристика официальных показателей роста ВВП в 2018 г.: «В соответствии с первой оценкой Росстата индекс физического объема ВВП в 2018 г. составил 102,3 %. Опубликованный темп роста показателя оказался неожиданным как для главного ведомства, осуществляющего прогнозирование социально-экономического развития страны, Минэкономразвития России, так

Численность рабочей силы в России (лица 15–72 лет) [7]

Год	Всего, тыс. чел.	В том числе		Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
		занятые, тыс. чел.	безработные, тыс. чел.		
2006	74 419	69 169	5 250	61,7	7,1
2007	75 289	70 770	4 519	63,1	6,0
2008	75 700	71 003	4 697	63,2	6,2
2009	75 694	69 410	6 284	62,0	8,3
2010	75 478	69 934	5 544	62,7	7,3
2011	75 779	70 857	4 922	63,9	6,5
2012	75 676	71 545	4 131	64,9	5,5
2013	75 529	71 391	4 137	64,8	5,5
2014	75 428	71 539	3 889	65,3	5,2
2015	76 588	72 324	4 264	65,3	5,6
2016	76 636	72 393	4 243	65,7	5,5
2017	76 109	72 142	3 967	65,5	5,2

0,7 %. Очевидно, что незначительные темпы роста ВВП вынуждают сомневаться в достижении к 2024 г. ряда целей национального развития, сформулированных в инаугурационном указе Президента России, подписанном в 2018 г. Конечно, эти сомнения справедливы при условии, что не произойдет каких-то кардинальных изменений в российской (ее существенное ускорение) и мировой (значительное падение темпов роста) экономике, а также в сложившейся сегодня модели управления национальным социально-экономическим развитием, которую, судя по имеющимся результатам, нельзя признать высокоэффективной.

Вопрос выполнения задач, поставленных в президентском указе, нами не воспринимается как самодостаточный. Суть проблемы состоит не в «плане ради плана», т. е. не столько в достижении запланированных значений тех или иных индикаторов, сколько в том, что за этими индикаторами стоит. Нельзя не принять позицию о необходимости преодоления фактической стагнации в развитии национальной экономики и неприемлемости объяснения низкой результативности реализуемой социально-экономической политики в стране с «новой нормальностью», санкциями и т. д. [1; 2; 3] Строго следуя в данном случае в русле марксистской доктрины (концепции базиса и надстройки), полагаем, что современная Россия остро нуждается в повышении темпов экономического роста. Успешное решение этой задачи позволит создать материальную базу для достижения и других стратегически важных национальных целей, от преодоления бедности до надежного обеспечения обороноспособности государства.

При анализе вопроса о потенциальных источниках экономического роста можно при-

держиваться различных позиций, касающихся объяснения его природы и механизмов запуска в современной экономике [4–6]. Предлагаем встать на традиционный способ его изучения, а именно: использовать факторный подход, в рамках которого темпы экономического роста зависят от количества и качества вовлекаемых в экономическую деятельность факторов производства. Предметом нашего изучения в данной статье является такой фактор производства, как труд. Рассмотрим его, не умаляя при этом значения других факторов и учитывая, что исследовать в полном объеме все факторы в рамках одной статьи затруднительно.

В таблице 1 представлены данные Росстата о динамике основных количественных показателей рабочей силы в России. Из этих данных следует, что основные показатели достаточно стабильны и демонстрируют положительные тенденции изменения. Так, с 2006 по 2017 г. (более поздних данных пока Росстат не опубликовал) общая численность рабочей силы возросла на 1,69 млн чел. или на 2,3 %, количество занятых увеличилось на 2,973 млн чел. или на 4,3 %, численность безработных уменьшилась на 1,283 млн чел. или на 24,4 %, уровень занятости поднялся на 3,8 %, а уровень безработицы снизился на 1,9 %.

Некоторая негативная динамика наблюдалась по показателям численности населения в официальном возрасте трудоспособности (16–55/60 — для женщин/мужчин). Но после принятия Федерального закона от 27 сентября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» границы трудоспособного возраста повышены, что должно положительно отразиться на общем предложении работников на

и для российского и международного экспертного сообщества. В течение 2018 г. оценка индекса физического объема ВВП, осуществляемая различными российскими и международными учреждениями и организациями, находилась в интервале 101,7–101,8 %» (цит. по: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/21979.pdf>).

национальном рынке труда. Так, по расчетам А. В. Кашепова [8], «повышение пенсионного возраста вызовет увеличение численности населения в трудоспособном возрасте по среднему варианту (прогноза — *прим. авторов*) примерно на 9 млн в 2023–2024 гг. При этом дополнительное вовлечение лиц в возрасте 55–60 (65) лет в состав рабочей силы составит не более 4–5 млн чел., поскольку половина «новых» трудоспособных уже входит в состав рабочей силы».

Иными словами, с позиций количественных характеристик такого фактора производства, как труд, особенно с учетом ожидаемого роста его производительности, ситуация в России в ближайшие годы складывается благоприятная. Мало того, некоторыми специалистами прогнозируется даже его избыточное предложение: «Вследствие опережения роста численности рабочей силы над ростом числа рабочих мест, безработица может увеличиться с 3,5–4,0 млн чел. до 7,7–7,8 млн чел., и составить 9,6–9,7 % от численности рабочей силы» [8]. В неявном виде с этой точкой зрения солидаризуется и правительство страны, которое предпринимает активные шаги по защите трудовых прав «предпенсионеров». Очевидно, что при дефицитном рынке труда эти меры не имеют смысла, но они явно необходимы в ситуации появления в экономике, вследствие повышения пенсионного возраста, «лишних» работников, не обеспеченных рабочими местами. Тем не менее с позиций создания условий для экономического роста наличие значительных трудовых резервов может быть оценено как благоприятный фактор.

Следует подчеркнуть, что, помимо количественных характеристик факторов производства, для экономического роста важны и соответствующие качественные показатели. В связи с этим обратимся к их анализу в аспекте фактора «труд» на основании результатов выборочных исследований, проводимых в России с 1992 г., направленных на оценку соответствия квалификации занятого населения выполняемой работе, а также фактических данных, приведенных на официальном сайте Росстата [9]. Согласно результатам этих обследований, нашей стране присущи две ключевые проблемы в рассматриваемой сфере:

- 1) структурное и количественное несоответствие подготовки специалистов в системе образования потребности в работниках, которая может быть определена на основе анализа рынка труда;
- 2) «сверхобразованность» населения (люди выполняют работу, требующую квалификации ниже, чем имеющийся у них уровень образования и/или профессиональной подготовки).

Первая из этих проблем влияет на несбалансированность рынка труда, когда одновременно с дефицитом кадров по профессиям и специальностям незанятым трудно найти работу, поскольку их квалификация не соответствует той, что востребована в экономике в данный период. Вторая проблема тесно связана с первой, являясь результатом стихийного ее решения. Отечественная система образования готовит такое количество трудовых ресурсов с высшим образованием, которое, объективно рассуждая, не востребовано в экономике. Как отмечает Г. А. Чередниченко, «отношение численности студентов к численности населения в возрасте 17–25 лет увеличилось с 23 до 32 % за 2000–2005 гг., далее на фоне спада численности возрастной когорты соответствующий показатель повысился до 35,4 % в 2010 г. и до 33,7 % в 2013 г. Для оценки изменений в охвате молодежи приемом в высшую школу за рассматриваемый период (1995–2016 гг. — *прим. авторов*) рассчитаем отношение численности принятых на очные отделения вузов к числу условно 18-летних. Этот индикатор равнялся 19,6 % в 1995 г., возрос до 35,4 % к 2005 г., достиг 45,6 % в 2011 г. и 52,6 % в 2016 г.» [9, с. 169–170]. В этой ситуации незанятые граждане вынуждены соглашаться на работу с более низкими квалификационными требованиями, нежели те, которым они соответствуют.

Социальный результат названных проблем хорошо известен — девальвация дипломов, следствием чего является систематическое «обвинение» российских образовательных организаций, в частности университетов, в том, что они якобы «ничему не учат» или «учат не тому, что востребовано в реальной жизни». Такое отношение к данному вопросу формирует социальную базу для перманентных образовательных реформ, результативность которых сомнительна. Напротив, некоторые из них еще более усугубляют ситуацию с качеством подготовки кадров и их востребованностью на рынке труда.

Заметим, что, не отрицая потребности в совершенствовании профессионального образования, в особенности высшего, нельзя согласиться с приведенными выше его негативными оценками. Эти утверждения, обладая ярко выраженной эмоциональной окраской и базируясь на неких «общих рассуждениях», по нашему мнению, не имеют достаточно надежных и аргументированных доказательств. Обратим внимание на три важных аспекта.

Во-первых, естественно, любой крупной социально-экономической системе (не является исключением и система образования) присуща инерционность процессов развития и функционирования. Согласно действующим версиям

образовательных стандартов, подготовка бакалавров осуществляется в течение четырех лет, специалистов — пяти, магистров — в течение дополнительных двух лет. Таким образом, для обучения работников с высшим образованием в университете по очной форме обучения требуется 4–7 лет. Ускорить эти процессы невозможно. Но за столь продолжительный период запросы работодателей о наличии конкретных прикладных компетенций могут измениться, и, как показывает практика, меняются. Разумеется, это приводит к несоответствиям на рынке труда. По-другому и быть не может, подобные несоответствия ожидаемы. Избавиться от них полностью невозможно. Поэтому для «подгонки» квалификации работников (как выпускников, так и имеющих опыт работы) к текущим требованиям необходимо дополнительное обучение. Крупные компании создают для этих целей специализированные структуры, так называемые корпоративные университеты, которые зачастую, несмотря на присутствие в их названии слова «университет», вовсе не являются образовательными организациями высшего образования, занимаясь повышением квалификации и переподготовкой собственных работников, т. е. реализуя программы дополнительного профессионального образования.

Во-вторых, очевиден факт отсутствия унификации и невозможности достижения полной согласованности между перечнем направлений, специальностей, профилей подготовки в образовательной системе и представлениями работодателей по этому вопросу. Реальный бизнес разнообразен и диверсифицирован, каждому предприятию (организации) свойственна специфика, которая отражается как на составе трудовых функций, так и на их распределении между работниками. В действительности нередко важную роль имеют не профессиональные компетенции, а личные качества работников. В качестве примера можно привести трудовую деятельность специалистов по маркетингу или связям с общественностью, где инициативность, креативность, умение убеждать и другие подобные качества имеют большое значение и существенно влияют на результаты трудовой деятельности. Помимо этого, одни и те же специалисты могут быть востребованы в совершенно разных отраслях, с течением времени меняя профиль своей деятельности, исходя из логики собственного карьерного роста.

В-третьих, работа не по специальности, полученной в образовательной организации, — это нормальное явление. Такая мысль, на первый взгляд, кажется некорректной. Но только на первый взгляд. Приведем несколько цитат из работы В. Гимпельсона и соавторов [10], которые пишут о том, что «в развитых странах соответствие фактической работы полученным

специальностям отмечается примерно в 80 % случаев». В Швеции «по полученной специальности (полное соответствие) работают 61 % мужчин и 71 % женщин, еще 16 % мужчин и 10 % женщин работают по смежным или близким специальностям (слабое соответствие). Другими словами, примерно 80 % всех выпускников университетов и колледжей сохраняют приверженность выбранной профессии». В США «55 % обладателей третичного образования отмечают, что они трудятся по профессии, тесно связанной с полученным образованием, для еще 20 % специальность по образованию и текущая занятость как-то связаны. Никак не связаны они для 20 % выпускников университетов и колледжей. Эти соотношения очень стабильны и слабо зависят от пола, расы, семейного положения». Для России численные показатели сопоставимы с теми, что присущи развитым странам. Согласно указанным ранее данным Росстата, проанализированным по итогам выборочных исследований качества трудовых ресурсов в нашей стране, на отсутствие связи работы с профессией (специальностью), полученной в образовательной организации, в России в 2017 г. указала следующая доля опрошенных из числа занятого населения в возрасте 15 лет и старше: 17 % — послевузовское, 29 % — высшее, 41 % — среднее профессиональное по программам подготовки специалистов среднего звена, 45 % — среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих. Как видим, ситуация вполне сопоставима с той, что наблюдается в развитых странах. Уместно указать на авторитетное мнение Т. Л. Клячко: «... И в советское время предприятия были недовольны уровнем подготовки молодых специалистов, но сейчас это как-то стало забываться» [11]. Причина рассмотренных выше несоответствий заключается в том, что при выборе профессии молодые люди зачастую слабо представляют себе как свою будущую профессиональную деятельность и карьеру, так и жизненную траекторию в целом.

Итак, первая из указанных выше проблем — проблема структурного и количественного несоответствия подготовки специалистов в системе образования потребности в работниках, которая может быть определена на основе анализа рынка труда, является фундаментальной для развивающейся рыночной экономики. Наиболее эффективный подход к ее разрешению — это не попытки проведения очередной радикальной реформы образования, а поддержка и государственное стимулирование развития системы непрерывного образования. Современным работникам требуется получение образования на протяжении всего периода трудовой активности. Поддержка го-

Распределение занятого населения в 2017 г. по соответствию уровня образования выполняемой работе

Возрастная категория, лет	15–72	15–79
Образование ниже, чем обычно требуется в данном занятии, %	5.3	6.2
Образование выше, чем обычно требуется в данном занятии, %	24.3	25.8
Образование соответствует занятию, %	70.4	68.0

Источник: выборочные исследования, Росстат.

сударства в этом вопросе, по нашему мнению, выступает значимым фактором стимулирования экономического роста.

Рассмотрим вторую проблему — «сверхобразованность» занятого населения, проявляющаяся в том, что работники имеют квалификацию более высокую, чем требуется для исполнения трудовых функций по занимаемым ими должностям. Возникает вопрос о том, каким образом диагностировать эту проблему.

Во-первых, в России среди занятого населения явно доминируют работники с высоким образовательным уровнем, что не в полной мере соответствует структуре (по уровню квалификации) потребности в трудовых ресурсах. Так, по упоминавшимся выше данным выборочных исследований, не имеют среднего общего образования 4 % занятых россиян, имеют среднее общее — 17 %, среднее профессиональное по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих и по программам подготовки специалистов среднего звена — 19 % и 26 % соответственно, высшее образование — у 34 % занятых. Во-вторых, наблюдается высокая доля занятых, которые работают на должностях, требующих более низкой квалификации, чем имеющаяся у них, о чем свидетельствует таблица 2.

Сверхобразованность трудовых ресурсов с позиции ее связи с экономическим ростом может иметь двоякую трактовку. С одной стороны, она является индикатором нерационального использования имеющихся в обществе ресурсов, находящихся в ведении домохозяйств (при оплате стоимости обучения за счет обучающихся и их семей) или государства (при обучении в государственных и муниципальных образовательных организациях за счет средств соответствующих бюджетов). Эти ресурсы затрачиваются на получение невостребованного образования, т. е. выступают не в форме инвестиций в человеческий капитал, о необходимости увеличения которых в современной России часто ведутся оживленные дискуссии, а чистых общественных затрат, не приносящих в дальнейшем экономических выгод.

Кроме того, сверхобразованность работников играет демотивирующую роль, судя по нашим оценкам, основанным на проводившихся в течение ряда лет индивидуальных собеседованиях

с трудоустроенными выпускниками университетов в различных российских регионах. Эта демотивация обусловлена тем, что работа на должностях, требующих более низкого уровня квалификации, чем имеющийся, вызывает негативные эмоции и переживания у работника, который ощущает себя неудачником, полагает, что впустую потратил время на обучение, оценивает свой нынешний трудовой статус как временный и не стремится ввиду этого к повышению уровня профессионального мастерства и т. д.

Решить эти проблемы в сложившейся модели государственного регулирования экономики быстро и эффективно, используя прямые методы государственного воздействия, к сожалению, невозможно. За исключением некоторых сегментов занятости, где сохраняется высокая регулирующая роль государства. Характерный пример связан с регулированием комплектования российских вооруженных сил. Так, при проведении в 2008–2012 гг. радикальных военных реформ, связанных с приданием вооруженным силам «нового облика», более чем вдвое сокращено количество офицерских должностей (требуют наличия высшего образования) в армии и на флоте: примерно с 335 тыс. до 150 тыс. единиц. О последствиях реформ сообщали в СМИ следующее: «Из-за этого части младших офицеров, в основном выпускникам военных вузов, предложено либо уволиться в запас, либо занять вакантные должности сержантов — командиров отделений, заместителей командиров взводов, командиров боевых машин. Были уникальные случаи, когда офицеры становились простыми стрелками или пулеметчиками... В пик реформ ... в статусе «офицеров-сержантов» было около 10 тыс. чел.» [11]. В дальнейшем, после фактического признания ошибочности такого радикального реформаторства, ситуация была исправлена, эффект сверхобразованности личного состава в армии и на флоте к настоящему времени в целом устранен. К сожалению, использовать этот опыт в большинстве отраслей экономики невозможно по объективной причине: в них отсутствует жесткое государственное управление, которое присуще сфере обороны и безопасности.

По нашему мнению, для преодоления негативных последствий сверхобразованности следует предпринять комплекс мер, к основным из которых можно отнести следующие. Пре-

жде всего необходима активизация государственной информационной политики в области труда, занятости, образования, требуется систематическое разъяснение населению необходимости и целесообразности (экономической и социальной) планирования образовательной и карьерной траектории на долгосрочную перспективу (в идеале — на всю жизнь). При рациональном подходе зачастую оказывается, что гораздо эффективнее не поступать после окончания школы в университет, а сначала получить профессию в организации среднего профессионального образования. И лишь затем, если необходимо, повышать образовательный уровень, реализуя концепцию образования на протяжении всей жизни.

Кроме того, недостаточная мотивированность и недостаточный уровень квалификации при выполнении трудовых функций сверхобразованными работниками (последнее связано с тем, что обладая завышенным уровнем образования в отношении выполняемой работы, такие работники зачастую не владеют необходимыми для ее эффективного выполнения компетенциями) порождает необходимость в развитии российской системы дополнительного образования. В ряде случаев эта проблема решается «автоматически» — через внутрифирменное обучение и работу различных коммерческих образовательных организаций, но эта деятельность требует и государственной поддержки, как административной, так и экономической.

Влияние сверхобразованности на экономический рост может рассматриваться и как положительный фактор, но в средне- и долгосрочной перспективе. Сверхобразованность занятого населения в России имеет и положительные эффекты, которые состоят в следующем [12].

В первую очередь «образование, особенно высшее и послевузовское, нацелено не только на развитие профессиональных навыков и

получение знаний, необходимых для производительного труда. Не менее важный аспект — повышение общего культурного уровня человека, его интеллектуальное развитие... Рост образовательного уровня россиян, даже без привязки к использованию этого человеческого потенциала, мы воспринимаем как безусловное достижение». Речь идет о том, что экономический рост как количественный показатель существенно уступает социально-экономическому развитию [13; 14; 15], которое обусловлено не только динамикой среднедушевого ВВП или национального дохода, но и прогрессивным гуманитарным развитием.

Кроме того, «при оценке качества используемых в экономике ресурсов, в том числе трудовых, следует исходить не из сиюминутных потребностей, а учитывать изменение ситуации на перспективу, «сверхобразованность» может рассматриваться ... как своеобразный резерв для будущего развития российской экономики по инновационному сценарию, необходимость чего сегодня не вызывает сомнений».

Таким образом, следует сделать вывод о том, что ресурсные возможности (в части трудовых ресурсов) в России для ускорения темпов экономического роста и совершения рывка в социально-экономическом развитии имеются. Несмотря на некоторые существующие в этой сфере проблемы, они вполне преодолимы, но для их преодоления требуется целенаправленная системная работа, ведущая роль в проведении которой отводится государству, совершенствование проводимой государственной политики по направлениям, указанным нами в статье. По нашему мнению, необходима модернизация реализуемой в настоящее время модели государственного регулирования экономики через усиление в ней планового начала в противовес рыночному, например, путем развития механизмов стратегического и индикативного планирования.

Литература

1. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Разумовский В. М. Мировая экономика перед вызовами “annus horribilis”: на пороге новой регионализации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1–2 (103). С. 19–24.
2. Зельднер А. Г. Социально-экономическое положение России в 2018 г. и возможности экономического роста // Финансовая экономика. 2019. № 1. С. 586–589.
3. Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Сорокин Д. Е. [и др.] Как придать импульс развитию российской экономики: приоритеты действий (предложения к основным направлениям деятельности Правительства РФ до 2024 г.) // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22, № S1. С. 4–15.
4. Богомолов В. Г., Харламов А. В. Отраслевые и территориальные аспекты экономического роста в Российской Федерации: монография. Калининград: Изд-во КГТУ, 1998. 143 с.
5. Полянин А. В., Докукина И. А. Тенденции и прогнозы экономического роста для российской экономики: региональный аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 3. С. 53–63. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-3-53-63.
6. Колодко Г. Институты, политика и экономический рост // Вопросы экономики. 2004. № 7. С. 35–50.
7. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018 // Росстат: офиц. сайт Федеральной службы государственной статистики. 2018. 30 июля. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B18_61/Main.htm (дата обращения: 28.06.2019).

8. Кашенов А. В. Прогнозирование занятости населения и безработицы в условиях повышения пенсионного возраста // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 4 (210). С. 9–17.
9. Статистическое измерение соответствия квалификации занятого населения выполняемой работе [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/stat-izm.pdf (дата обращения: 28.06.2019).
10. Чередниченко Г. А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 152–182. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-152-182.
11. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Карабчук Т., Рыжикова З., Биляк Т. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2009. № 397–398. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0397/analit01.php> (дата обращения: 19.07.2019).
12. Клячко Т. Л. Высшее образование: больше, лучше или дешевле? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2016. № 669–670. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0669/demoscope669.pdf> (дата обращения: 28.06.2019).
13. Литовкин Д. В войсках больше не будет «офицеров-сержантов» // Iz.ru. 2016. 29 дек. URL: <https://iz.ru/news/654626> (дата обращения: 28.06.2019).
14. Кокшарова М. Я., Круглов Д. В., Плотников В. А. Проблемы регулирования региональных рынков труда в России // Управленческое консультирование. 2019. № 6. С. 54–66. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-6-54-66.
15. Вертакова Ю. В. Стратегическое планирование устойчивого развития региона // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2005. № 1. С. 48–53.
16. Бодрунов С. Д. Возвращение индустрии – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 17–21.
17. Положенцева Ю. С. Государственное регулирование социально-экономической дифференциации регионов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2017. № 2 (32). С. 12–16.

References

1. Maksimtsev I.A., Mezhevich N.M., Razumovskii V.M. The global economy facing the challenges of “annus horribilis”: on the verge of a new regionalization. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2017;(1-2):19–24. (In Russ.).
2. Zel'dner A.G. Socio-economic situation of Russia in 2018 and opportunities for economic growth. *Finansovaya ekonomika = Financial Economy*. 2019;(1):586–589. (In Russ.).
3. Ivanter V.V., Porfir'ev B.N., Sorokin D.E. et al. How to boost the development of the Russian economy: Priority actions (Suggestions for the main activities of the state until 2024). *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2018;22(S1):4–15. (In Russ.).
4. Bogomolov V.G., Kharlamov A.V. Sectoral and territorial aspects of economic growth in the Russian Federation. Kaliningrad: KSTU Publ.; 1998. 143 p. (In Russ.).
5. Polyanin A.V., Dokukina I.A. Economic growth trends and forecasts for the Russian economy: Regional aspect. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2017;12(3):53–63. (In Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-3-53-63.
6. Kolodko G. Institutions, politics and economic growth. *Voprosy ekonomiki*. 2004;(7):35–50. (In Russ.).
7. Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample labor force surveys). 2018. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B18_61/Main.htm (accessed on 28.06.2019). (In Russ.).
8. Kashenov A.V. Forecasting employment and unemployment in the face of increasing retirement age. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards and Quality of Life*. 2018;(4):9–17. (In Russ.).
9. Statistical measurement of the qualifications of the employed population for work performed. Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/stat-izm.pdf (accessed on 28.06.2019). (In Russ.).
10. Cherednichenko G.A. Russian youth in the education system: From stage to stage. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2017;(3):152–182. (In Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-3-152-182.
11. Gimpel'son V., Kapelyushnikov R., Karabchuk T., Ryzhikova Z., Bilyak T. Choosing a profession: What did you learn and where are you useful? *Demoskop Weekly*. 2009;(397–398). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0397/analit01.php> (accessed on 19.07.2019). (In Russ.).
12. Klyachko T.L. Higher education: more, better or cheaper? *Demoskop Weekly*. 2016;(669–670). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0669/demoscope669.pdf> (accessed on 28.06.2019). (In Russ.).
13. Litovkin D. There will no longer be “sergeant officers” in the troops. *Iz.ru*. Dec. 29, 2016. URL: <https://iz.ru/news/654626> (accessed on 28.06.2019). (In Russ.).
14. Koksharova M.Ya., Kруглов D.V., Plotnikov V.A. Problems of regulation of regional labor markets in Russia. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2019;(6):54–66. (In Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2019-6-54-66.
15. Vertakova Yu.V. Strategic planning for sustainable development of the region. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie = Proceedings of Voronezh State University. Series: Economy and Management*. 2005;(1):48–53. (In Russ.).
16. Bodrunov S.D. Return of industrialization – return of Galbraith: From NIS.2 to noospheric civilization. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = The Economic Revival of Russia*. 2017;(2):17–21. (In Russ.).
17. Polozhentseva Yu.S. State regulation of socio-economic differentiation of the regions. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 2017;(2):12–16. (In Russ.).

ФОРМИРОВАНИЕ «ЗЕЛЕННОГО» СЕГМЕНТА НАЦИОНАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА: ОПЫТ СТРАН СО ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ДОЛЕЙ СЫРЬЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-13-22

УДК 338.23

Яковлев Игорь Алексеевич

*руководитель Центра международных финансов Научно-исследовательского финансового института
Министерства финансов РФ, кандидат экономических наук
127006, Москва, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2, e-mail: iyakovlev@nifi.ru*

Исследование направлено на изучение опыта интеграции странами, имеющими значительную долю сырьевой экономики, принципов устойчивого развития в национальные стратегии и политику.

Цель. Обобщить опыт стран в области основных направлений действий по формированию условий для развития «зеленого» сегмента национального финансового рынка.

Задачи. Сравнить инициативы в сфере устойчивого развития и «зеленых» инвестиций, реализуемые различными странами, а также подходы стран к формированию и развитию «зеленого» сегмента национального финансового рынка.

Методология. С помощью общих методов научного познания рассматриваются особенности реализуемого странами подхода к финансированию устойчивого развития и «зеленого» экономического роста.

Результаты. На примере пяти стран изучены вопросы, связанные с интеграцией принципов устойчивого развития в национальные стратегии и политику. Анализ проводился по следующим направлениям: сравнительная характеристика ключевых показателей социально-экономического развития; предпринимаемые действия по переориентации сырьевой экономики; реализуемые стратегии формирования «зеленого» сегмента экономики; достигаемые результаты. В ходе анализа обобщены подходы стран по переориентации хозяйствующих субъектов на устойчивые виды деятельности; описаны выбираемые направления формирования источников финансирования устойчивой деятельности и национальные решения по регулированию финансового рынка; систематизированы рыночные инструменты финансирования «зеленых» инвестиций и определена конфигурация «зеленого» сегмента национального финансового рынка в рассматриваемых странах.

Выводы. Изученный опыт ряда стран демонстрирует значимую роль государства в формировании «зеленого» сегмента национального финансового рынка, разнообразие подходов к принятию концепции устойчивого развития и основанной на ней модели «зеленого» экономического роста. Страны по-разному расставляют приоритеты, включая социальный и экологический фактор в национальную повестку. Применяется широкий спектр инструментов по переориентации на устойчивые виды деятельности, но ключевой проблемой для всех стран следует признать формирование источников финансирования устойчивой деятельности. По сути, страны заняты переформатированием финансового ландшафта, предпринимая попытку переноса бремени финансирования экономического развития с государства на рынок.

Ключевые слова: новые индустриальные страны, устойчивое развитие, сырьевая экономика, «зеленые» инвестиции, национальный финансовый рынок, экономическая стратегия, политика развития.

Для цитирования: Яковлев И. А. Формирование «зеленого» сегмента национального финансового рынка: опыт стран со значительной долей сырьевой экономики // *Экономика и управление*. 2019. № 9 (167). С. 13–22. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-13-22.

FORMATION OF THE GREEN SEGMENT OF THE NATIONAL FINANCIAL MARKET: EXPERIENCE OF COUNTRIES WITH A SIGNIFICANT SHARE OF THE COMMODITY ECONOMY

Igor' A. Yakovlev

*Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation
Nastas'inskiy Lane 3, bldg. 2, Moscow, Russian Federation, 127006, e-mail: iyakovlev@nifi.ru*

The presented study examines the experience of integration of sustainable development principles into the national strategies of countries with a significant share of the commodity economy.

Aim. The study aims to generalize the experience of countries in terms of measures aimed at the formation of conditions for the development of the green segment of the national financial market.

Tasks. The authors compare initiatives in the field of sustainable development and green investment implemented by different countries and their approaches to the formation and development of the green segment of the national financial market.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition to examine the specific features of the approach to the funding of sustainable development and green economic growth implemented by the countries.

Results. The authors examine the issues of the integration of sustainable development principles into national strategies and policies through the example of five countries. The following aspects are analyzed: comparison of the key indicators of socio-economic development; actions taken to reorientate the commodity economy; implemented strategies for the formation of the green segment of the economy; the achieved results. The analysis generalizes the countries' approaches to the reorientation of economic entities toward sustainable activities; describes the selected directions for the formation of funding sources for sustainable activities and national solutions in financial market regulation; systematizes market tools for the funding of green investment and determines the configuration of the green segment of the national financial market in the examined countries.

Conclusions. The examined experience of several countries shows that the government plays an important role in the formation of the green segment of the national financial market, and there is a variety of approaches to sustainable development and the model of green economic growth based on it. The countries have different priorities, including social and environmental factors on the national agenda. A wide range of tools are used to reorientate toward sustainable activities, but the key problem for all countries lies in the formation of funding sources for sustainable activities. The countries are essentially reformatting the financial landscape, attempting to transfer the burden of funding of economic development from the government to the market.

Keywords: new industrial countries, sustainable development, commodity economy, green investment, national financial market, economic strategy, development policy.

For citation: Yakovlev I. A. Formation of the Green Segment of the National Financial Market: Experience of Countries with a Significant Share of the Commodity Economy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):13–22. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-13-22.

Введение

Сегодня страны мира оказались в ситуации поиска адекватных ответов на вопросы, обусловленные глобальными вызовами современности. Коллективные решения складываются в рамках глобальных структур, формирующих сегодня контуры нового будущего. К числу таких решений, одобренных всеми странами — членами ООН, следует отнести итоговый документ Конференции ООН, состоявшейся в 2012 г. в Рио-де-Жанейро [1]; Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., принятую странами в 2015 г. на Конференции ООН в Нью-Йорке [2] и Парижское соглашение Рамочной конвенции ООН об изменении климата, также принятое в 2015 г. [3].

Эти международные договоренности раскрывают подходы к решению важных проблем современности и описывают основные направления экономической трансформации, которую предстоит пережить странам. Суть этих трансформаций заключается в построении нового типа экономического развития в мире — устойчивого развития и выработке нового экономического курса, в отношении которого в международных документах применяется термин «зеленый», поскольку в

качестве основы перехода к устойчивому развитию человечества выделено формирование «зеленой» экономики.

Контуры новой экономики также описаны в документах ООН, согласно которым «зеленая» экономика определяется как экономика, повышающая благосостояние людей и обеспечивающая социальную справедливость, при этом существенно снижающая риски для окружающей среды [4]. Данное видение экономики будущего вошло в программы и стратегии развития стран с развитой рыночной экономикой, Европейского союза [5], Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [6]. Черты новой «зеленой» экономики становятся все более четкими, она представляется в формате несырьевой модели развития, где основой являются новые инновационные секторы, которые должны заместить традиционные секторы экономики.

Взаимосвязь понятий «устойчивое развитие» и ««зеленая» экономика» обусловлена ходом глобального процесса социально-экономического развития, который привел к трансформации ключевых подходов в управлении системами и процессами. Мотивом к переосмыслению послужила череда кризисов, охватившая мировую экономическую систему со второй половины XX в. Причиной кризисов признано нерацио-

Основные показатели в области развития экономики, торговли и инвестиций, достигаемые странами в 2008–2017 гг. (среднее значение)

Страны	ВВП в постоянных ценах, млн долл. США, 2010	Доля в ВВП группы стран, %	Рост ВВП в постоянных ценах, %	Темпы роста ПИИ (входящие), %	Уровень инфляции на основе дефлятора ВВП, %	ВВП на душу населения, долл. США
Чили	242 793	6,41	2,93	–11,08	4,04	13 949
Индия	1 968 398	52,01	7,39	–0,91	5,74	1 541
Индонезия	875 295	23,12	5,40	10,06	7,22	3 482
Малайзия	293 517	7,75	4,70	2,57	2,55	9 935
Нигерия	405 191	10,71	4,44	–9,03	13,66	2 374
Итого	3 785 194	100,00	X	X	X	X

Источник: разработано авторами на основе данных World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 01.10.2019).

нальное распределение капитала, способствующее укреплению экономических секторов, негативно влияющих на общество и окружающую среду [7]. Трансформации подходов к управлению заключаются в придании экологическим и социальным факторам развития такой же роли при принятии управленческих решений, как экономическим и финансовым. Именно в этом контексте «зеленая» экономика представлена глобальными институтами управления как инструмент, способный вывести общество на бескризисную траекторию развития.

Переход к «зеленой» экономике увеличит благосостояние людей, социальное равенство и сократит экологические риски, а его успешность должна обеспечиваться сознательным формированием каждой из стран благоприятных условий [8, с. 9]. По сути, «зеленая» экономика представляется глобальными институтами управления как «ориентированный на действие подход для достижения устойчивого развития, который обеспечивает более целостную структуру для разработки, оценки, мониторинга и реализации стратегий и политик» [9, с. 15], а ее цель — обеспечить сдвиг в сторону более устойчивого производства и потребления на национальном уровне.

Подобное видение будущего, распространяемое с глобального уровня и поддерживаемое развитыми странами, создает для новых индустриальных стран и стран со значительной долей сырьевого сектора в экономике новые сложности, поскольку требует кардинальных изменений в существующей модели экономического развития. Такая модель совсем недавно привела эти страны к высоким социально-экономическим результатам и росту качества жизни граждан. В связи с этим изучение подходов стран со значительной долей сырьевой экономики к формированию «зеленого» сегмента национального финансового рынка и принимаемых ими стратегических решений представляет значительный теоретический и практический интерес.

Общая характеристика анализируемых стран

Для исследования выбраны Индия, Индонезия, Малайзия, Нигерия, Чили, являющиеся одновременно и новыми индустриальными странами, и странами со значительной долей сырьевого сектора в экономике. Анализируемые государства различаются по размеру экономики, площади занимаемой территории, численности населения, имеют существенные отличия в политической структуре. Общее для них — значимая доля сырьевого экспорта в совокупном объеме экспорта страны.

Характеристика базовых достигаемых результатов социально-экономического развития позволит лучше понять ситуацию, в которой сегодня находятся страны. Значение доли рассматриваемых стран в мировом ВВП в 2008–2017 гг. в среднем составляло 5,3 %. Страны значительно различаются по показателю ВВП, как видно из таблицы 1. На долю двух стран — Индии и Индонезии — приходится 75,13 % совокупного ВВП рассматриваемой группы, при этом наибольшая доля у Индии (–52 %). Доля Нигерии в совокупном ВВП стран составляет 10,71 %, Малайзии — 7,75 % и Чили — 6,41 %.

Вместе с тем, если рассматривать такой показатель, как ВВП на душу населения, то Индия выбывает из лидеров, заняв самую нижнюю позицию. Лидерами здесь являются Чили и Малайзия. Разрыв в значениях показателя ВВП на душу населения между странами-лидерами с одной стороны и Индией (1 541 долл. США), Нигерией (2 374,3 долл. США) и Индонезией (3 482 долл. США) — с другой немалый. Сходство этих трех государств проявляется также в сохранении высокой динамики роста ВВП и низких значений ВВП на душу населения. В рассматриваемой группе Индия, Индонезия и Малайзия демонстрируют наиболее высокие темпы роста ВВП в 2008–2017 гг. (7–5 %). Нигерия приближается к группе ли-

**Распределение стран по долям ключевых отраслей в валовой добавленной стоимости
в 2008–2017 гг. (среднее значение)**

	Страны (доля ВЭД по виду «Добыча полезных ископаемых»)	Существенная (более 5 %) доля сельского хозяйства и рыболовства	Существенная (более 20 %) доля обрабатывающих производств	Существенная (более 60 %) доля сферы услуг	Экспорт про- мышленных товаров, % от экспорта товаров	Экспорт топлива, % от экспорта товаров
					Справочно:	
1	Чили (14,44 %)	4,04 %	11,99 %	60,80 %	14,29	1,14
2	Малайзия (10,83 %)	9,62 %	23,47 %	49,53 %	64,14	17,64
3	Индонезия (7,65 %)	14,05 %	22,80 %	42,07 %	40,19	28,00
4	Нигерия (7,03 %)	21,04 %	9,05 %	58,52 %	3,81	90,34
5	Индия (2,75 %)	18,2 %	17,11 %	50,57 %	66,09	15,95

Источник: составлено по данным The World Bank Group. URL: <https://databank.worldbank.org/data/home.aspx>.

дерев: рост ВВП в 4,44 % (в среднем за анализируемый период).

Страны отличаются друг от друга и по уровню инфляции. От 2,55 % в среднем в год в Малайзии до 13,66 % в Нигерии. Особенно сильно страны различаются по такому показателю, как темпы роста входящих прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ). Так, в трех государствах наблюдались отрицательные темпы роста ПИИ в течение всего рассматриваемого периода. При этом, если в Индии такой показатель равен 0,91 %, то в Чили падение объема входящих ПИИ — более 11 % в среднем в год, а в Нигерии — практически 10 %. В двух странах наблюдались положительные темпы роста входящих ПИИ, которые также существенно различались (от 10 % в Индонезии до 2,57 % в Малайзии). Особое внимание обратим на Малайзию. Несмотря на скромные размеры экономики, в этом государстве наблюдается ее стабильный рост, с приближением показателя к значению Индонезии. Размеры экономики и темпы роста ПИИ которой в три раза больше.

Интересная информация обнаружена при изучении структуры валовой добавленной стоимости рассматриваемых стран в аспекте видов экономической деятельности (ВЭД). Существенным (от 7 % и выше) является вклад в валовую добавленную стоимость доли ВЭД по виду «Добыча полезных ископаемых» для четырех из пяти стран: Чили, Малайзии, Индонезии, Нигерии, как показано в таблице 2. При этом в экспорте товаров всех рассматриваемых стран, кроме Чили, велика доля топлива (от 15,95 % в Индии до 90,34 % в Нигерии). Чили — крупнейший экспортер руд и металлов (около 60 % всего экспорта).

Для Чили характерно то, что, несмотря на существенную долю вклада добывающего сектора в валовую добавленную стоимость (14,44 %), практически две трети вклада в валовую добавленную стоимость обеспечивается сферой услуг. В отношении Нигерии

и Индии наблюдается наибольшая по группе стран доля вклада сельского хозяйства в валовую добавленную стоимость (21,04 % и 18,2 % соответственно). Кроме Нигерии и Индии сельское хозяйство играет огромную роль в экономике Малайзии и Индонезии (9,62 % и 14,05 % соответственно). Особенность этих государств состоит в том, что при высокой доле вклада добывающего сектора и сельского хозяйства в валовую добавленную стоимость наблюдается также высокая доля вклада обрабатывающих производств (23,45 % и 22,8 % соответственно), но вклад сферы услуг в валовую добавленную стоимость в данном случае является одним из самых низких в группе (49,53 % и 42,07 % соответственно). Нигерия характеризуется наименьшей долей вклада обрабатывающих производств в валовую добавленную стоимость (9,05 %) и наименьшим значением доли экспорта промышленных товаров в общем объеме экспорта (3,81 %).

Таким образом, анализируемые страны заметно различаются по показателю ВВП. Несмотря на положительные темпы роста ВВП, в трех из рассматриваемых государств наблюдаются низкие значения ВВП на душу населения. Большая часть стран испытывает трудности с привлечением иностранных инвестиций. Хотя по доле вклада в валовую добавленную стоимость виды деятельности «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства» не являются лидирующими ВЭД, их роль в формировании экспортных поступлений характеризуется как ключевая для всех государств. Обеспечение достойного уровня жизни граждан тесно связано с достижением высоких темпов экономического роста. Последнее требует осторожных решений в части реформирования структуры национальной экономики, поскольку даже в нынешней ее комбинации большинство из рассматриваемых стран так и не смогло обеспечить достойного уровня жизни своим гражданам.

Инициативы стран в области устойчивого развития и «зеленых» инвестиций

Инициатива	Цель
Государственные программы, специальные фонды экологической и природоохранной направленности	Изменить традиционные хозяйственные практики, создать новые устойчивые виды деятельности
Государственные программы по борьбе с бедностью	Переориентация местных сообществ к устойчивым видам деятельности
Управление нефтегазовыми доходами	Более справедливое распределение доходов, попытка учесть интересы широких слоев общества
Налоговые механизмы	Ограничение традиционных видов деятельности, стимулирование новых, устойчивых видов деятельности
Создание специальных финансовых структур	Разработка и внедрение новых инновационных механизмов финансирования проектов в области устойчивого развития
Создание специальных проектных команд, отслеживание государственных расходов на цели устойчивого развития	Контроль за государственными расходами на цели устойчивого развития и их эффективность
Приоритетное развитие сектора возобновляемой энергетики	Создание основы для перехода к новой устойчивой модели экономического роста

Источник: составлено автором.

Действия по переориентации сырьевой экономики: стратегия и тактика¹

Инициативы и проекты в области устойчивого развития и «зеленых» инвестиций в национальной повестке стран. Каждое государство идет своим особым курсом к устойчивому развитию. Национальные условия определяют особенности инициатив, формулируемых странами, а также их направленность на решение проблем, что отражается в специфике реализуемых в том или ином государстве проектов и программ. Тем не менее можно выделить определенные черты, а в некоторых случаях — признаки сходства, наблюдающиеся в рассматриваемых странах, что отражено в таблице 3.

Поскольку экономика всех стран долгое время развивалась за счет эксплуатации природных ресурсов, то для них характерна концентрация внимания на экологическом факторе устойчивого развития. В итоге страны демонстрируют целый спектр государственных программ, а также специализированных фондов экологической и природоохранной направленности, цель которых не только финансировать за счет бюджетных средств природоохранные проекты, но и посредством льготного кредитования определенных видов деятельности изменять традиционные хозяйственные практики, создавать новые устойчивые виды деятельности.

Нигерия, являющаяся государством, зависящим от экспорта углеводородов, где значимая доля населения относится к категории бедных, немало внимания при формировании

национальной политики уделяет социальному фактору (ликвидации нищеты, гендерному равенству, доступному образованию и здравоохранению), что проявляется в большом количестве государственных стратегий, планов и программ по борьбе с бедностью, а также управлению нефтегазовыми ресурсами. Аналогичные задачи (управление нефтегазовыми ресурсами на благо общества и борьба с бедностью) характерны и для политики в области устойчивого развития Малайзии. Борьба с бедностью крайне актуальна и для Индии.

Переориентация местных сообществ к устойчивым видам деятельности осуществляется также посредством налоговых механизмов, при помощи которых ограничивается прибыльность традиционных видов деятельности, а целевой характер распределения поступлений от подобных налогов позволяет стимулировать устойчивые виды деятельности (примеры — налоги и акцизы на бензин, дизельное топливо и уголь в Индии, углеродный налог в Чили). Индия и Индонезия, подходя к решению проблемы системно, детально разрабатывают финансовые основы устойчивой деятельности, выделяя в качестве ключевой задачи обеспечение доступа инвесторов к долгосрочным источникам финансирования и демонстрируя ряд инициатив по регулированию финансового рынка.

Самостоятельное направление представляют собой структуры, создаваемые с целью разработки, адаптации и внедрения в национальную

¹ При подготовке настоящего раздела статьи использован материал аналитической записки «Формирование условий для развития «зеленых» инвестиций: сравнительный анализ национальных инициатив и проектов в области устойчивого развития, применяемых механизмов внутреннего регулирования и стратегий формирования «зеленого» сегмента национального финансового рынка» [10].

финансовую систему инновационных механизмов финансирования проектов в области устойчивого развития (например, Агентство по развитию возобновляемых источников энергии в Индии, линейка фондов в сфере возобновляемой энергетики в Малайзии), в рамках которых проводится проектирование «зеленых» финансовых инструментов, развитие социального партнерства, улучшение коммуникации государственного и частного сектора.

Ряд стран демонстрирует инновационный подход к контролю за государственными расходами на цели устойчивого развития и их эффективностью. Это проявляется в создании специальных проектных команд, отслеживающих государственные расходы на эти цели и их эффективность, детальной диверсификации национальной политики, с целью контроля за результатами (в Малайзии, Чили), создании системы мониторинга, контроля и отчетности реализации национальных мер (в Чили). Все страны демонстрируют особое внимание к возобновляемым источникам энергии, рассматривая развитие этого сектора как основу для перехода к новой устойчивой модели экономического роста.

«Зеленый» сегмент национального финансового рынка. Начал формироваться недавно, и в настоящее время все страны переживают активную фазу его становления. Можно утверждать, что в государствах практически завершен процесс внедрения в национальную финансовую практику двух ключевых рыночных инструментов финансирования «зеленых» инвестиций: «зеленых» кредитов и «зеленых» облигаций. Но конфигурация «зеленого» сегмента в каждой из рассмотренных стран имеет свои особенности, обусловленные спецификой регулирования и историей становления.

Так, например, в Малайзии два национальных регулятора финансового рынка (Банк Негара Малайзия и Комиссия по ценным бумагам Малайзии) объединили усилия и продвигают «зеленый» сукук¹ как ключевой инструмент финансирования «зеленой» экономики и устойчивого развития. Усилия регуляторов демонстрируют высокие результаты. Среди азиатских стран Малайзия занимает третье место по выпуску «зеленых» облигаций и стала первой в мире, выпустившей корпоративный «зеленый» сукук.

Специфика Индии заключается в наложении двух тенденций: дерегулирование финансового рынка на рубеже 90-х — 2000-х гг. и приоритизация целей устойчивого развития в национальной финансовой политике

с 2000-х гг. В результате наблюдается стремительный рост как национального финансового рынка в целом, так и его «зеленого» сегмента. При этом драйвером роста выступает государственный сектор. Именно госбанки и госкорпорации первыми эмитировали «зеленые» облигации и до 2018 г. их доля среди эмитентов превышала 50 %. Государство оказывает поддержку «зеленым» инвестициям в форме гарантий и кредитов, делая их привлекательными для институциональных инвесторов, мобилизуя тем самым масштабные внутренние сбережения, стимулируя частный сектор и удлиняя сроки обращения «зеленых» облигаций.

Становление «зеленого» сектора в Индонезии, в котором также главная роль принадлежит государству, ведет отсчет с 2010 г., когда глава Банка Индонезии и министр окружающей среды подписали меморандум о взаимопонимании относительно координации возросшей роли банковского сектора в сохранении окружающей среды и экологическом менеджменте. Разработаны совместные программы, направленные на внедрение «зеленого» финансирования и разработку практических мер по его продвижению. В 2013 г. Банк Индонезии в сотрудничестве с USAID внедряет модель «зеленого» кредитования. В конце 2013 г. Банк Индонезии передал полномочия по регулированию банковским сектором Управлению по финансовым услугам, которое пересматривает сферу охвата вышеупомянутого меморандума, для усиления роли финансового сектора в целом, в том числе путем стимулирования разработки финансовых услуг, содействующих устойчивому развитию.

В 2014 г. Управление по финансовым услугам издает два ключевых документа: Дорожную карту по устойчивому финансированию, во исполнение которой в 2017 г. выпускают две директивы (директива, предоставляющая финансовым институтам необходимое время для плавного перехода на принципы устойчивого развития, и директива, направленная на развитие рынка «зеленых» облигаций), и Руководство по проектам экологической энергетики для финансовых институтов (охватывает пять видов инвестиций в развитие «зеленой» энергетики; направлено на наращивание знаний и понимание особенностей проектов экологически чистой энергетики для увеличения инвестиций банками и финансовыми учреждениями, оценки осуществимости проектов и финансовых рисков). Таким образом, в Индонезии заложены нормативно-правовые основы

¹ «Зеленый» сукук (sukuk) — специфический вид финансового инструмента, распространенный на исламском финансовом рынке, особенность которого заключается в избежании запрета на выплату процентов. Сукук является инструментом, обеспеченным активом, а не долговой ценной бумагой, которая фактически запрещена принципами исламских инвестиций.

для развития «зеленого» сегмента национального финансового рынка, а последовательная и четкая деятельность финансового регулятора принесла результат — индонезийские компании постепенно осваивают «зеленый» рынок.

В Нигерии движение к формированию «зеленого» сегмента национального финансового рынка началось в 2003 г., когда комиссией по ценным бумагам и биржам был выпущен Кодекс корпоративного управления, с целью повышения прозрачности и подотчетности компаний, осуществляющих деятельность в стране. Позднее, в 2012 г., Центральный банк Нигерии выпускает Нигерийские принципы устойчивого банковского дела. В 2015 г. страна формулирует свои климатические обязательства, в том числе устанавливает область «зеленых» проектов и дополнительные (к Green Bond Principles¹) требования, которым должны соответствовать размещаемые на Нигерийской фондовой бирже «зеленые» облигации. В 2017 г. Правительство Нигерии (при поддержке ФИ ЮНЕП) разрабатывает и принимает к внедрению Дорожную карту по устойчивому развитию финансового сектора.

В Чили развитие получили климатические и «зеленые» облигации. Регистрация эмиссии «зеленых» облигаций осуществляется государством в лице Комитета по финансовым рынкам Чили и регламентируется национальным нормативным правовым актом. Обращение инструмента на национальной бирже происходит в соответствии с Руководством по «зеленым» и социальным облигациям, изданным Национальной фондовой биржей.

Следует обратить внимание на тот факт, что «зеленые» финансовые инструменты создаются в первую очередь и преимущественно в сфере возобновляемой энергетики и энергоэффективности. Далее происходит «перетекание» «зеленых» инвестиций и в другие сектора экономики. Отдельные страны разрабатывают и внедряют специфичные инновационные инструменты финансирования «зеленых» проектов: например, созданный исламской финансовой системой «зеленый» сукук (Малайзия, Индонезия); специфический индийский «зеленый» инструмент — облигации масала (Masala bonds, Green Masala). Каждое государство принимает международные стандарты как основу организации деятельности национального «зеленого» сегмента, предоставляя право национальным финансовым организациям проходить сертификацию в соответствующих международных иници-

ативах. При этом большинство стран (Индия, Чили, Малайзия, Нигерия) дополняют международные стандарты национальными требованиями, а Индонезия занята детальной проработкой национального регулирования, сверяя его с практикой, формирующейся на международных рынках.

Стратегии формирования «зеленого» сегмента национального финансового рынка: общие тенденции. Изучая опыт стран по формированию «зеленого» сегмента национального финансового рынка, нельзя не обратить внимание на тот факт, что большую роль в этом процессе играют правительства. В арсенале государственной поддержки каждой из стран всевозможные способы: прямые бюджетные ассигнования, государственные программы, целевые фонды, гранты и субсидии, фискальные налоговые стимулы. Специфичны в господдержке секторы экономики, на которые она распространяется. Несмотря на то, что ведущим направлением, которому предназначено «зеленое» финансирование, сегодня остается энергетика (сектор возобновляемой энергетики), страны приступают к расширению секторальной политики, формируя новые, приоритетные для «зеленого» финансирования отрасли.

«Озеленение» сельского хозяйства объявлено приоритетом не только правительства Индии, но и ряда индийских штатов. Учитывая приоритеты развития Индии, в фокус «зеленого» инвестирования попадают такие сектора, как управление отходами, транспортная отрасль, управление водными ресурсами и водопользование, строительство. В связи с этим в центре государственного внимания находится создание благоприятных условий для формирования институциональной финансовой среды посредством таких мер, как «зеленая» маркировка инвестиций в транспарентные и ресурсоэффективные компании.

Поскольку традиционные источники финансирования проектов могут оказаться недостаточными для наращивания «зеленого» потенциала экономики, в стране идет активная проработка вопроса по внедрению новых инструментов финансирования и инновационных финансовых механизмов, которые будут доступны широкому кругу инвесторов (пенсионным фондам, фондам национального благосостояния, страховым компаниям). Регулирование «зеленого» сегмента в Индии направлено не на создание ряда правил, а на распространение общих правил и на «зеленые» инструменты, но с применением к ним

¹ Добровольные стандарты эмиссии «зеленых» облигаций, выпущенные в 2017 г. международной саморегулируемой организацией, объединяющей профессиональных участников рынков капитала — ISMA. Стандарты обновлены в июне 2018 г.

дополнительных требований, позволяющих присвоить им «зеленую» маркировку.

Стратегия формирования «зеленого» сегмента национального финансового рынка в Индонезии отличается многоаспектностью и детальной проработанностью. Продвигаясь к целям устойчивого развития, государство выстраивает логичную систему распределения полномочий между заинтересованными субъектами, но оставляя в руках центрального органа ключевые рычаги контроля и управления. В стране создан механизм маркирования расходов государственного бюджета, связанных со смягчением последствий изменения климата и адаптации к ним. Разработаны Рамочные основы выпуска «зеленых» облигаций и «зеленого» сукука в целях обеспечения прозрачности и стимулирования спроса, определения перечня «зеленых» секторов. Министерство финансов выполняет функции управления процессом распределения поступлений от каждого выпуска «зеленых» облигаций и «зеленых» сукуков, обеспечивает использование этих поступлений в строгом соответствии с Рамочными основами выпуска. В Индонезии созданы платформа смешанного финансирования SDG Indonesia One для мобилизации потоков государственного и частного капитала в инфраструктурные проекты и гарантийный фонд поддержки «зеленой» инфраструктуры. Осуществляется масштабная государственная поддержка ВИЭ (инвестиционные кредиты, фонды, налоговые стимулы, реформа субсидий на ископаемое топливо).

Стратегия формирования «зеленого» сегмента национального финансового рынка в Малайзии, Нигерии и Чили также вписана в общую стратегию развития страны, в которой декларируется цель достижения устойчивого развития. Для развития «зеленого» сегмента страны принимают законы, ограничивающие экономическую деятельность с учетом экологического и социального факторов и устанавливающие меры поддержки «зеленых» инвестиций, направляемых преимущественно на развитие ВИЭ, создаются институты развития, разрабатываются инструменты господдержки. Для формирования отдельного рыночного сегмента уточняется национальное финансовое регулирование.

От глобальных решений к национальным действиям

Проведенный анализ подтверждает тот факт, что рассматриваемые государства активно формируют среду для развития «зеленых» инвестиций. Реализуемые странами инициативы и проекты в области устойчивого развития направлены на достижение целей и за-

дач, утвержденных национальными планами развития, и специфичны в каждом государстве. Спектр инициатив достаточно широк: от национальной политики в области «зеленых» технологий, фискальных стимулов, государственных программ до национальных «зеленых» биржевых индексов, руководящих принципов по социально, экологически и экономически ответственному бизнесу и др. Комбинация инициатив индивидуальна, формируется исходя из проблематики устойчивого развития, озвученной в национальной повестке стран.

Все рассмотренные государства разработали сложные, многоуровневые стратегии, в которых соединяют различные элементы модели устойчивого развития, «зеленого» роста в требуемых для достижения целей национального развития и обеспечения конкурентоспособности национальной экономики комбинациях и пропорциях. Тем не менее применяемые механизмы внутреннего регулирования финансового рынка с целью формирования его «зеленого» сегмента имеют много общих черт, поскольку направлены на решение одной проблемы — развитие долгосрочных источников финансирования экономического роста. Решение этой проблемы предполагает задействование трех источников финансирования: государственные ресурсы, национальный частный сектор, зарубежная помощь. Подходы демонстрируют различия в связи с тем, что страны по-разному определяют для себя эти возможности. Индия демонстрирует настойчивую позицию Резервного банка, мотивирующего крупнейшие банки к устойчивому ведению бизнеса, саморегулирование (биржевые индексы, руководящие принципы) и активную роль госбанков и госкорпораций, на которых возложена задача тестирования «зеленых» финансовых инструментов. Пример Индонезии раскрывает иной опыт. По сути, наблюдается «мягкое подталкивание» регулятором к устойчивому финансированию, учету экологического и социального факторов — сначала ведущих банков, затем остальных финансово-кредитных учреждений. На долю госкорпораций и госбанков приходится роль тестирования «зеленых» финансовых инструментов.

Малайзия и Нигерия отягощены «наследием углеводородов». Для них характерно выстраивание системы гибкого экологического регулирования с применением ресурсов международных организаций, государственное программирование развития «зеленых» отраслей и «зеленых» технологий с целью снижения зависимости от углеводородного топлива; активная политика государства на финансовом рынке и роль первопроходца в выпуске «зеленых» облигаций. В Чили государственное

регулирование дополняется саморегулированием финансового сектора в направлении устойчивого финансирования. Выстроена система гибкого экологического регулирования с использованием ресурсов международных организаций. Роль господдержки рассматривается как главная составляющая для привлечения частного финансирования.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, сделаем следующие выводы. Столкнувшись с проблемой выбора следует ли в дальнейшем уделять приоритетное внимание доходам от природных ресурсов или принять «зеленую» трансформацию, страны приняли решение приступить к «зеленой» трансформации. Основы данного процесса заложены. Удастся ли его привести

к цели, формируемой в глобальной повестке — покажет опыт. Кроме того, странами предпринимаются действия по переходу к «зеленой» экономике, формируются источники финансирования этого перехода, предпринимаются попытки по их расширению за счет вовлечения частного сектора. На современном этапе сложно давать качественные оценки скорости и моделям формирования «зеленых» сегментов национальных финансовых рынков, существенным следует признать процесс начала их формирования. Несмотря на многообразие выбираемых странами подходов к формированию «зеленого» сегмента национального финансового рынка, стратегия всех государств сходна и концентрируется на одной задаче — найти источники финансирования «зеленого» экономического роста за пределами государственных бюджетов.

Литература

1. *Будущее, которого мы хотим: итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию* // Организация Объединенных Наций. Рио-де-Жанейро, 2012. URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
2. *Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г.* // Организация Объединенных Наций. 2015. 21 окт. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
3. *Парижское соглашение: принято 12 дек. 2015 г. 21-й сессией конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Париж, 30 ноября – 13 декабря, 2015).* URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
4. *Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication — A Synthesis for Policy Makers.* United Nations Environment Programme (UNEP). 2011. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
5. *Towards a Green Economy in Europe.* EU Environmental Policy Targets and Objectives 2010–2050. Copenhagen: European Environment Agency, 2013. URL: <https://www.eea.europa.eu/publications/towards-a-green-economy-in-europe> (дата обращения: 20.07.2019).
6. *Towards Green Growth* // Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). 2015. 96 p.
7. *Declaration on Green Growth.* Adopted at the Meeting of the Council at Ministerial Level on 25 June 2009 // Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). URL: <http://www.oecd.org/env/44077822.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).
8. Яковлев И. А., Кабир Л. С., Никулина С. И., Раков И. Д. Финансирование «зеленого» экономического роста: концепции, проблемы, подходы // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2017. № 3 (37). С. 9–21.
9. Яковлев И. А., Кабир Л. С. Механизм финансирования «зеленых» инвестиций как элемент национальной стратегии финансирования устойчивого развития // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2018. № 3 (43). С. 9–20. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-9-20.
10. *Формирование условий для развития «зеленых» инвестиций: сравнительный анализ национальных инициатив и проектов в области устойчивого развития, применяемых механизмов внутреннего регулирования и стратегий формирования «зеленого» сегмента национального финансового рынка: аналитическая записка.* М.: НИФИ. 2019. 98 с.

References

1. *The future we want: Outcome document of the United Nations Conference on Sustainable Development (Rio de Janeiro, June 20-22, 2012).* URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/733FutureWeWant.pdf> (accessed on 20.07.2019).
2. *Transforming our world: The 2030 Agenda for sustainable development. Resolution adopted by the General Assembly on September 25, 2015.* URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/resource-pdf/Resolution_A_RES_70_1_EN.pdf (accessed on 20.07.2019).
3. *The Paris Agreement: Adopted on December 12, 2015 at the 21st session of the Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change (Paris, Nov. 30 — Dec.*

- 13, 2015). URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (accessed on 20.07.2019).
4. Towards a green economy: Pathways to sustainable development and poverty eradication. A synthesis for policy makers. United Nations Environment Programme (UNEP). 2011. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/126GER_synthesis_en.pdf (accessed on 20.07.2019).
5. Towards a green economy in Europe: EU environmental policy targets and objectives 2010–2050. Copenhagen: European Environment Agency; 2013. URL: <https://www.eea.europa.eu/publications/towards-a-green-economy-in-europe> (accessed on 20.07.2019).
6. Towards green growth? Tracking progress. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD); 2015. 96 p.
7. Declaration on green growth. Adopted at the meeting of the Council at Ministerial Level on June 25, 2009. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). URL: <http://www.oecd.org/env/44077822.pdf> (accessed on 20.07.2019).
8. Yakovlev I. A., Kabir L. S., Nikulina S. I., Rakov I. D. Financing green economic growth: Conceptions, problems, approaches. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*. 2017;(3):9-21. (In Russ.).
9. Yakovlev I. A., Kabir L. S. Green investment financing mechanism as an element of the national strategy for sustainable development financing. *Nauchno-issledovatel'skii finansovyi institut. Finansovyi zhurnal = Financial Research Institute. Financial Journal*. 2018;(3):9-20. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-9-20.
10. Formation of conditions for the development of green investments: A comparative analysis of national initiatives and projects in the field of sustainable development, applicable mechanisms of internal regulation and strategies for the formation of a green segment of the national financial market. An analytical note. Moscow: Financial Research Institute; 2019. 98 p. (In Russ.).

ОБ УГРОЗАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-23-33

УДК 332.1

Зоидов Кобилжон Ходжиевич

заведующий лабораторией Института проблем рынка РАН,
кандидат физико-математических наук, доцент
117418, Москва, Нахимовский пр., д. 47, e-mail: kobiljonz@mail.ru

Зименкова Елена Николаевна

ассистент кафедры Института экономики и управления Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского
295000, г. Симферополь, Севастопольская ул., д. 21/4

Исследование направлено на анализ угроз экономической безопасности региона и поиск путей повышения уровня экономической безопасности.

Цель. Определить и проанализировать возможные угрозы экономической безопасности региона (на примере Республики Крым).

Задачи. Провести теоретический анализ понятия «угроза экономической безопасности», выявить особенности региона, влияющие на уровень экономической безопасности, сформировать перечень основных угроз экономической безопасности Республики Крым.

Методология. Проведен обзор научных взглядов на категорию «угроза экономической безопасности». Использованы методы логического анализа, которые позволили установить факторы, определяющие особенности региона и их взаимосвязь с выявленными угрозами экономической безопасности. По итогам анализа статистики дана оценка социально-экономического положения Республики Крым.

Результаты. Регионы России отличаются высокой степенью дифференциации, что связано с их географическим положением, природно-ресурсным потенциалом, отраслями хозяйственной специализации и прочими факторами. Именно поэтому определение угроз экономической безопасности того или иного региона формируется с учетом его особенностей. В статье приведен перечень основных угроз экономической безопасности региона, в частности Республики Крым, а также представлена их классификация.

Выводы. В условиях экономического кризиса, нестабильной геополитической обстановки и внешних санкций экономическая безопасность становится одним из важнейших национальных приоритетов. Ввиду федеративного государственного устройства России регионы играют важную роль в формировании экономической безопасности страны в целом. В связи с этим необходимо своевременное выявление угроз экономической безопасности региона, а также поиск путей эффективного противодействия им.

Ключевые слова: экономическая безопасность, угроза, противодействие угрозам, регион, Республика Крым.

Для цитирования: Зоидов К. Х., Зименкова Е. Н. Об угрозах экономической безопасности Республики Крым // *Экономика и управление*. 2019. № 9 (167). С. 23–33. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-23-33.

Благодарности: Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-010-00552 а.

ON THREATS TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Kobilzhon Kh. Zoidov

Market Economy Institute of the Russian Academy of Sciences (MEI RAS)
Nakhimovskiy Ave 47, Moscow, Russian Federation, 117418, e-mail: kobiljonz@mail.ru

Elena N. Zimenkova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Sevastopol St. 21/4, Simferopol, Russian Federation, 295000

The presented study analyzes threats to regional economic security and searches for ways to improve economic security.

Aim. The study aims to identify and analyze potential threats to regional economic security (through the example of the Republic of Crimea).

Tasks. The authors conduct a theoretical analysis of the concept of a threat economic security, identify regional features that affect the level of economic security, and list the major threats to the economic security of the Republic of Crimea.

Methods. The scientific perspectives of threats to economic security are examined. This study uses logical analysis methods to identify factors that determine regional features and their relationship with the identified threats to economic security. The socio-economic situation in the Republic of Crimea is assessed according to the analysis of statistics.

Results. Russian regions are highly different due to their geographic location, natural resource potential, economic specialization, and other factors. This is why threats to regional economic security are identified with allowance for each region's specific features. The study lists and classifies the major threats to regional economic security, particularly in relation to the Republic of Crimea.

Conclusions. In the context of economic crisis, unstable geopolitical situation, and foreign sanctions, economic security becomes one of the top national priorities. Due to Russia's federal nature, its regions play an important role in the formation of the country's economic security as a whole. Therefore, it is necessary to identify threats to regional security early and find efficient ways to counter them.

Keywords: economic security, threat, countering threats, region, Republic of Crimea.

For citation: Zoidov K. Kh., Zimenkova E. N. On Threats to the Economic Security of the Republic of Crimea. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*; 2019,(9):23–33. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-23-33.

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18-010-00552 a.

Введение

Экономическая безопасность региона обусловлена сочетанием различных условий и факторов, которые обеспечивают его конкурентоспособность, сохранение региональных структур и целостности территории, высокий уровень качества жизни населения. Основными задачами экономической безопасности являются обеспечение благоприятных условий для жизни и развития личности, социальной, финансовой, политической и иной стабильности общества, реализация независимой региональной социально-экономической политики региона, создание внутреннего иммунитета и успешное противостояние влиянию различных видов угроз, конкурентоспособность региона на внутренних и мировых рынках, способность региональных органов государственной власти создавать механизмы реализации и защиты интересов региона и хозяйствующих субъектов.

Поскольку российские регионы отличаются высокой степенью дифференциации, факторы, определяющие специфику того или иного субъекта, играют немаловажную роль в формировании региональной экономической безопасности. Важно учитывать такие специфические особенности каждого из них, поскольку они могут быть либо существенным преимуществом в обеспечении экономической безопасности, либо колоссальной угрозой.

1. Анализ научных исследований в области экономической безопасности региона

Успешное противостояние различным видам угроз — одна из важнейших задач экономической безопасности региона. В целях установления перечня и характеристики угроз необходимо обратить внимание на содержание понятия «угроза экономической безопасности». Его определение с позиции национальных интересов представлено в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г.: «Угроза экономической безопасности — совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере» [1].

Большинство исследователей характеризуют угрозы экономической безопасности только с позиции государственных интересов. Так, коллектив авторов под руководством Н. В. Манохиной трактует данное понятие как «явления и процессы, которые отрицательно влияют на экономическое состояние страны, ограничивают экономические интересы личности, общества, государства, создают опасность национальным ценностям и национальному образу жизни» [2, с. 28]. Г. П. Журавлева, В. В. Смагина считают, что «угрозы экономическим интересам государства необходимо рассматривать в двух направлениях: 1) реальные потери, ущерб; 2) упущенная выгода»

Особенности региона, влияющие на состояние экономической безопасности

№	Факторы, определяющие специфику региона	Угрозы экономической безопасности региона
1	Географическое положение (обширность занимаемой территории, расположение внутри страны, с выходом к морю или вблизи государственных границ)	1. Усиление импортной зависимости. 2. Усиление зависимости от поставок из других регионов
2	Отрасли хозяйственной специализации (промышленность, лесное хозяйство, сельское хозяйство, энергетика, туризм и т. п.)	1. Угроза производств, использующих атомную энергию. 2. Биологическое и химическое загрязнение окружающей среды. 3. Рост безработицы. 4. Низкая конкурентоспособность продукции. 5. Спад производства. 6. Потеря внутреннего рынка. 7. Деградация производственных средств. 8. Обострение ценовых диспропорций между промышленностью и сельским хозяйством. 9. Потеря продовольственной независимости
3	Транзитность территории (наличие авиационных, морских, автомобильных, железнодорожных и трубопроводных путей сообщения)	1. Потеря внешнего рынка. 2. Усиление зависимости от поставок из других регионов
4	Социально-экономические связи между регионами (ориентация региона на внутренний или внешний рынок, связи с основными рынками сбыта, привлечение инвестиций)	1. Потеря внешнего рынка. 2. Низкий уровень инвестиционной привлекательности региона. 3. Снижение предпринимательской активности
5	Природно-ресурсный потенциал (месторождения газа, нефти, золота, алмазов и др., обеспеченность ресурсами для бюджетобразующих отраслей, благоприятные или неблагоприятные климатические условия)	1. Нерациональное использование природных ресурсов. 2. Тенденция к превращению в топливно-сырьевую периферию. 3. Снижение конкурентоспособности территории. 4. Деградация научно-технического персонала. 5. Сокращение заказов на высокотехнологичную продукцию. 6. Увеличение экспорта сырья вместо поставок готовой продукции
6	Состояние окружающей среды	1. Экологические катастрофы местного масштаба. 2. Появление зон экологического бедствия. 3. Глобальные природные катастрофы. 4. Загрязнение атмосферного воздуха. 5. Загрязнение водных объектов. 6. Загрязнение почвы. 7. Образование отходов. 8. Рост площадей нарушенных земель. 9. Трансконтинентальный перенос загрязнений
7	Демографический фактор (воспроизводство населения, средняя продолжительность жизни, этнографические группы, состояние здоровья населения, уровень доходов населения по отношению к прожиточному минимуму, миграционные процессы)	1. Углубление имущественного расслоения среди населения; повышение уровня бедности. 2. Рост заболеваемости. 3. Социальная напряженность; криминализация общества. 4. «Утечка умов». 5. Социальная неудовлетворенность (рост преступности, наркомании и др.). 6. Проблемы беженцев, языковые барьеры и т. п.
8	Уровень государственной поддержки	1. Низкая степень бюджетной поддержки экономического развития региона. 2. Политическое противостояние с центром. 3. Открытость рынка для импорта. 4. Вывоз капитала за рубеж. 5. Осложнение геополитической обстановки. 6. Уменьшение золотовалютных резервов страны.

Источник: составлено авторами.

[3, с. 19]. Н. В. Лапшин полагает, что «под угрозой экономической безопасности следует прежде всего понимать совокупность негативных условий и факторов, нарушающих расширенный воспроизводственный процесс в национальной хозяйственной системе и ее структурных элементах различного уровня. Внешнее проявление воздействия таких факторов — это деформация и в конечном итоге, если нет ограничительного воздействия, разрушение» [4]. Г. С. Вечканов [5] характеризует угрозу как форму опасности, процесс или явление, негативно влияющее на экономическое состояние страны, создающее ограничения экономическим интересам личности, общества, государства, как опасность для национальных ценностей и образа жизни. Ученый подчеркивает тот факт, что особенности регионов обуславливают проявление региональных угроз. Т. Ю. Феофилова дает следующую трактовку угрозам экономической безопасности региона: «Негативные воздействия, влияние которых на социально-экономическую систему региона определено намерением нанести ущерб с высокой степенью вероятности» [6, с. 194].

Регион как хозяйственная система — это территория, обладающая органами управления, относительной юридической и экономической самостоятельностью, общностью природных, экономических, социальных и других ресурсов, в рамках которой реализуются связи между гражданами, субъектами хозяйственной деятельности различных форм собственности и органами государственного управления. Поэтому угрозами экономической безопасности региона предлагаем считать явления или процессы, оказывающие негативное воздействие на стабильность и устойчивость экономики региона, нарушающие права граждан на достойный уровень жизни, ограничивающие возможности к саморазвитию и прогрессу. Анализ научных исследований в области экономической безопасности и политических документов позволяет сформировать перечень угроз экономической безопасности региона, обусловленных его спецификой, особенностями, представленными в таблице 1.

2. Проблемы формирования и классификация угроз экономической безопасности региона

Угрозы экономической безопасности региона достаточно динамичны в своем проявлении, обусловлены внешними и внутренними факторами, воздействующими на состояние региональной экономики. Каждый регион РФ испытывает сильное влияние общероссийских тенденций, поэтому при обеспечении региональной экономической безопасности необ-

ходимо учитывать и факторы, относящиеся к региону, и факторы, относящиеся к государству в целом. Так, невыгодное географическое положение (например, вдали от крупных административных центров страны), плохая транспортная обеспеченность, отсутствие взаимодействия региональных органов власти с федеральными негативно воздействуют на уровень экономического развития региона, а адекватная внешняя политика государства, обеспечение региона федеральными заказами и другие факторы способствуют экономическому росту.

В комплексе мер формирования экономической безопасности региона предупреждение зарождающихся угроз должно иметь решающее значение. Немаловажной при создании эффективной стратегии по обеспечению экономической безопасности того или иного субъекта РФ является проблема классификации угроз, позволяющей прогнозировать предкризисные ситуации в экономической системе и улучшить организацию противодействия угрозам с учетом их особенностей. Классификационные признаки и виды угрозы систематизированы в таблице 2.

Рассмотрим классификационный признак по месту нахождения угрозы: внутренние и внешние. Внешние угрозы представляют собой явления или процессы, возникающие во внешней среде региона и оказывающие деструктивное воздействие на его экономику. В современных условиях такие угрозы претерпевают постоянные трансформации из одной сферы в другую. Это вызвано в первую очередь высокой степенью зависимости экономики России от политических и экономических решений интеграционных союзов зарубежных стран, торговых организаций, ущемляющих интересы РФ в области экономики. К внешним угрозам можно отнести геополитические, глобальные экологические и социальные процессы, деятельность транснациональных компаний, разрушающие экономическую систему региона. «Конечным результатом таких технологий обычно становится потеря конкурентоспособности, независимости и разрушение конкурентных хозяйственных систем (например, в настоящее время проводится целенаправленная политика по вытеснению России из мирохозяйственных процессов, ориентированная на превращение ее в сырьевой «придаток», полностью зависимый от импортной продукции)» [4], что мгновенно скажется на экономике каждого субъекта РФ. Наиболее существенные внешние угрозы экономической безопасности региона представлены на рисунке 1.

Внутренние угрозы — это негативные явления или процессы, возникающие внутри системы (региона), причинами которых явля-

Классификация угроз экономической безопасности региона

№	Классификационный признак	Вид угрозы
1	По месту нахождения угрозы	внутренние; внешние
2	По времени проявления	текущие; краткосрочные; долгосрочные
3	По степени вероятности возникновения	невероятные; маловероятные; вероятные; неизбежные
4	По возможности прогнозирования	предсказуемые; непредсказуемые
5	По возможности обнаружения	явные; скрытые
6	По степени тяжести последствий	с высокой тяжестью; со средней тяжестью; с низкой тяжестью
7	По виду	прямые; косвенные
8	По природе возникновения	антропогенные; техногенные; социальные; экологические; финансовые; политические; правовые
9	По источнику возникновения	объективные; субъективные
10	По величине ущерба	сложные; значительные; катастрофические

Источник: составлено авторами.

ются факторы, воздействующие на население. Среди них — экономические, политические, технологические, демографические, социальные, экологические и другие, проявляющиеся в уровне и качестве жизни населения, криминализации общества, проявлении финансового и экономического кризисов. Внутренние угрозы наиболее опасны для региона, они подрывают региональную экономику и способствуют усилению внешних негативных воздействий. При этом важно учитывать, что высокий уровень дифференциации регионов РФ обуславливает индивидуальный подход к определению перечня внутренних угроз и их анализу. Так, угроза аварийной опасности и изношенности коммуникационных систем характерна для регионов с преобладанием транспортных коммуникаций. Снижение уровня научно-технического потенциала негативно скажется прежде всего на регионах с развитым военно-промышленным комплексом. Обострение социальных проблем характерно для депрессивных регионов, а имущественное расслоение общества возможно в субъекте любого типа. Наиболее существенные внутренние угрозы экономической безопасности представлены на рисунке 2.

3. Социально-экономическое положение Республики Крым; внешние и внутренние угрозы ее экономической безопасности

Проанализируем социально-экономическое положение Республики Крым, а также внешние и внутренние угрозы ее экономической безопасности. Республика Крым обладает уникальным географическим положением. Она расположена на Крымском полуострове и соединена с материком в пределах границ с Украиной узким 30-километровым Перекопским перешейком. С материковой частью России Республика Крым имеет сухопутное сообщение через Крымский мост. Южное положение полуострова относительно большей части России, наличие субширотных Крымских гор и моря создают разнообразные ландшафты и природные условия для развития агропромышленного комплекса, санаторно-курортного и туристического комплексов [7].

В числе отраслей специализации экономики Республики Крым — санаторно-курортный и туристский комплекс, сельское хозяйство, производство пищевых продуктов, виноделие, рыболовство, производство товаров неорганической химии (соды, соли, диоксида титана),

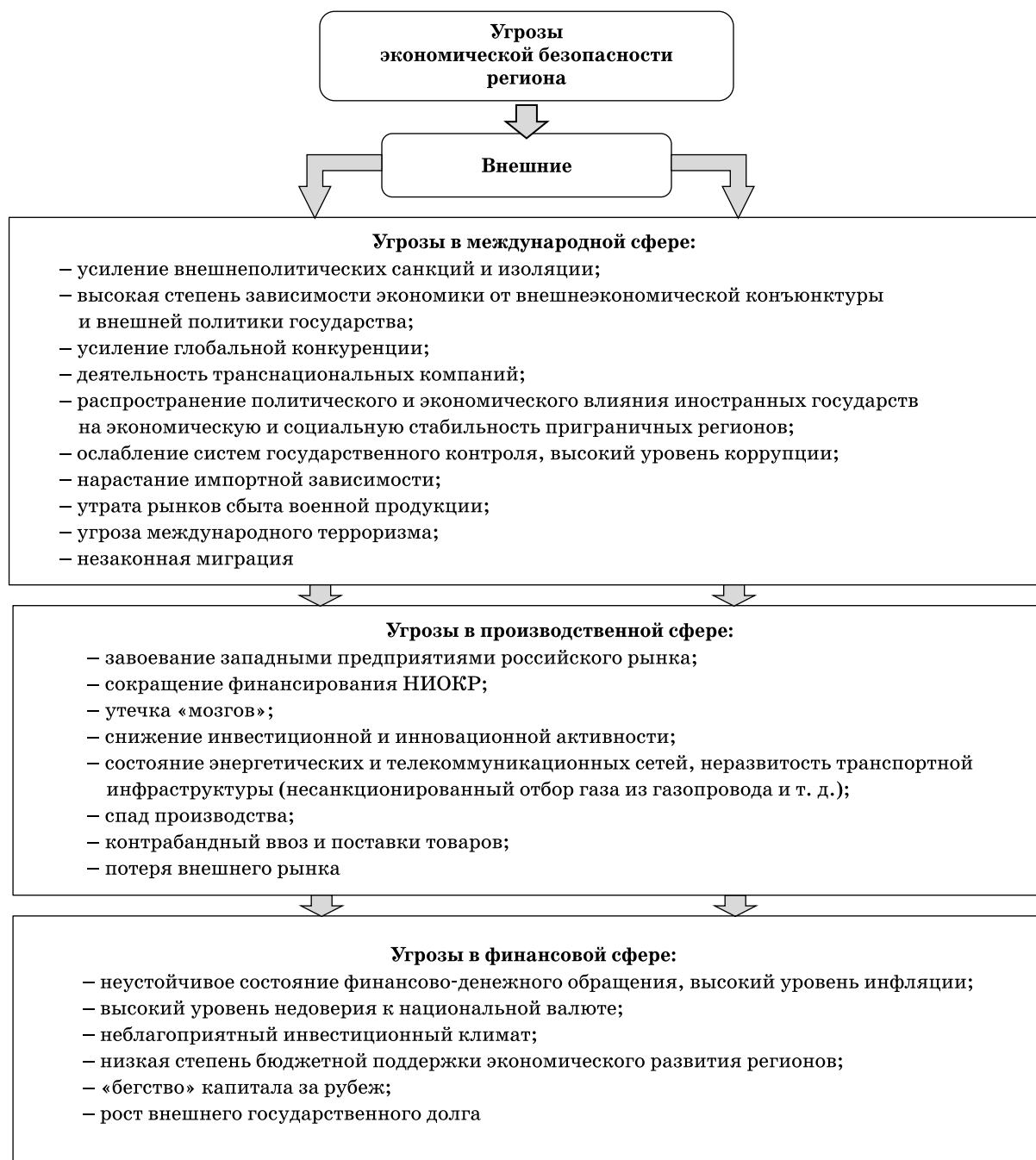

Рис. 1. Внешние угрозы экономической безопасности региона

Источник: составлено авторами.

судоостроение. Современная экономическая обстановка в этом субъекте РФ характеризуется активным ростом транспортного сектора, развитием промышленности, в том числе ростом долей машиностроительной, химической и добывающей отраслей в общей структуре промышленности (что отражено в структуре валового регионального продукта (ВРП) Крыма на рисунке 3). Этим объясняется и процесс загрязнения окружающей среды ввиду применения устаревших, экологических агрессивных технологий, и одновременно развитие санаторно-курортного, туристского и аграрного комплексов, требующих соблюдения чистоты окружающей природной среды. Данные обстоятельства определяют значительные противо-

речия в эколого-экономическом развитии региона, требуют к себе особого внимания и поиска новых подходов к их решению.

Проанализируем динамику основных показателей социально-экономического развития Республики Крым в 2014–2017 гг. Итак, в 2014 г. в связи с переходным периодом произошло снижение показателей экономической деятельности и уровня жизни населения: индекс промышленного производства снизился на 9,9 %, индекс производства сельскохозяйственной продукции — на 2,2 %, ввод в эксплуатацию общей площади жилья — на 34,2 %, грузооборот — на 54,1 %, количество туристов — на 35,6 %, оборот розничной торговли в текущих ценах — на 7,6 %, объем строительных работ

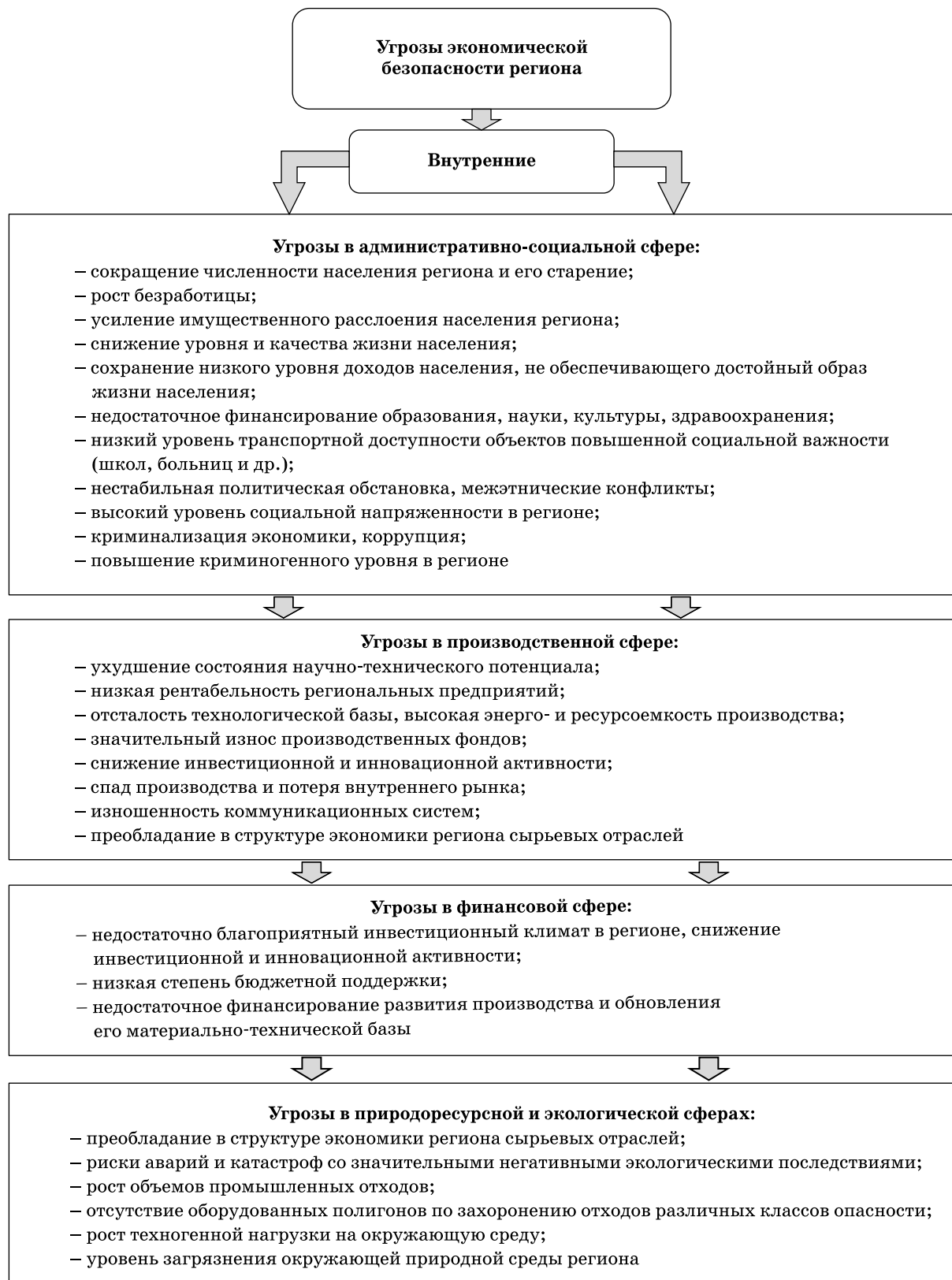

Рис. 2. Внутренние угрозы экономической безопасности региона

Источник: составлено авторами.

в текущих ценах — на 55,5 %. Вместе с тем потребительская инфляция возросла на 42,5 %, наблюдался отток прямых иностранных инвестиций в размере 15 млн долл.

В 2015 г. в экономической сфере Республики Крым наметились позитивные тенденции в сравнении с 2014 г.: индекс промышленного

производства возрос на 12,4 %, объем строительных работ в текущих ценах — на 73,9 %, грузооборот автомобильного транспорта — на 126,7 %, количество туристов увеличилось на 21 %, безработица с учетом официальной статистики сократилась с начала 2015 г. в 2,4 раза. Уменьшились темпы снижения оборота

Рис. 3. Структура ВРП Республики Крым в 2017 г.

Источник: [8].

Таблица 3

Социально-экономическое положение Республики Крым в сравнении с другими регионами России в 2017 г.

Показатели	Республика Крым	РФ	ЮФО	Краснодарский край
Суммарный коэффициент рождаемости, число детей на одну женщину	1,635	1,621	1,586	1,715
Коэффициент естественного прироста / убыли на 1 000 человек, %	-3,5	-0,9	-1,8	-0,5
Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек	43	14	27	63
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, тыс. руб.	26,165	39,167	28,712	30,343
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, кв. м	17,5	25,2	24,1	25,7
Заболеваемость на 1 000 человек населения	506,8	778,9	680,5	662,1
Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных учреждениях, количество мест на 1 000 детей	508	633	583	583
ВРП в текущих ценах на душу населения в 2016 г., руб.	165 433,8	472 161,9	298 585,7	363 731,3
Объем инвестиций в основной капитал в текущих ценах (за исключением бюджетных средств), на душу населения, руб.	102 134	108 734	85 020	86 646
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по промышленным видам экономической деятельности в текущих ценах на душу населения, тыс. руб.	68,44	402,04	210,34	199,09
Объем продукции сельского хозяйства в текущих ценах на душу населения, руб.	24 707,21	34 857,32	54 279,13	65 060
Оборот розничной торговли в текущих ценах на душу населения, руб.	120 177	203 029	189 852	233 909
Объем внешней торговли на душу населения, долл.	15,73	2435,78	984,8	1 249,5

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики.

Основные угрозы экономической безопасности Республики Крым

Внешние	Внутренние
Угрозы в международной сфере	Угрозы в административно-социальной сфере
– сложная геополитическая ситуация вокруг региона; – усиление внешнеполитических санкций и изоляции; – высокая степень зависимости экономики от внешнеэкономической конъюнктуры и внешней политики государства; – распространение политического и экономического влияния иностранных государств на экономическую и социальную стабильность приграничных регионов; – влияние мирового финансово-экономического кризиса на экономику РФ и региона; – сокращение внешнеторговых связей; – угроза международного терроризма; – отсутствие международного транспортного сообщения	– рост безработицы; – усиление имущественного расслоения населения региона; – снижение уровня и качества жизни населения; – сохранение низкого уровня доходов населения; – рост заболеваемости; – недостаточное финансирование образования, науки, культуры, здравоохранения; – криминализация экономики, коррупция
Угрозы в производственной сфере	Угрозы в производственной сфере
– несбалансированность бюджета (бюджетное недофинансирование); – сокращение финансирования НИОКР; – ограниченный доступ к рынку капитала, высокая стоимость финансовых ресурсов; – нарушение прежних кооперационных связей, изменение рынков сбыта, снижение интенсивности внешнеэкономических связей; – отсутствие согласования интересов федеральных, региональных и местных политических элит; – зависимость экономики региона от внешней конъюнктуры; – технологическое отставание Республики Крым от передовых регионов России и мира; – из-за действия экономических санкций не функционируют крупные российские и международные компании; – запрет на импорт в ЕС продукции, произведенной в Республике Крым; – запрет для международных компаний на продажу Республике Крым технологий и товаров, которые могут быть использованы при добыче минеральных ресурсов, нефти, газа, а также в транспортном, телекоммуникационном и энергетическом секторах экономики	– наличие инфраструктурных ограничений для развития (несоответствие новых транспортных потоков существующей транспортной инфраструктуре, удорожание привезенных с материковой части России материалов и оборудования; – дефицит высококвалифицированных кадров для будущего технологического рывка; – утечка «мозгов»; – ухудшение состояния научно-технического потенциала; – низкая рентабельность региональных предприятий; – значительный износ производственных фондов; – снижение инновационной активности; – ограниченность некоторых видов ресурсов (вода, строительный песок, сырье для химической промышленности); – изношенность коммуникационных систем; – техногенные аварии, возникающие вследствие высокого износа оборудования или террористических актов
Угрозы в финансовой сфере	Угрозы в природоресурсной и экологической сферах
– неустойчивое состояние финансово-денежного обращения, высокий уровень инфляции; – высокий уровень недоверия к национальной валюте; – низкая степень бюджетной поддержки экономического развития регионов; – «бегство» капитала за рубеж; – действие экономических санкций, направленных против Республики Крым и ограничивающих приток иностранных инвестиций; – крупные банки и корпорации не функционируют в регионе; – рост внешнего государственного долга; – платежные системы Visa и MasterCard приостановили обслуживание карт российских банков, работающих в Крыму	– риски аварий и катастроф со значительными негативными экологическими последствиями; – рост объемов размещения отходов в окружающей среде; – отсутствие оборудованных полигонов по захоронению отходов различных классов опасности; – рост техногенной нагрузки на окружающую среду; – снижение уровня обеспеченности населения питьевой водой надлежащего качества; – угроза опасных геологических процессов (оползни, обвалы, сели и т. д.); – низкое качество очистки сточных вод; – загрязнение атмосферного воздуха; – загрязнение водных объектов; – загрязнение почвы; – рост площадей нарушенных земель; – нарушение природоохранных норм при ведении сельского хозяйства
Угрозы в природоресурсной и экологической сферах	
– угроза трансконтинентального переноса загрязнений; – появление зон экологических бедствий на сопредельных территориях	
Угрозы в санаторно-курортной сфере	
– сокращение туристического потока в связи с отставанием от уровня развития курортов Турции, Болгарии, Египта; – действие экономических санкций, направленных против Республики Крым и ограничивающих приток иностранных туристов и рекреантов	– устаревшее материально-техническое оснащение предприятий санаторно-курортного комплекса; – институциональные проблемы; – угроза загрязнения окружающей среды; – недостаточное количество объектов инфраструктурной составляющей; – сезонность функционирования предприятий сферы услуг

Источник: составлено авторами.

потребительского рынка (–5,3 %) и темпы роста инфляции (рост на 27,6 %). Но негативные факторы в экономике пока еще сохраняются: оборот розничной торговли уменьшился на 5,3 %, инвестиции в основной капитал — на 11,2 %, сельскохозяйственное производство — на 13,4 %.

В 2016 г. отмечен рост объемов добывающей промышленности на 29,4 %, производства и распределения электроэнергии, газа и воды — на 55,8 %. В целом наблюдался рост промышленного производства на 4,6 %. В то же время зафиксировано снижение объемов добычи газового конденсата на 12,8 % и природного газа на 9,7 % в связи с выработкой ресурса. В санаторно-курортном комплексе Крыма в 2016 г. отдохнуло на 21,2 % туристов больше, чем в 2015 г. Позитивные тенденции наблюдались и при осуществлении строительных работ: в сравнении с 2015 г. в сопоставимых ценах строительных работ выполнено на 77,4 % больше.

В 2017 г. в сравнении с 2016 г. значительно возрос объем строительных работ (566 %). Более чем в четыре раза повысился размер инвестиций (122,2 млрд руб.), в 2,9 раза возрос грузооборот. Однако наблюдались и негативные тенденции. Так, объем произведенной сельскохозяйственной продукции снизился на 5,7 %, индекс промышленного производства — до 100,1 %. Меньше в 2017 г. прибыло в регион и отдыхающих (96,8 %).

В целом показатели уровня экономического развития подтверждают позитивную динамику. Тем не менее, согласно этому уровню, Республика Крым находится ниже среднероссийских показателей. В таблице 3 приведены основные показатели, отражающие социально-экономическое положение рассматриваемого субъекта РФ в сравнении с Россией и другими ее регионами.

Проведенный анализ социально-экономических показателей свидетельствует о том, что для достижения высокого уровня экономического развития Республики Крым целе-

сообразно обратить внимание на устранение и нейтрализацию негативного воздействия угроз экономической безопасности, так как противодействие угрозам является одним из условий социально-экономического развития. Исходя из условий географического положения исследуемого региона, его природно-ресурсного потенциала, отраслей хозяйственной специализации, уровня социально-экономического развития, внешних политических, экономических и экологических факторов, основные угрозы экономической безопасности Республики Крым можно распределить по группам, как видно из таблицы 4.

Выводы

Выявленные угрозы требуют внимательного рассмотрения и поиска возможностей их нейтрализации, а также установления путей эффективного противодействия им в регионе. Прогнозирование предкризисных ситуаций и разработка комплекса действий, способствующих выходу из опасной зоны, на региональном уровне требуют создания эффективной системы, адекватной угрозам каждого региона и должны осуществляться с учетом уникальности региона, его специфических особенностей. Поэтому поддержка и стимулирование развития важных для региона отраслей, малого и среднего бизнеса, экологизация экономики, стимулирование научно-исследовательских работ (НИОКР), развитие региональной инфраструктуры, обеспечение стабильности региональной экономики и высокого уровня жизни населения являются приоритетными направлениями региональной политики. При этом роль государства как гаранта экономической безопасности остается неизменной. Совершенствование государственного регулирования экономического роста, разработка программ регионального планирования и систем контроля над рисками способствует усилению экономической безопасности региона.

Литература

1. *Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.* [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (дата обращения: 01.04.2019).
2. *Экономическая безопасность: учеб. пособие* / под ред. Н. В. Манохиной. М.: ИНФРА-М, 2014. 320 с.
3. Журавлева Г. П., Смагина В. В. Угрозы экономической безопасности государства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 9 (125). С. 19–23.
4. Лапшин Н. В. Структура угроз экономической безопасности России // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9, № 12. С. 151–156.
5. Вечканов Г. С. *Экономическая безопасность: учебник*. СПб.: Питер, 2007. 384 с.
6. Феофилова Т. Ю. *Экономическая безопасность в обеспечении развития социально-экономической системы региона: теория и методология: дис. ... д-ра экон. наук*. СПб., 2014. 414 с.
7. *О Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г.* [Электронный ресурс]. Закон Республики Крым. URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf> (дата обращения: 10.04.2019).

8. Социально-экономическое развитие Республики Крым в 2017 г. [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Крым URL: https://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/analiz_SE/macro/macro_2017-v13022018.pdf (дата обращения: 10.04.2019).

References

1. The economic security Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/> (accessed on 01.04.2019). (In Russ.).
2. Manokhina N. V., ed. Economic security. Moscow: INFRA-M; 2014. 320 p. (In Russ.).
3. Zhuravleva G.P., Smagina V.V. Threats to state economic security. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: The Humanities*. 2013;(9):19-23. (In Russ.).
4. Lapshin N. V. The structure of threats to Russia's economic security. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social and Economic Phenomena and Processes*. 2014;9(12):151-156. (In Russ.).
5. Vechkanov G. S. Economic security. St. Petersburg: Piter Publ.; 2007. 384 p. (In Russ.).
6. Feofilova T. Yu. Economic security in ensuring the development of the socio-economic system of the region: theory and methodology. Dr. econ. sci. diss. St. Petersburg: SPb. Univ. of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2014. 414 p. (In Russ.).
7. On the Strategy for the socio-economic development of the Republic of Crimea up to 2030. Law of the Republic of Crimea. URL: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf> (accessed on 10.04.2019). (In Russ.).
8. Socio-economic development of the Republic of Crimea in 2017. Ministry of Economic Development of the Republic of Crimea. URL: https://minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/analiz_SE/macro/macro_2017-v13022018.pdf (accessed on 10.04.2019). (In Russ.).

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ НА РАЗВИТИЕ РЫНКОВ БУДУЩЕГО

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-34-42

УДК 338.2:004.9

Лаврикова Юлия Георгиевна*директор Института экономики Уральского отделения РАН,
доктор экономических наук**620014, г. Екатеринбург, Московская ул., д. 29, e-mail: lavrikova_ug@mail.ru***Андреева Елена Леонидовна***руководитель центра Института экономики
Уральского отделения РАН, профессор**Уральского государственного экономического университета,
доктор экономических наук, профессор**620014, г. Екатеринбург, Московская ул., д. 29, e-mail: elenandr@mail.ru***Тарасов Анатолий Григорьевич***ведущий научный сотрудник**Института экономики Уральского отделения РАН,
доктор экономических наук, профессор**620014, г. Екатеринбург, Московская ул., д. 29***Ратнер Артем Витальевич***старший научный сотрудник**Института экономики Уральского отделения РАН,
кандидат экономических наук**620014, г. Екатеринбург, Московская ул., д. 29*

Актуальность темы заключается в том, что мировая экономика и международные экономические отношения находятся под влиянием глобальных вызовов. При этом важной тенденцией выступает формирование нового технологического уклада на базе цифровизации.

Цель. Выявить особенности влияния глобальных экономических вызовов на развитие международных рынков будущего.

Задачи. Определить сущность глобальных вызовов современного этапа развития мировой экономики и специфику международных экономических отношений; обосновать возникновение и характер рынков будущего и проанализировать влияние глобальных вызовов на их развитие.

Методология. Выполнена систематизация основных современных глобальных вызовов с учетом их существующего и потенциального влияния на развитие рынков будущего, проведен анализ сущности и характера текущего развития рынков будущего. Исследование осуществлялось с применением методов сравнительного анализа, экономико-статистического (в том числе корреляционного) анализа в части изучения и сопоставления динамики показателей рынков будущего и показателей развития мировой экономики.

Результаты. Анализ позволил выявить, что рынки технологий будущего имеют свои особенности: кастомизация производства, послепродажный сервис, развитие межотраслевых экосистем и др. Выявлены такие глобальные вызовы, как мировая экономическая рецессия, рост торговых барьеров, усиление глобальной конкуренции, влияющие на рынки будущего как ограничивающе, так и стимулирующе.

Выводы. В масштабах глобальной экономики в рынках будущего идентифицируется конкурентоспособный путь к техническому решению некоторых глобальных проблем: экологических, технологических, социально-экономических и др. Соответствующие рынки могут обеспечить значительный потенциал роста экономики.

Ключевые слова: глобальные экономические вызовы, международные рынки будущего, цифровизация экономики, новый технологический уклад, глобальная конкуренция.

Для цитирования: Лаврикова Ю. Г., Андреева Е. Л., Тарасов А. Г., Ратнер А. В. Влияние глобальных экономических вызовов на развитие рынков будущего // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 34–42. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-34-42.

IMPACT OF GLOBAL ECONOMIC CHALLENGES ON THE DEVELOPMENT OF FUTURE MARKETS

Yuliya G. Lavrikova

*Institute of economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences
Moskovskaya St. 29, Ekaterinburg, Russian Federation, 620014, e-mail: lavrikova_ug@mail.ru*

Elena L. Andreeva

*Institute of economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences
Moskovskaya St. 29, Ekaterinburg, Russian Federation, 620014, e-mail: elenandr@mail.ru*

Anatoliy G. Tarasov

*Institute of economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences
Moskovskaya St. 29, Ekaterinburg, Russian Federation, 620014*

Artem V. Ratner

*Institute of economics, the Ural branch of Russian Academy of Sciences
Moskovskaya St. 29, Ekaterinburg, Russian Federation, 620014*

The topic of the study is relevant due to the fact that the world economy and international economic relations are influenced by global challenges. In this context, the formation of a new technological paradigm based on digitalization is an important trend.

Aim. The presented study aims to determine the effects of global economic challenges on the development of future markets.

Tasks. The authors determine the essence of global challenges at the current stage of development of the world economy and specific aspects of international economic relations; substantiate the emergence and nature of future markets and analyze the impact of global challenges on their development.

Methods. The major modern global challenges are systematized with allowance for their current and potential impact on the development of future markets. The essence and nature of the current development of future markets are analyzed. This study uses the methods of comparative analysis and economic-statistical (including correlation) analysis to examine and compare the dynamics of the indicators of future markets and indicators of world economy development.

Results. The analysis shows that future technology markets have their own features, such as customization of production, after-sales service, development of cross-sectoral ecosystems, etc. The identified global challenges include global economic recession, growth of trade barriers, and increased global competition, which can be both limiting and stimulating for future markets.

Conclusions. On the global economic scale, future markets can be identified as a competitive path towards solving environmental, technological, socio-economic, and other global problems. The corresponding markets can ensure significant potential for economic growth.

Keywords: *global economic challenges, international markets of the future, digitalization of the economy, new technological paradigm, global competition.*

For citation: Lavrikova Yu. G., Andreeva E. L., Tarasov A. G., Ratner A. V. Impact of Global Economic Challenges on the Development of Future Markets. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):34–42. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-34-42.

Введение

Мировое хозяйство и международные экономические отношения находятся под влиянием ряда глобальных вызовов. Мировой финансово-экономический кризис, преобразовавшийся в рецессию мировой экономики, или, как принято называть, состояние «новой нормальности», привел к значительному снижению прежних темпов роста. Обострение глобальной конкуренции дает почву для усиления протекционистских мер. На фоне снижения динамики в торговле товарами растет торговля глобальными услугами. Прогресс в цифровых технологиях привел к опережающему росту рынка цифровых услуг.

Формирование нового технологического уклада на базе цифровизации экономики порождает «рынки будущего» — рынки привычных отраслей, наполненные новым технологическим качеством. Актуальной представляется выбранная тема нашего исследования в контексте влияния, оказываемого на развитие международных рынков будущего вследствие глобальных экономических вызовов, и необходимость выявления этого влияния. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: выявить сущность глобальных вызовов на современном этапе развития мировой экономики и специфику международных экономических отношений; обосновать возникновение и характер рынков будущего,

проанализировать влияние глобальных вызовов на их развитие.

К трактовке понятия «глобальные вызовы»

В последнее время в российском и зарубежном информационном пространстве все чаще используется термин «глобальные вызовы» (*global challenges*). Он применяется в контексте понятия «глобальные вызовы современности», характеризуя при этом как определенный этап в развитии современной цивилизации, так и всеобъемлемость сфер жизнедеятельности, находящихся под их воздействием.

В Энциклопедическом словаре по психологии глобальные вызовы определены как изменения в таких сферах жизнедеятельности человечества в глобальном масштабе, как экономика (внедрение инновативных идей), информатика (усиливающееся освоение виртуальной реальности), государственное устройство (регионализация), демография, которые существенно касаются всех стран, каждого человека [1, с. 495]. Геоэкономический словарь-справочник толкует глобальные вызовы как состояние обострившихся или возникших проблем на фоне противоречивого глобализационного процесса, на фоне новых факторов в мировом развитии, которые вносят коррективы в стабильность воспроизводства привычного мирового развития [2]. В Прогнозе научно-технологического развития РФ до 2030 г. вызовы трактуются как масштабная проблема (научно-технологического, экологического, социоэкономического порядка), которая требует принятия системных мер национального или глобального уровня.

На наш взгляд, специфику термина «вызовы» характеризует сопричастность категории проблем, угроз, рисков, а также категории трендов, тенденций, закономерностей, констатирующих неотвратимость происходящих изменений, и, следовательно, реакции на их объективное протекание. Термин «глобальные проблемы» стал широко использоваться в 1960-е гг. для обозначения целого комплекса наиболее острых проблем, рассматриваемых в планетарном масштабе. Более поздняя трактовка «глобальных проблем» понимает под ними проблемы, стоящие перед системой международных отношений и процессами их развития и регулирования [3]. К вызовам глобальной экономики могут быть отнесены, к примеру, обострение международных торговых отношений, нестабильность мировых цен на нефть.

Термин «мегатренды» введен в 1982 г. Дж. Нейсбитом. Одной из первых работ в России, посвященных этой тематике, является монография Центра развития постиндустриального общества [4]. В 2007 г. А. А. Дынкин к трендам

развития глобального хозяйства относил нарастающую неопределенность мирового экономического развития, процесс, когда в условиях глобализации растет нагрузка на международные институты и адаптирование к переменам не успевает за их наступлением [5]. Коллективом авторов МГИМО мегатренды трактуются как процессы мирового развития, крупного масштаба и долговременные, которые детерминируют качественное наполнение современного периода развития «миросистемы» [6].

К трендам можно отнести замедление темпов роста, изменение роли развивающихся стран [7, р. 295]. Это приводит к неизбежности поиска современной конфигурации мирового порядка, неизбежности трансформации архитектуры мирохозяйственных связей. По мнению Т. А. Шапклинной, формирование нового миропорядка относится к главным трендам современного развития. В. Г. Барановский в качестве основного мегатренда развития определяет трансформацию, происходящую на рубеже XX–XXI вв., содержание которой состоит в преодолении «биполярной дихотомии в международных отношениях» [8]. Э. Я. Баталов отмечает, что глобальный кризис охватил не только экономику и финансы, но и глобальное управление мировыми процессами [6]. Ослабевают способности международных институтов реализовывать общие правила, возникают новые структуры, как, например, Банк развития БРИКС и др.

Но вызов выступает мотивом к росту. Так, сообщество «Сколково» определяет глобальные вызовы как соответствующее им пространство для инновационной деятельности и определения ниш для глобальных прорывных технологических проектов. Таким образом, глобальные вызовы приводят к назревающим качественным изменениям в мировой экономике, что требует как повышенного внимания к решению возникающих проблем, так и адекватного ответа наметившимся трендам.

Возникновение рынков будущего

Цифровые интернет-технологии приносят не только возможности глобального масштаба, повышения скорости и снижения стоимости транзакций. Наблюдается размывание границ традиционных отраслей и условий конкуренции в них. На смену «золотой эре» глобальных компаний приходит эпоха потребительских предпочтений и эффективности. Традиционная конкурентная борьба уступает место развитию сложных конкурентно-партнерских отношений в рамках межотраслевых экосистем, возникающих на основе цифровых платформ [9, с. 12, 15].

Хотя информационно-коммуникационные технологии и промышленные роботы развиваются продолжительное время, однако период

их широкого применения в производстве — все еще одно из перспективных направлений. К «рынкам будущего» относят также информационные системы управления производством, беспилотные транспортные средства, 3D-печать, новые материалы, энергоэффективные машины и др. Применяется «межмашинный» обмен данными, в том числе «большими» — «интернет вещей», комбинация средств связи и обработки данных, важная часть производственной стороны рынков будущего. Информация в цифровой форме трактуется как ключевой фактор производства [10, р. 27].

Исследователи отмечают, что новые, соответствующие цифровым технологиям глобальные цепочки создания стоимости характеризуются и новыми принципами организации производства: кастомизацией [11, р. 332] и миниатюризацией производства [12, с. 64] взамен массовости и больших конвейерных линий; возрастает значение сервиса. Внедрение новых технологий в широкое коммерческое производство осуществляется пока только в ограниченной степени, учитывая необходимость больших капиталовложений.

Различия в технологических укладах стран иллюстрирует распределение промышленных роботов: в топ-20 стран по числу установленных промышленных роботов на 10 тыс. занятых в обрабатывающей промышленности лидирует Азия: Республика Корея (710), Сингапур (658), Япония (308), Китай (97). Третье место занимает Германия (322). США имеет показатель — 200 роботов. Помимо стран «Группы семи» и «ядра ЕС» (ЕС-15) следует отметить Словакию, Словению, Чехию (151, 144, 119) [13]. При этом по абсолютному объему предложения промышленных роботов в лидерах находится Китай: в 2017 г. оно составило 138 тыс. ед., а у Японии — второе место с объемом в три раза меньше. В рамках топ-15 азиатские страны имеют три четвертых объема предложения [13]. Россия по числу устанавливаемых промышленных роботов не конкурирует с ведущими странами, но заметен рост данного показателя: в 2009 г. он составил 5.4 значения 2005 г., в 2012 г. — 9.2, в 2013 г. — 12.2 значения [14].

В России в отношении рынков, которые будут перспективными, в 2015 г. принята Национальная технологическая инициатива (НТИ) — документ в сфере видения перспектив развития производства и коммуникации экономических агентов с учетом международных трендов развития и коммерциализации передовых производственных технологий. НТИ выделяет девять «рынков будущего». По данным сайта Национальной технологической инициативы, они представляют собой организацию экономических процессов (производства, распределения, потребления) с автоматизацией их частей за

счет применения цифровых технологий. Технологические решения для других рынков будущего в рамках НТИ призван поставлять «TechNet» — кросс-отраслевой рынок, оказывающий технологическую поддержку развития рынков НТИ и высокотехнологичных отраслей промышленности через цифровые, «умные», виртуальные фабрики будущего, которые будут предоставлять образовательные и консультационные сервисы и услуги конструирования и инжиниринга. При этом фабрики будущего будут «составляться» такими компонентами, как цифровое моделирование и проектирование, станки с ЧПУ, новые материалы, промышленные роботы, информационные системы управления предприятием и производством, «Big Data», «Industrial Internet».

В российской практике активно применяется стимулирование развития цифровой экономики. В 2017 г. принята государственная программа «Развитие цифровой экономики в РФ». В рамках проекта «Сколково» развиваются кластеры информационных, биомедицинских, энергоэффективных и передовых производственных технологий. К приоритетам относятся промышленная робототехника, аддитивные технологии, промышленный интернет, инженерное программное обеспечение и др. В рамках НТИ по направлению «Таланты НТИ» реализуется ряд проектов (Олимпиада НТИ, Университет НТИ, наставничество на базе детских технопарков «Кванториум»). В детских центрах развития появляется такое направление, как робототехника. Все это стимулирует формирование кадров как важнейшего фактора производства для рынков будущего. В целом Россия по степени цифровизации экономики в 2011–2016 гг. перешла из группы догоняющих стран в основную [15, с. 101].

Международные экономические отношения в условиях глобальных экономических вызовов

В развитии современных международных экономических отношений можно выделить влияние следующих вызовов.

Во-первых, рецессия мировой экономики, последовавшая после мирового финансово-экономического кризиса («Великой рецессии») — Международный валютный фонд (МВФ) прогнозирует в 2019 г. прирост мирового ВВП в 3,0 % при 5,7–5,8 % в 2017–2018 гг. [16], кризис перепроизводства во многом способствовал снижению мировых цен на нефть, что, в свою очередь, внесло вклад в снижение доходов российской экономики и курса рубля.

Во-вторых, рост торговых барьеров (протекционизма) на фоне повышения глобальной конкуренции за рынки сбыта для национальных

Место стран в международных рейтингах конкурентоспособности

Индекс экономической сложности (ECI)					Рейтинг глобальной конкурентоспособности		Рейтинг глобальной промышленной конкурентоспособности	
Место	Страна	2011	2014	2017	2014–2015	2018	2016	2020 (прогноз)
1	Япония	2,313	2,318	2,309	6	5	4	4
2	Швейцария	1,960	1,995	2,244	1	4	12	19
3	Германия	1,941	1,814	2,075	5	3	3	3
4	Сингапур	1,687	1,712	1,865	2	2	10	11
5	Швеция	1,805	1,646	1,808	10	9	13	18
6	Республика Корея	1,707	1,906	1,776	26	15	5	6
7	США	1,491	1,302	1,755	3	1	2	1
8	Финляндия	1,714	1,499	1,707	4	11	24	24
9	Чехия	1,695	1,521	1,643	37	29	23	20
10	Австрия	1,789	1,650	1,629	21	22	вне топ-40	
11	Великобритания	1,549	1,403	1,533	9	8	6	8
27	Россия	0,010	0,008	0,852	53	43	32	32
33	Китай	0,910	1,164	0,691	28	28	1	2
37	Бразилия	0,191	–0,151	0,608	57	72	29	23
45	Индия	0,092	–0,015	0,360	71	58	11	5
47	ЮАР	0,017	–0,205	0,269	56	67	27	25

Составлено по данным Observatory of Economic Complexity (<https://atlas.media.mit.edu/en/rankings/country/eci/>), World Economic Forum (<http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2014-2015/rankings>, <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2018>), Deloitte (<https://www2.deloitte.com/sg/en/pages/manufacturing/articles/global-manufacturing-Competitiveness-index.html>) (дата обращения: 11.05.2019).

производств и за оптимальное участие в международном разделении труда — констатируется миниатюризация роли Всемирной торговой организации (ВТО) в либерализации торговли [17].

В-третьих, усиление различных видов конкуренции — это выражается не только в конкуренции между производителями за место на международном рынке, но и в конкуренции между национальными экономиками и их системами поддержки экспорта за место национальной экономики в международном разделении труда и за роль, которой национальная экономика может встроиться в международные цепочки создания стоимости. Ранжирование стран по технологическому уровню их участия в международном разделении труда отражено в различных рейтингах. Традиционно используются рейтинг глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, согласно которому лидирующее место в 2018 г. занимали США, и рейтинг глобальной промышленной конкурентоспособности, где лидирующие позиции занимает Китай, как видно из таблицы 1. На наш взгляд, более обоснованными представляются результаты рейтинга стран по индексу комплексности экономики (Economic Complexity Index), измеряющему уровень развития экономики страны знанием экспортируемых ею товаров. По этому индексу лидирует Япония, США оказывается на седьмом месте, а Китай — на 33-м. Высокие места у Германии (третье) и Республики Корея (шестое) обусловлены их традиционно развитой высокотехноло-

гичной промышленностью. Экономика России в рейтинге Индекса экономической сложности (ECI) занимает 27-е место из 129, что также более адекватно характеризует ее позиции. В предшествующие годы (2008–2014) индекс у России был значительно ниже. Наша страна улучшила свое место и в рейтинге глобальной конкурентоспособности (с 53-го в 2014–2015 гг. до 43-го в 2018 г.), как показано в таблице 1. С учетом прогноза глобальной промышленной конкурентоспособности ожидается, что в 2020 г. в топ-15 будут входить 10 экономик из Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), три — из Северной Америки и только две — из Европы, что отражено в таблице 1. Все это подтверждает сложность поддержания национальными экономиками устойчивого положения в современной международной технологической конкуренции. В условиях конкуренции как развивающиеся, так и развитые страны пытаются защитить свои национальные рынки и интересы.

В-четвертых, замедление темпов роста мировой экономики и возрастание технологической конкуренции во многом связано с таким вызовом, как исчерпание ресурсов. Все более актуальным становится пользование трудноизвлекаемыми ресурсами. Их необходимо найти, добыть, причем желательно с минимальным ущербом для окружающей среды, доставить из труднодоступных регионов к потребителю и желательно организовать ресурсосберегающее потребление. На поиск технологических решений этих задач и направлены рынки будущего.

Влияние глобальных вызовов на развитие рынков будущего

Представляется актуальным отследить процесс влияния при помощи выборочного соотнесения случаев развития рынков будущего с глобальными вызовами, в том числе с применением экономико-статистического (в частности корреляционного) анализа.

Технологии и рынки будущего направлены на решение вопросов облегчения, ускорения, снижения трудозатратности производства (вопросы возникают ввиду таких вызовов, как необходимость производств благ и глобальная конкуренция) через автоматизацию, роботизацию. Например, такой глобальный вызов, как постоянная необходимость обеспечения людей продовольствием, стимулирует развитие соответствующих технологий «умного» сельского хозяйства и биотехнологий (FoodNet в рамках НТИ). Так, сельское хозяйство изъясняет спрос на одну четвертую глобального сбыта дронов (AeroNet в российской НТИ) или 32,4 млрд долл. [18].

Появление станков для 3D-печати изделий в отношении различных отраслей (*additive manufacturing*) — яркий пример стимулирующего воздействия со стороны технологической конкуренции (как глобального вызова). Прогнозируется почти двукратное снижение индекса цены на них в 2012–2020 гг. [18]. По прогнозам, если соотношение между инвестициями в 3D-принтеры и традиционное оборудование будет оставаться таким же, как сегодня, то к 2060 г. новым способом будет производиться одна вторая всей продукции обрабатывающей промышленности. По оценкам ВТО, это может снизить международную торговлю, за счет вклада в развитие производства в месте потребления, на одну пятую. Существуют оценки возможности и более сильного роста рынка 3D-печати и соответствующего эффекта. Впрочем, оценки относительно объема этого рынка приблизительны: к 2020 г. он может варьироваться в пределах 5,6–22 млрд долл. [18]. Между тем новые технологии позволяют оптимизировать производство, делают его более комфортным, возможно, требующим меньше физических усилий и, таким образом, более привлекательным для населения различных стран. Итак, с одной стороны, рынки будущего, развиваясь под воздействием глобальных вызовов, могут стать важным детерминантом мировой экономики. С другой стороны, технологии и рынки будущего направлены на эффективное и экономное ресурсопользование. Так, доля электричества из возобновляемых источников (не включая гидроэлектроэнергию) в мировом энергобалансе за 2005–2015 гг. возросла с 2,0 до 6,8 %, как следует из таблицы 2 (стабильный рост).

При этом, несмотря на глобальную конкуренцию, благодаря технологическому развитию и развитию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), прогнозируется снижение издержек входа на международные рынки новейших технологий, в особенности для научных экспериментов и создания бизнеса, что будет вести к глобальному распространению стартапов в сфере рынков будущего [19, р. 7], а такие малые инновационные компании имеют высокую гибкость [20] и в кооперации с крупными способны стать драйверами инновационного роста территорий [21, р. 908].

Развитию рынков будущего не содействует то, что странам с высокой численностью населения невыгодны так называемые трудомалозатратные формы производства, поскольку это может вызвать потерю рабочих мест. Наряду с этим цифровая экономика дает возможность создания новых вакансий в сфере коммуникации и в сфере обслуживания нового технологического оборудования.

В последние годы показатели развития мировых рынков будущего росли. Доля домохозяйств с компьютером повысилась в 2005–2018 гг. с 27,6 до 48,3 %, а с доступом к интернету — еще значительно, с 18,9 до 57,8 % (стабильный рост в обоих случаях), о чем свидетельствует таблица 2. Для объема использования Big Data рост оценивается с трех зеттабайт в 2013 г. до 40 в 2020 г. [19, р. 7–8], а ширина полос трансграничного обмена данными выросла в 2005–2018 гг. с 5 до 704 терабит/сек [22, р. 11]. Мировой экспорт услуг в сфере ИКТ возрос в 2005–2018 гг. в $3\frac{1}{4}$ раза, а экспорт услуг, которые могут быть поставлены дигитально, — в $2\frac{1}{2}$ раза [22, р. 48, 67]. Стремительно растет мировой рынок 3D-индустрии для hardware, поставок и услуг: с 4,5 млрд долл. в 2014 г. до 11,0 — в 2018 г., а, по прогнозам, до 17,2 млрд долл. в 2020 г., как указано в таблице 2.

Таким образом, показатели объема мировых рынков будущего существенно росли, и во многом стабильно. В то же время мировой ВВП возрос в 2005–2018 гг. лишь в 1,8 раза, экспорт — в 1,9 раза, приток ПИИ — в $1\frac{1}{2}$ раза, производство автомобилей — в 1,4 раза, что подтверждают данные таблицы 2. Следовательно, рынки будущего возрастали не только в абсолютном, но и в относительном выражении.

Как показывает корреляционный анализ данных таблицы 2, глобальные вызовы отражаются на развитии рынков будущего, как и развитие рынков будущего влияет на динамику показателей мировой экономики. Для показателей развития цифровой экономики связь по динамике различна. Добавленная стоимость в сфере ИКТ имеет обратную связь с мировым ВВП и экспортом (их динамика отражала спад в мировой экономике), инфляцией, ценами на нефть

Динамика показателей развития мировых рынков будущего (выборочно) и мировой экономики в целом в 2005–2018 гг.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Экспорт электроники (исключая части и компоненты), млрд долл.	494	553	611	630	538	639	669	680	667	680	615	589	634	н/д
Доля домохозяйств с компьютером	27,6	29,3	30,5	32,8	34,5	36,0	38,1	40,2	42,4	43,9	44,9	45,9	46,9	48,3
Доля домохозяйств с доступом к интернету дома	18,9	21,0	23,5	25,5	28,0	30,1	33,5	37,9	42,0	45,1	48,9	51,5	54,4	57,8
Пользование мобильными телефонами, млрд подписок	2,21	2,74	3,37	4,03	4,64	5,29	5,89	6,26	6,66	7,00	7,18	7,51	7,81	8,16
Добавленная стоимость в сфере ИКТ (отношение к ВВП, %)	н/д													
Занятость в сфере ИКТ (доля в общей занятости, %)	н/д													
Мировой рынок 3D-индустрии для <i>hardware</i> , поставок и услуг, млрд долл.	н/д													
Доля возобновляемых источников (без гидроэлектростанций) в производстве электричества, %	2,0	2,1	2,3	2,7	3,1	3,6	4,1	4,7	5,4	6,0	6,8	н/д		
ВВП, трлн долл.	47,5	51,5	58,1	63,8	60,4	66,0	73,2	74,6	76,8	78,9	74,7	75,7	80,1	84,7
Экспорт, трлн долл.	10,5	12,1	14,0	16,1	12,6	15,3	18,3	18,5	18,9	19,0	16,5	16,0	17,7	19,5
Приток ПИИ, млрд долл.	949	1404	1894	1485	1179	1372	1568	1575	1425	1339	1921	1868	1430	н/д
Инфляция (во сколько раз выросли цены)	1,040	1,041	1,043	1,063	1,028	1,037	1,051	1,041	1,037	1,032	1,028	1,028	1,032	1,036
Курс доллара к рублю	28,3	27,17	25,58	24,86	31,83	30,36	29,39	31,08	31,85	38,61	61,07	66,08	58,29	62,69
Цена на нефть, долл./баррель	55,9	66,7	74,8	97,3	64,2	80,3	112,4	110,7	108,7	97,6	53,4	46,1	55,6	71,4
Цена на медь (август), долл.	н/д				6184	7317	8994	7521	7236	6978	5126	4723	6525	5949
Производство автомобилей, млн шт.	66,7	69,2	73,3	70,7	61,8	77,6	79,9	84,2	87,6	89,8	90,8	95,0	97,3	95,6

Составлено по [16; 19, с. 14; 22, с. 75, 77], а также по данным UNCTADstat (https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en), ITU (<https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx>), World Bank (<https://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>), International Organization of Motor Vehicle (<http://www.oica.net/production-statistics>), Ruxpert.ru (https://ruxpert.ru/Статистика:История_цен_на_нефть, https://ruxpert.ru/Статистика:История_курса_доллара_к_рублю), Яндекс — Новости экономики (<https://news.yandex.ru/quotes/1501.html>) (дата обращения: 24.05.19, 01.08.19).

и медь (они имели большое значение в мировой рецессии); низкую связь с производством автомобилей; но заметную связь с мировым притоком ПИИ (0,62) и курсом доллара (0,64). Схожая ситуация — в случае занятости в сфере ИКТ: заметная связь только с ВВП, курсом доллара и производством автомобилей (0,63–0,78).

Однако в случае других исследуемых показателей рынков будущего, в частности пользования компьютерами и мобильными телефонами, производства электричества из возобновляемых источников, экспорта электроники, наблюдается связь высокая и очень высокая — с динамикой ВВП (0,79–0,97), экспорта (0,77–0,94), курса доллара (0,74–0,83) (кроме случая экспорта электроники); заметная или высокая — с динамикой производства автомобилей (0,60–0,93). Но с ценами на нефть и медь связь заметная только в случае экспорта электроники (0,72 и 0,58). Соответственно, для исследуемых показателей рынков будущего влияние развития мировой экономики характеризуется как во многом стимулирующее. Высокая степень корреляции с мировым ВВП и экспортом, а также, например, стабильность отношения добавленной стоимости в сфере ИКТ к ВВП и доли занятости в этой сфере в общей занятости (4 и 2½ %) [22, р. 48] показывают, что рынки будущего вносят стабильный вклад в развитие мировой экономики и в условиях глобальных вызовов (рецессии) могут обеспечивать потенциал роста.

Заключение

Таким образом, анализ существующих подходов к трактовке глобальных вызовов позволил

выявить их многообразие и охарактеризовать термин «вызовы» с точки зрения сопричастности к категории проблем, угроз, рисков, а также неотвратимых трендов, закономерностей. Рынки будущего имеют свои особенности: потребность в больших инвестициях, кастомизация производства, послепродажное обслуживание, развитие межотраслевых экосистем и др.

Глобальные вызовы, в том числе рецессия мировой экономики, рост торговых барьеров на фоне повышения глобальной конкуренции, истощаемость ресурсов, влияют на рынки будущего как ограничивающе, так и стимулирующе. Стимулирующее воздействие особенно видно на примере глобальной торговой и технологической конкуренции. Эти рынки отражают значительный, зачастую стабильный рост, в том числе относительно показателей общего развития мировой экономики. В масштабах глобальной экономики в рынках будущего идентифицируется конкурентоспособный путь к техническому решению некоторых глобальных экономических проблем: экологических, технологических, социально-экономических и др.; эти рынки, развиваясь под воздействием глобальных вызовов, могут стать важным детерминантом мировой экономики, обеспечить потенциал роста. Выявленные глобальные вызовы указывают как на значимость успешного привлечения страной технологий, которые соответствуют рынкам будущего, так и на ценность их самостоятельной разработки, выхода на международные рынки будущего с учетом международной торговой ситуации и соотношения технологической развитости стран.

Литература

1. *Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала: учеб. пособие* / под ред. А. И. Юрева. СПб.: Logos, 2006. 512 с.
2. *Дергачев В. А. Глобалистика: учеб. пособие*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 303 с.
3. *Современные глобальные проблемы* / отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2010. 350 с.
4. *Мегатренды мирового развития* / под ред. М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001. 295 с.
5. *Дынкин А. А. Контуры мировой экономики в 2020 г.* // Год планеты. Экономика, политика, безопасность. 2007. № 16. С. 7–12.
6. *Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: учебник* / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М.: Аспект-Пресс, 2014. 448 с.
7. *Crafts N. Is Slow Economic Growth the 'New Normal' for Europe?* // Atlantic Economic Journal. 2017. Vol. 45. No. 3. P. 283–297. DOI 10.1007/s11293-017-9551-9.
8. *Глобальная перестройка* / под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М.: Весь мир, 2014. 528 с.
9. *Березной А. В. Транснациональный бизнес в эпоху глобальной цифровой революции* // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 9. С. 5–17. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-5-17
10. *Kuvayeva Yu. V. Digital Economy: Concepts and Russia's Readiness to Transition* // Известия Уральского государственного экономического университета. 2019. Т. 20, № 1. С. 25–40. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-3.
11. *Gruber H. Innovation, Skills and Investment: a Digital Industrial Policy for Europe* // *Economia e Politica Industriale*. 2017. Vol. 44. No. 3. P. 327–343. DOI: 10.1007/s40812-017-0073-x.
12. *Толкачев С. А. Изменение качества и структуры цепочек добавленной стоимости в эпоху четвертой промышленной революции: влияние кризиса глобализации и наступление цифровой экономики* // Экономическое возрождение России. 2018. № 4 (58). С. 64–80.
13. *International Federation of Robotics*. URL: <https://ifr.org/> (дата обращения: 24.05.2019).

14. Бойко А. Какие страны в действительности лидируют в роботизации? [Электронный ресурс] // RoboTrends. 2019. 12 марта. URL: <http://robotrends.ru/pub/1911/kakie-strany-v-dyaystvitelnosti-lidiruyut-v-robotizacii> (дата обращения: 20.05.2019).
15. Асадуллина А. В. Цифровая экономика в России: текущий статус и проблемы развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 6. С. 98–112.
16. World Economic Outlook. 2019. Apr. [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/03/28/world-economic-outlook-april-2019> (дата обращения: 24.05.2019).
17. Zhang T. Global Economic Challenges and Opportunities // Business Economics. 2018. Vol. 53. No. 1. P. 3–9. DOI: 10.1057/s11369-018-0067-3.
18. World Trade Report 2018 [Электронный ресурс]. Geneva: WTO, 2018. 234 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_trade_report18_e.pdf (дата обращения: 24.05.2019).
19. Technology and Innovation Report 2018 [Электронный ресурс]. N.Y., Geneva: UNCTAD, 2018. 134 p. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tir2018_en.pdf (дата обращения: 24.05.2019).
20. Engels B. Detours on the Path to a European Big Data Economy // Intereconomics. 2017. Vol. 52, no. 4. P. 213–216. DOI: 10.1007/s10272-017-0677-4.
21. Andreeva E. L., Simon H., Karkh D. A., Glukhikh P. L. Innovative Entrepreneurship: a Source of Economic Growth in the Region // Экономика региона. 2016. Т. 12, Вып. 3. С. 899–910. DOI: 10.17059/2016-3-24.
22. Digital Economy Report 2019 [Электронный ресурс]. Geneva: UNCTAD, 2019. 173 p. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf (обращение: 01.09.2019).

References

1. Yur'ev A. I., ed. The strategic psychology of globalization: The psychology of human capital. St. Petersburg: Logos; 2006. 512 p. (In Russ.).
2. Dergachev V. A. Global studies. Moscow: Yuniti-Dana; 2005. 303 p. (In Russ.).
3. Baranovskii V. G., Bogaturov A. D. Contemporary global issues. Moscow: Aspekt-Press; 2010. 350 p. (In Russ.).
4. Il'in M. V., Inozemtsev V. L., eds. Megatrends of world development. Moscow: Ekonomika; 2001. 295 p. (In Russ.).
5. Dynkin A. A. The contours of the global economy in 2020. In: Year of the planet: Economics, politics, security. Moscow: Nauka; 2007;(16):7-12. (In Russ.).
6. Shakleina T. A., Baikov A. A., eds. The main trajectories of the evolution of the world order in the 21st century. Moscow: Aspekt-Press; 2014. 448 p. (In Russ.).
7. Crafts N. Is slow economic growth the 'new normal' for Europe? *Atlantic Economic Journal*. 2017;45(3):283-297. DOI 10.1007/s11293-017-9551-9.
8. Dynkin A. A., Ivanova N. I., eds. Global restructuring. Moscow: Ves' mir; 2014. 528 p. (In Russ.).
9. Bereznoi A. V. Multinational business in the era of global digital revolution. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2018;62(9):5-17. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-5-17.
10. Kuvayeva Yu. V. Digital economy: Concepts and Russia's readiness to transition. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Journal of the Ural State University of Economics*. 2019;20(1):25-40. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-3.
11. Gruber H. Innovation, skills and investment: A digital industrial policy for Europe. *Economia e Politica Industriale*. 2017;44(3):327-343. DOI: 10.1007/s40812-017-0073-x.
12. Tolkachev S. A. Changing the quality and structure of value added chains in the era of the fourth industrial revolution: The impact of the globalization crisis and the onset of the digital economy. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = The Economic Revival of Russia*. 2018;(4):64-80. (In Russ.).
13. International Federation of Robotics. URL: <https://ifr.org/> (accessed on 24.05.2019).
14. Boiko A. Which countries actually lead in robotics? RoboTrends. March 12, 2019. URL: <http://robotrends.ru/pub/1911/kakie-strany-v-dyaystvitelnosti-lidiruyut-v-robotizacii> (accessed on 20.05.2019). (In Russ.).
15. Asadullina A. V. The digital economy in Russia: Current status and development challenges. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2018;(6):98-112. (In Russ.).
16. World economic outlook: Growth slowdown, precarious recovery. 2019. Washington, DC: International Monetary Fund; 2019. 216 p. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/03/28/world-economic-outlook-april-2019> (accessed on 24.05.2019).
17. Zhang T. Global economic challenges and opportunities. *Business Economics*. 2018;53(1):3-9. DOI: 10.1057/s11369-018-0067-3.
18. World trade report 2018. The future of world trade: How digital technologies are transforming global commerce. Geneva: World Trade Organization; 2018. 236 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/world_trade_report18_e.pdf (accessed on 24.05.2019).
19. Technology and innovation report 2018: Harnessing frontier technologies for sustainable development. Geneva: UNCTAD; 2018. 134 p. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tir2018_en.pdf (accessed on 24.05.2019).
20. Engels B. Detours on the path to a European big data economy. *Intereconomics*. 2017;52(4):213-216. DOI: 10.1007/s10272-017-0677-4.
21. Andreeva E. L., Simon H., Karkh D. A., Glukhikh P. L. Innovative entrepreneurship: A source of economic growth in the region. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2016;12(3):899-910. DOI: 10.17059/2016-3-24
22. Digital economy report 2019. Value creation and capture: Implications for developing countries. Geneva: UNCTAD; 2019. 194 p. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_en.pdf (accessed on 01.09.2019).

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ НА ОСНОВЕ ПОТЕНЦИАЛА ПРОАКТИВНОСТИ КРУПНОГО БИЗНЕСА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-43-53

УДК 338.24

Гонтарь Николай Владимирович

*ведущий научный сотрудник Высшей школы бизнеса Южного федерального университета,
кандидат географических наук, доцент*

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, e-mail: passat01@mail.ru

Сапожникова Анна Геннадьевна

*доцент кафедры «Инженерная защита окружающей среды» Донского государственного
технического университета, кандидат экономических наук*

344006, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, e-mail: ann_sapozhnikova@mail.ru

В статье рассматривается новый подход к трактовке и структурированию экономической модернизации как процесса, реализуемого посредством потенциала адаптивности и проактивности, присутствующего предпринимательству и, в частности, крупному бизнесу. Ввиду этого предпринята попытка структурирования взаимосвязей проактивности и модернизации, исследованы риски, региональные проекции процесса на основе опыта Промышленного союза «Новое Содружество» и его глобально-го подразделения — комбайнового завода «Ростсельмаш».

Цель. Исследовать взаимосвязи проактивности и модернизации (с учетом потенциала модернизации посредством проактивных стратегий бизнеса).

Задачи. Проанализировать специфику и обосновать принципиальную значимость компетенций крупного бизнеса в реализации модернизационных стратегий в общеэкономическом масштабе.

Методология. При использовании методов системно-структурного анализа и структурирования процесса модернизации, а также с учетом теории проактивности, теории бюрократии и региональной экономики, выводов бизнес-аналитики показано, что полноценная реализация модернизационных векторов в экономике возможна на базе полиформатного применения компетенций, потенциала и ресурсов крупного бизнеса как реализующего в своей деятельности модернизационные принципы.

Результаты. По итогам рассмотрения традиционных факторов и новационных трендов обоснована трансформация современного содержания модернизационных процессов. Показано, что проактивность является механизмом модернизации в условиях современных глобальных процессов. Охарактеризованы структура и содержание проактивной деятельности рыночных компаний, представлен сравнительный анализ проактивности, реактивности в деятельности рыночных агентов и государственного сектора. Представлен анализ сопряженности проактивной деятельности корпораций и направлений региональной модернизации (на примере глобального бизнеса комбайнового завода «Ростсельмаш»). Результаты исследования могут быть использованы на региональном уровне при трансформации подходов к формулированию, структурированию приоритетов и механизмов политики модернизации, разработке документов, регулирующих модернизационные трансформации; выработке мер вовлечения крупного бизнеса в процессы стратегирования и программирования.

Выводы. Доказано, что крупный бизнес обладает уникальными и невоспроизводимыми в рамках государственного управления качествами и компетенциями реализации модернизационного поведения. Ввиду этого политика модернизации должна включать систему мер благоприятствования бизнесу (среди них — защита прав собственности, свобода торговли, рост доверия в экономике) как носителю модернизационных компетенций. Данный подход должен сопровождаться переносом центра тяжести государственной политики на формирование условий реализации модернизационных стратегий крупного бизнеса и на общероссийском и на региональном уровне.

Ключевые слова: экономическая модернизация, региональное развитие, государственная политика, регион, ТНК, бизнес.

Для цитирования: Гонтарь Н. В., Сапожникова А. Г. Модернизация экономики России на основе потенциала проактивности крупного бизнеса: концептуальная модель // *Экономика и управление*. 2019. № 9 (167). С. 43–53. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-43-53.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-010-00236.

MODERNIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY BASED ON THE PROACTIVE POTENTIAL OF BIG BUSINESS: A CONCEPTUAL MODEL

Nikolay V. Gontar'

Southern Federal University

Pushkinskaya St. 160, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006, e-mail: passat01@mail.ru

Anna G. Sapozhnikova

Don State Technical University

Gagarin Sq. 1, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006, e-mail: ann_sapozhnikova@mail.ru

The presented study examines a new approach to the interpretation and structuring of economic modernization as a process implemented by means of the adaptive and proactive potential of entrepreneurship and big business in particular. In this regard, the authors attempt to structure the relationship between proactivity and modernization, to examine risks and regional projections of the process based on the experience of the Novoye Sodruzhestvo Industrial Union and its global unit, Combine Plant Rostselmash.

Aim. The study aims to examine the relationship between proactivity and modernization in the context of the implementation of a multi-pronged adaptive strategy by means of proactivity.

Tasks. The authors analyze the foundation and determine the fundamental significance of the competencies of big business as an actor in the implementation of modernization strategies on an economy-wide basis.

Methods. This study uses systemic and structural analysis and structuring of the modernization process, taking into consideration the theory of proactivity, theory of bureaucracy and regional economy, and results of business analytics to show that full implementation of modernization vectors in the economy is possible through multi-format application of the competencies, potential, and resources of big business implementing modernization principles in its activities.

Results. The transformation of the current content of modernization processes is substantiated based on the results of consideration of traditional factors and innovation trends. Proactivity is shown to be a modernization mechanism in the context of modern global processes. The structure and content of the proactive activities of market companies are characterized, providing a comparative analysis of proactivity and reactivity in the activities of market agents and the public sector. The correlation between proactive corporate activities and the directions of regional modernization is analyzed through the example of the global business of Combine Plant Rostselmash and the Rostov region as its home region. The results of this study can be used at the regional level in the transformation of approaches to formulating and structuring the priorities and mechanisms of the modernization policy, developing documents regulating modernization transformations and measures aimed at engaging big business in strategizing and programming processes.

Conclusions. The study proves that big business has unique qualities and competencies for the implementation of modernization behavior, which are non-reproducible within the framework of public administration. Thus, the modernization policy should include a set of measures to promote business (including protection of property rights, freedom of trade, increased confidence in the economy) as the bearer of modernization competencies. This approach should be accompanied by a shift in the focus of the government policy towards creating conditions for the implementation of the modernization strategies of big business at the national and regional levels.

Keywords: *economic modernization, regional development, government policy, region, TNC, business.*

For citation: Gontar' N. V., Sapozhnikova A. G. Modernization of the Russian Economy Based on the Proactive Potential of Big Business: a Conceptual Model. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):43–53. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-43-53.

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-010-00236.

Введение

Современные проблемы модернизации отечественной экономики обусловлены неоднозначностью стратегий позиционирования в условиях роста глобальной конкуренции и трансформации внешних вызовов. В российском научном дискурсе достигнут консенсус в отношении целей трансформации экономики, что

выражено в таких ориентирах, как сокращение сырьевой зависимости, повышение инновационности производства, пространственная сбалансированность развития. Вместе с тем дискуссионность подходов к практической реализации российской модернизации сопровождается постепенным огосударствлением банковского сектора (ростом относительной доли госбанков), технологических производствен-

ных активов (в рамках таких государственных корпораций, как «Ростех», «Объединенная судостроительная корпорация», «Объединенная авиастроительная корпорация», «Росатом», «Роснано») при одновременной концентрации частных корпораций на добыче и экспорте сырья (лидерами среди крупнейших отечественных компаний РБК-списка 500 [1] являются три сырьевые компании, в частности Газпром, Лукойл, Роснефть, с суммарной выручкой свыше 17 трлн руб.).

В целом сегодня государство наделяется функцией ключевого фактора процесса модернизации, а бизнес рассматривается преимущественно как источник налогов для реализации государственных программ. В то же время усиление значимости таких долгосрочных трендов глобального развития, как инновационность, открытость, опора на развивающиеся институты, актуализирует и поиск подходов к трактовке современных форматов модернизации, и формирование адекватного им представления о роли государства и бизнеса в достижении приоритетов модернизации.

В связи с этим обоснована возможность трактовки модернизации как процесса, аттрактор которого в современном динамичном мире превращается в постоянно меняющийся концепт. В итоге потребность в модернизации (и сам процесс) обуславливает определение модернизации не столько как краткого (в сравнении с трендом) процесса качественного перехода, сколько как процесса реализации динамических свойств системы, позволяющих ей адаптироваться к перманентным трансформациям, а также инициативно продуцировать эти трансформации в ходе глобальной конкуренции. Ввиду этого в статье предпринят анализ (на основании представлений о закономерностях государственного регулирования, теоретических подходов к пониманию адаптивности и проактивности как имманентных качествах предпринимательства) сравнительного потенциала государства и бизнеса (крупных компаний) в достижении целей модернизации, исследуются региональные проекции деятельности крупного бизнеса в контексте темы статьи.

Методологические предпосылки исследования

Теоретико-методологической основой исследования послужили фундаментальные положения теории модернизации, а также теории государственного управления, концепция проактивности и адаптивности в деятельности бизнеса. Традиционно представление о процессах модернизации экономики развивалось в классической теории модернизации такими авторами, как М. Леви, Т. Парсонс, У. Ростоу,

П. Штомпка, за которыми последовали неоклассические теории Г. Мюрдаля, А. Франка, Ш. Эйзенштадта. Понятие модернизации генетически связано с формулировками понятия «развитие», которое трактовалось (в частности, в работах А. Кругера, Г. Мюрдаля [2], Х. Томаса) как улучшение уровня и качества жизни, рост уровня доходов. Одновременно признается и вариант трактовки развития (например, Р. М. Нуреев, Г. Арндт) как многомерного процесса.

Теория модернизации описывает трансформацию отсталых обществ в направлении развитых экономик (движение периферии в направлении полупериферии, догоняющее развитие). Наиболее существенный вклад в такого рода трактовки модернизации внесли М. Леви [3], Д. Лернер [4], У. Ростоу [5] (модернизация понималась как копирование опробованных стандартов). Естественным развитием теоретических представлений в дальнейшем стало формирование идеи многообразия модернизационных путей (в работах Ш. Эйзенштадта, А. Г. Франка, Р. Ставенхагена, Г. Мюрдаля и других). В неоклассической теории (Э. Аллард [6], Э. Гидденс [7], А. Неклесса [8]) уделялось значительное внимание и сопутствующим экономике аспектам модернизации общества, включая институциональные аспекты и проблему инноваций.

Специфика подходов к поиску модели модернизации в России состояла в долгом процессе выработки стратегии модернизации, которая одновременно оказывалась на периферии внимания системы управления в ситуации благоприятной сырьевой конъюнктуры. Однако сегодня наблюдается устойчивость приоритетов модернизации. Так, А. Л. Кудрин считает приоритетными модернизацию общества и общественных институтов как инструмента стабильности, роста доверия и инвестиций. Е. Г. Ясин акцентирует внимание на значении для России инновационного и кадрового обновления экономики, что предполагает и создание условий в обществе для реализации этой стратегии [9].

Роль крупного бизнеса оценивается как крайне существенная в контексте предложенного понимания модернизации как процесса адаптации к перманентным трансформациям и продуцирования таких трансформаций (значимых для конкурирующих систем), поскольку предпринимательский сектор (включая крупные корпорации) максимально реализует адаптивность и проактивность, позволяющие достигать модернизационные приоритеты. Новые черты функционирования и стратегий поведения современного крупного корпоративного капитала (в национальных и региональных экономиках) рассматриваются как значимый

аспект модернизации в работах С. Б. Авдашевой [10], Т. Г. Долгопятовой [11], А. В. Кузнецова [12], Я. Ш. Паппэ [13], А. Д. Радыгина [14] и других исследователей. В связи с этим существенны для исследования подходы к анализу проактивности, а также вопрос реализации соответствующих качеств в рамках государственного сектора и в деятельности бизнеса (крупных корпораций).

Компетенции крупного бизнеса в реализации приоритетов модернизации

Осуществление приоритетов модернизации как процесса адаптации и проактивного поведения в отношении реализующихся или перспективных трансформаций предполагает опору на проактивные стратегии, применение которых способствует формированию позиций предпринимательского сектора как значимого фактора социально-экономического роста и развития. Проактивные стратегии максимально эффективны как ответ на рост конкуренции, фрагментацию рынков, технологические вызовы, повышение требований к качеству продукции, ситуацию неопределенности (основными источниками которой являются потребители, конкуренты, технологии и ресурсы) [15].

Возникновение представлений о проактивности связано с работами В. Франкла [16], С. Кови [17]; анализу дихотомии проактивности-реактивности посвящены работы Г. Олпорта [18]. Ряд ученых анализируют проактивность как инструмент не только развития, но и достижения организационной гибкости [15] и конкурентоспособности [19; 20]. На макроуровне проактивность приписывается экономической и внешнеполитической стратегии государств [21]. Проактивность, составляя основу наиболее успешных конкурентных стратегий, служит и механизмом модернизации, за счет того, что предполагает ориентацию на результат, инициативную идентификацию и использование возможностей, превентивное действие против потенциальных угроз, в противоположность реактивному поведению по решению возникших проблем [22]. Согласно мнению S. K. Parker [23], проактивность формируется инициативным действием, предсказанием и предотвращением проблем, расширением возможностей посредством самостоятельных усилий.

Проактивность можно обозначить как инвариантное свойство предпринимательской (рыночной) активности (вместе с тем доминирующее в меньшей части, однако с участием наиболее активных рыночных субъектов различного уровня — от малых и средних предприятий до транснациональных корпораций). Проактивность концентрирует деятельность

компаний на ряде векторов развития, принципиально важных для динамической конкуренции, формируя соответствующие направления модернизации сектора производства и услуг. Такие векторы, с одной стороны, отвечают актуальным сдвигам макроусловий, позволяя предвидеть и упреждать привходящие модернизационные импульсы, с другой — создавать инициативные стратегии, которые могут сами по себе формировать модернизационные сдвиги, стимулируя прогрессивные изменения в деятельности других субъектов.

Таким образом, проактивность выступает не только механизмом позиционирования ряда компаний, но и инструментом модернизационной трансформации качества экономики в ходе постепенного накопления соответствующих эффектов. При этом создание условий для реализации проактивного поведения компаний можно рассматривать как инструмент формирования модернизационного потенциала экономики в целом. Вместе с тем с учетом значимости не только в переходных, но и в так называемых рыночных экономиках масштабного государственного сектора (в виде производственных активов и в виде занятости в государственном секторе, регулирования экономики, государственного заказа и пр.) актуальным остается вопрос о дифференциации потенциала проактивности в зависимости от субъектности процесса, в частности, в рамках государственного сектора и бизнеса (в том числе крупного, как имеющего наиболее мощные рычаги формирования собственных стратегий, а также потенциал влияния на решения, принимаемые государством).

Государственный аппарат и административное регулирование характеризуются в целом реактивным подходом к деятельности. Основа его — в личностных мотивах бюрократии, относительно которой Дж. Бьюкенен отмечал [24] приоритет попадания во властные структуры и доминирование краткосрочных стратегий. Кроме того, в рамках государственного распределения существуют факторы, дестимулирующие проактивное поведение, ориентированное на рынок. Так, ввиду возможности получения ресурсов посредством распределения [25] деятельность государственного сектора не обусловлена конкуренцией. Кроме того, возможность использования бюджетных ресурсов посредством механизма субсидий формирует альтернативную производству возможность обогащения и для бизнеса, что создает так называемую *погоню за рентой*, дестимулируя повышение рыночной эффективности.

Выстраивание проактивных стратегий в рамках государственной системы управления затруднено также факторами низкой компетентности персонала, отсутствия стимулов и

возможностей реализации инициативных инноваций в деятельности. Так, низкая компетентность является функцией отсутствия конкурентного отбора кадров. К этому добавляется коррупция и вероятность того, что группы с особыми интересами могут влиять на принятие решений относительно регулирования в своих интересах. Отсутствие стимулов проактивности обусловлено и отсутствием конкуренции в рамках бюрократической системы, ее работой в рамках регламентов.

Государственное предпринимательство не может формировать импульсы проактивности ввиду ориентации на эффективность в аспекте прежде всего административной (а не рыночной) системы, что в сочетании с опорой на субсидии дестимулирует поиск путей конкуренции. Наряду с этим административное регулирование выступает фактором, формирующим (ограничивающим) потенциал реализации проактивных стратегий субъектами рынка. Многоаспектное регулирование (цен, объемов и параметров производства, обменов внутри страны и за ее пределами) ограничивает гибкость принятия решений компаниями, что сокращает варианты построения проактивных стратегий. Так, регулирование цен не позволяет верно оценить потребительский спрос, субсидирование искажает структуру спроса на производственные активы, а регулирование ВЭД деформирует предложение на внутреннем рынке передовых технологий и инноваций. Мощными каналами ограничения потенциала реализации проактивных стратегий бизнеса выступают налоговый механизм, ограничения миграции и, таким образом, предложения труда, стандарты и лицензирование, избыточная отчетность и реализация контролирующих функций государственными инстанциями, что формирует финансовые и временные издержки бизнеса.

В целом административное регулирование экономики не только деформирует деятельность рыночного сектора, но и влияет на стимулы его проактивного поведения, а соответственно, и на потенциал модернизации экономики. Исследуя вопрос о структурировании проактивных векторов, которые являются инструментами создания и реализации модернизационных стратегий, следует обозначить следующий спектр таких векторов: создание, поиск и внедрение инноваций, в том числе с привлечением научного обеспечения, создание, поиск и расширение рынков сбыта, пространственная экспансия, внимание к проблеме кадрового обеспечения, в том числе сохранение кадров в ситуации кризиса, совершенствование продуктовой линейки (предложения товаров и услуг), в частности посредством взаимодействия с клиентами.

В России наибольшим потенциалом реализации проактивных стратегий располагают крупные компании, которые формируют существенную долю в структуре экономики, обеспечивая приоритетные потоки налоговых поступлений (согласно данным Федеральной налоговой службы (ФНС) РФ, крупный бизнес обеспечивал до 3/4 налогов и сборов во все уровни бюджета РФ [26]), внешнеэкономического взаимодействия, занятости и формирования региональных экономических трендов. Так, суммарная прибыль только первых 10 из 500 крупнейших компаний России в 2018 г. превысила 3,2 трлн руб. (при этом выручка этих же компаний находилась у отметки 26 трлн руб.) [1].

В нашем государстве крупным компаниям принадлежит значимая роль в межрегиональной интеграции и интеграции экономического пространства в целом, чему способствует локализация подразделений общероссийских компаний транспорта, связи, банков, инфраструктурных компаний в регионах. Наиболее ярким примером консолидирующей роли компаний крупного бизнеса в России являются ПАО «РЖД», ПАО «Газпром», ПАО «Сбербанк», телекоммуникационные компании («большая тройка», а также «Ростелеком»), компании добывающего сектора, металлургии и химии, немало компаний в сфере АПК и машиностроения (за счет широкого круга поставщиков, смежников и потребителей в большом числе регионов).

Влияние подобного рода интеграции на межрегиональную связность имеют, например, компании АПК. Так, в двух наиболее развитых аграрных регионах РФ (Ростовской области и Краснодарском крае) соответствующие субъекты демонстрируют примеры институциональной интеграции бизнеса: например, ростовский холдинг «Степь» имеет четыре молочно-товарные фермы в Краснодарском крае (с объемами производства 40 тыс. т молока в год в дополнение к ростовским площадкам); краснодарская фирма «Агрокомплекс», имеющая подразделения на Дону; «Агроконцерн Каневской» (25 хозяйств в 13 районах Краснодарского края), несмотря на краснодарскую «прописку», входит в аграрный бизнес ростовского многопрофильного концерна «Покровский» (как и «Агрофирма «Должанская»»).

Формирование и реализация проактивных модернизационных векторов развития (на примере ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш»»)

Крупные производственные компании, располагая потенциалом проактивности и значимым влиянием на региональные процессы, форми-

руют круг факторов модернизации экономики. При этом следует учитывать, что лишь 15 % компаний проявляют проактивные стратегии. Кроме того, лишь часть из них обладает широкими связями, ввиду чего оказывает модернизационное влияние на макроэкономику. Пример компании такого рода — ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш»», входящий в структуру Промышленного союза «Новое Содружество» (наряду с компаниями KLEVER, «Эмпилс», «Сельмашбанк», Buhler Industries Inc., «КОНОРД»).

Сегодня комбайновый завод (КЗ) «Ростсельмаш» включает в себя 13 предприятий, расположенных на 10 производственных площадках в пяти странах. Продуктовая линейка насчитывает более 150 моделей и модификаций 24 типов техники (зерно- и кормоуборочных комбайнов, тракторов, опрыскивателей, кормозаготовительного и зерноперерабатывающего оборудования и др.). Анализ долгосрочной практики деятельности КЗ «Ростсельмаш», особенно после прихода на завод в 2000 г. стратегического инвестора — Промышленного союза «Новое Содружество», демонстрирует спектр стратегий, которые могут быть охарактеризованы как проактивные. Развитие компании совпало с качественной трансформацией места и роли АПК в глобальном позиционировании России, что отражено в динамике экспорта продукции комплекса с начала 2000-х гг. Так, к 2018 г. экспорт сельскохозяйственной продукции (с доминированием зерновых) Россией составил 25,8 млрд долл. В системе целей майского Указа Президента РФ [27] планируется достижение к 2024 г. объема экспорта продукции АПК на уровне 45 млрд долл., основой чего должны стать модернизационные процессы, в том числе в сельскохозяйственном машиностроении.

В деятельности КЗ «Ростсельмаш» присутствует спектр стратегий, обладающих проактивным характером и сопряженных с модернизацией широкого круга сфер деятельности, что обеспечивает не только конкуренцию в России, но и на мировом рынке. Всего по состоянию на конец 2018 г. продукция КЗ «Ростсельмаш» поставляется в 50 стран мира, действуют глобальные логистические хабы, товаропроводящая и сервисная сеть насчитывает более 500 единиц [28]. Доля рынка техники КЗ «Ростсельмаш» в нашей стране составляет более 70 %, в мире — 17 % рынка уборочной агротехники. КЗ «Ростсельмаш» поставляет машины в 39 стран мира, являясь основным поставщиком агротехники для АПК России [28].

Компания имеет подразделения на территории России, Украины, США, Канады и Казахстана, производит 24 типа сельскохозяйственной техники, более 150 моделей и

модификаций (зерноуборочную, кормоуборочную и почвообрабатывающую технику, опрыскиватели и протравители семян и т. д.). КЗ «Ростсельмаш» — единственный в мире производитель роторных комбайнов. В 2017 г. продажи существенно выросли, практически до 13,4 тыс. единиц сельхозтехники, в том числе за счет бюджетной поддержки спроса. На предприятии занято около 10 тыс. человек [29]. В рейтинге 500 крупнейших компаний КЗ «Ростсельмаш» занимает 187 место (2018 г.) с показателями выручки 64 млрд руб. (рост г/г 18 %) и прибыли — 12 млрд руб. [1].

Два проекта компании «Ростсельмаш» включены в «Губернаторскую сотню» (проект поддержки инвестиций в Ростовской области). В инвестиционном паспорте Ростова-на-Дону структуры группы компаний (ГК) «Новое Содружество» («Ростсельмаш» и «Эмпилс») отнесены к ведущим предприятиям промышленности. В 2015 г. Ростовская область подписала соглашение о сотрудничестве с Федеральным фондом развития промышленности, который предлагает льготные условия софинансирования проектов разработки новой высокотехнологичной продукции, техническое перевооружение и создание конкурентоспособных производств.

В рейтинге лидеров по производительности труда в машиностроении «Производительность труда: Лидеры промышленности России–2015» КЗ «Ростсельмаш» уверенно занял 24-ю позицию, пропустив вперед в основном авиастроительные корпорации. Характеризуя соотношение векторов развития с направлениями проактивной деятельности на рынках, можно представить широкий спектр соответствующих видов активности, который находит отражение в таблице 1.

ГК «Новое Содружество» активно вовлечена во взаимодействие с системой управления федерального и регионального уровней. С 2014 г. глава ГК «Новое Содружество» К. Бабкин является сопредседателем Московского экономического форума. На федеральном уровне взаимодействие осуществляется с участием Торгово-промышленной палаты (ТПП) РФ, Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, при проведении выставок, форумов федерального уровня, в условиях партнерства с общественными организациями и институтами. К. Бабкин возглавляет «Союзагромаш» — союз производителей сельхозтехники и оборудования для АПК. Модернизационное воздействие стратегий КЗ «Ростсельмаш» на региональную динамику региона базирования ключевых активов (в Ростовской области) является отражением его проактивной стратегии, как видно из таблицы 2.

С учетом значимости компании не только для региона, но и для российской экономики

Векторы проактивности в политике КЗ «Ростсельмаш» (составлено по материалам исследования и данным КЗ «Ростсельмаш» [28])

Векторы проактивности	Отражение в политике КЗ «Ростсельмаш»
Создание, поиск и внедрение инноваций, в том числе с привлечением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР)	Внедрение качественно новых линеек продукции, технологий производства и управления. Серийное производство машин семейства ACROS (уникальные, «родовые» технологии Smart Launch, Jam Control, Adviser) — 2007 г. Глобальная платформа для открытия производства плеяды новых агромашин (первая модель — зерноуборочный комбайн RSM 161) — 2014 г. Доступ к системе дистанционного мониторинга и контроля Agrotronic (разработка «Ростсельмаш») — в 2017 г. Создание беспилотного комбайна, апробация системы интерактивной помощи оператору в подборе оптимальных настроек комбайна
Создание, поиск и расширение рынков сбыта	В 2005 г. в Париже (SIMA) представлено инновационное роторное молотильно-сепарирующее устройство с полностью вращающейся декой. В 2018 г. два мировых рекорда производительности тракторов КЗ «Ростсельмаш» (RSM 2000 и RSM 1000). Презентация машин второго поколения TORUM. Новые электронные системы RSM Explorer и RSM OptiMax. Существенный рост экспорта в 2018 г. Участие в международных выставках «ЮГАГРО», «Казагро» (Казахстан), выставка CIAME (Китай), выставка «Молдагротех» (Молдавия, Кишинева), AGRO SHOW (Польша), международная выставка Agro Planta (Румыния)
Пространственная экспансия	С 2007 г. — приобретение активов производителя сельхозтехники Buhler Industries Inc. (Канада). Начало производства тракторов, премьера бренда VERSATILE. В 2009 г. — включение в состав КЗ «Ростсельмаш» площадок по производству опрыскивателей (Канада), производству оборудования для перегрузки, переработки и хранения зерна (США). В 2011 г. — приобретение производства техники для сева и почвообработки (Канада). Формирование полного круга техники для всего цикла агротехнических работ
Внимание кадровому обеспечению, в том числе сохранение кадров в ситуации кризиса	Участие в программе «Образование». С 2012 г. КЗ «Ростсельмаш» снабжает вузы учебными материалами, оборудует аудитории по последним требованиям учебного процесса, предоставляет сельхозтехнику для проведения практических занятий, выплачивает стипендию и организует стажировки обучающихся
Совершенствование продуктовой линейки (предложения товаров и услуг), в том числе посредством взаимодействия с клиентами	С 2004 г. — внедрение семейства зерноуборочных машин VECTOR. В 2008 г. — выпуск прицепной и навесной техники для кормозаготовок, в том числе для переработки и хранения зерна. В 2009 г. — старт производства новых семейств самоходных агромашин: роторных зерноуборочных комбайнов TORUM (первое поколение), кормоуборочных — серии RSM 1401, универсальных косилок KSU. В 2016 г. — выход кормоуборочных машин на основе глобальной платформы (RSM F 2650) — старт семейства машин RSM F. В 2017 г. введен в строй новый тракторный корпус, развернут полный цикл производства тракторов (модель RSM 2375); релиз новых машин компакт-класса NOVA. Старт производства широкозахватных адаптеров (более 12 м)

в целом КЗ «Ростсельмаш» формирует ряд линий взаимодействия с федеральными и региональными органами управления. Соответствующее взаимодействие отражает обоюдную заинтересованность. Так, со стороны системы управления на макроуровне существенен интерес к стабильности обеспечения техникой АПК широкого круга регионов; на региональном уровне — обеспечение стабильности рынка труда и формирование инновационных элементов структуры экономики.

ГК «Новое Содружество» заключены соглашения о стратегическом сотрудничестве с правительствами регионов, министерствами сельского хозяйства. Представители группы компаний постоянно принимают участие в выставках, форумах регионального уровня. Если в регионах (в частности, в Ростовской области) наблюдается влияние на расширение

продуктовой линейки, формирование спроса на квалифицированные кадры, рост взаимодействия с вузами региона, то на федеральном уровне КЗ «Ростсельмаш» принадлежит ключевая роль в модернизации парка сельскохозяйственных машин широкого круга компаний. Важно также, что программа сбыта реализуется с помощью субсидий государства (через АО «Росагролизинг»). Так, в 2018 г., согласно информации компании, тракторы КЗ «Ростсельмаш» моделей RSM 2 375 и RSM 2 400 стали дешевле для сельского хозяйства (в зависимости от модификации) на 389–562 тыс. руб. Компания распространяет программу сокращения стоимости техники на участников программ «Федеральный лизинг» и «ПП РФ 1 432 через АО «Росагролизинг» [28].

В целом сотрудничество завода и АО «Росагролизинг» позволило поставить в регионы

Проекция проактивных стратегий КЗ «Ростсельмаш» на модернизационные тренды развития базового региона — Ростовской области (составлено по материалам исследования и данным КЗ «Ростсельмаш» [28])

Сфера реализации проактивных стратегий	Деятельность в регионе	Следствие для модернизации региональной экономики
Создание, поиск и внедрение инноваций, в том числе с привлечением научного обеспечения	Внедрение новых технологий. Интеграция с вузами региона в создании инновационной продукции. Реализация совместных программ обучения, обмен кадрами и институциональная интеграция (договорная практика) подразделений вузов и производственных структур. КЗ «Ростсельмаш» — официальный технический партнер WorldSkillsRussia — национального чемпионата «Молодые профессионалы». КЗ «Ростсельмаш» организует всероссийский студенческий конкурс инновационных технологий аграрного машиностроения (СКИТАМ) для аграрных, радиотехнических, технологических, политехнических и федеральных вузов	Привлечение дополнительных инвестиций в регион для расширения и обновления производства, повышение инновационного статуса экономики. Формирование синергетического эффекта использования единой инфраструктуры сектора НИОКР и образовательной деятельности в регионе
Внимание кадровому обеспечению стратегий, в том числе в ситуации кризиса	Внедрение образовательных практик на предприятии (в рамках корпоративных университетов, обучающих центров) и в программы образовательных учреждений регионов (при организации корпоративных кафедр, целевом обучении и т. д.). Учебные аудитории КЗ «Ростсельмаш» — более чем в 40 ведущих аграрных образовательных организациях России (в рамках программы «Образование» на Юге России, включая Донской государственный технический университет. Корпоративные университеты — проект внутри компании («Ростсельмаш»). Членство в попечительских советах университетов Ростовской области (в ДГТУ — представители Промышленного союза «Новое Содружество» (ООО КЗ «Ростсельмаш») в числе других компаний). Создание базовых (корпоративных) кафедр	Повышение общей занятости в регионе, рост средней заработной платы населения, повышение общей квалификации трудовых ресурсов. Внедрение стандартов качества, улучшение социальных условий занятости, практик переподготовки кадров. Модернизация системы образования в соответствии с требованиями конкурентного рынка
Пространственная экспансия. Совершенствование продуктовой линейки (предложения товаров и услуг)	Слияния и поглощения, вхождение в капитал компаний за рубежом, в регионах РФ	Локализация производства новой продукции в регионе
Формирование новой институциональной практики	Содействие выработке приоритетов регионального развития, участие в формировании стратегий и программ развития региона	Формирование условий реализации предпринимательского потенциала компании, повышение результатов деятельности для регионов и муниципалитетов присутствия

РФ свыше 5,3 тыс. единиц сельхозтехники КЗ «Ростсельмаш» на условиях федерального лизинга (на сумму 25 млрд руб.). По программе обновления парка техники (ОПТ) 2.0 доступно для приобретения свыше 50 марок продукции. В 2018 г. приобретение техники аграриями через «Росагролизинг» выросло на 47 %; в 16 раз увеличился объем поставок по программе субсидирования, согласно постановлению № 1432 [30]. В 2019 г. объем нового лизингового портфеля планировался на уровне 24–25 млрд руб. В планы «Росагролизинга» вошел запуск специализированных программ технической модернизации для льноводства, виноградарства, овощеводства и садоводства.

В то же время значительное влияние на масштабность и устойчивость политики мо-

дернизации (компаний и секторов, с ними связанных) оказывают риски, продуцируемые нерыночными факторами (взаимодействие с государством). В частности, пример КЗ «Ростсельмаш» демонстрирует зависимость крупного бизнеса от субсидирования спроса. Так, обсуждение смены схемы финансирования АПК РФ в части покупки сельхозтехники аграриями побудило руководство завода заявить о возможных проблемах на предприятии в 2019 г.: отмена федеральной программы № 1432, по которой бюджет России выделяет отечественным производителям сельхозтехники средства, являющиеся скидкой на технику для сельского хозяйства расценена руководством «Нового Содружества» как фактор риска для стабильности производства. Скидка за

счет федерального бюджета достигает, согласно условиям программы, 15–20 %, а впоследствии — 25–30 %. Однако в 2019 г. обсуждалась новация, с учетом которой данная схема будет свернута в пользу льготного лизинга и льготного кредитования сельхозпроизводителей с 2020 г. Если на КЗ «Ростсельмаш» и Петербургский тракторный завод (ПТЗ) приходилось до 78 % финансирования по программе, то при новой схеме возможно сокращение доли рынка компаний. Сокращение поставок и прибыли рассматривалось КЗ «Ростсельмаш» как возможная причина отказа от строительства тракторного завода в Ростове-на-Дону.

Итак, изменчивость ресурсов государства для поддержки уровня субсидий и форм субсидий создают риски для компаний крупного бизнеса, полагающихся на государственное регулирование рынков. Кроме того, стремление государства содействовать развитию через управляемые процедуры (техрегламенты, субсидии, льготы и пошлины, прочие регулятивные меры) снижает и его заинтересованность в повышении качества инвестиционного климата (доверие, процентные ставки, защита прав, свобода торговли, контрольные функции, административная нагрузка), сокращая ресурсы гибкости компаний как основы реализации проактивных стратегий.

Таким образом, с учетом характерных особенностей проактивности как ресурса и фактора модернизации продуктивное построение стратегий модернизации может быть обеспечено формированием условий и ресурсов проактивности рыночных компаний. При этом функцией государства видится, с одной стороны, снятие барьеров для реализации гибкости стратегий бизнеса (обеспечение достаточного количества финансовых ресурсов, квалифици-

рованных кадров, новаций и обменов), с другой — ограничение роли преимущественно реактивного по характеру стратегий государственного сектора и государственного регулирования.

Заключение

В ситуации становления модернизационного процесса как инвариантного свойства современного развития формирование механизмов адекватной реакции на модернизационные импульсы (и потенциал их генерации) является ключевым условием глобального позиционирования и сохранения перспектив национальной экономики в изменяющемся мире. Проактивность, реализуемая бизнесом в целом и крупными компаниями в частности, — ключевой драйвер модернизации. В связи с этим экономическая политика должна в первоочередном порядке учитывать и формировать потенциал проактивности, обеспечивая условия гибкости в экономике, а также снижая административные барьеры ее проявления.

Для России потенциал крупных компаний (как правило, с широкой филиальной сетью) значим ввиду потребности в поддержании пространственной связности и обеспечении стратегического присутствия во многих регионах, в частности Урала, Сибири и Дальнего Востока. В контексте выводов исследования представляется существенным учет основных положений при выработке стратегий и программ развития не только отраслей и комплексов, но и регионов (преимущественно — базирования крупных производственных активов), ввиду модернизационного влияния крупного бизнеса на региональные экономические процессы и межрегионального интеграционного вектора.

Литература

1. РБК 500. Рейтинг российского бизнеса // RBC.ru. 2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (дата обращения: 27.08.2019).
2. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Пер. с англ. М.: Прогресс, 1972. 768 с.
3. Леви М. Социальные модели и проблемы модернизации. М.: ЮНИТИ, 2004. 369 с.
4. Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N. Y.: Free Press, 1958. 438 p.
5. Rostow W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. Cambridge: Cambridge University Press. 1960. 179 p.
6. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 61–72.
7. Гидденс Э. Последствия модернити. Пер. с англ. // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 101–122.
8. Неклесса А. И. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. Вып. 2 / отв. ред. А. И. Неклесса. М.: Вост. лит., 2002. С. 109–142.
9. Сапожникова А. Г. Крупный бизнес в процессах модернизации экономики регионов России: ресурсы, стратегии, инструментарий: дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Д. 2018. 218 с.
10. Авдашева С. Б. Российские холдинги: новые эмпирические свидетельства // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 98–111.
11. Долгопятова Т. Г. Российские предприятия в переходной экономике: экономические проблемы и поведение. М.: Дело, 1995. 281 с.

12. Кузнецов А. В. Транснациональные корпорации в мире [Электронный ресурс] // Мировое и национальное хозяйство. 2014. № 2. URL: <http://www.mirec.ru/2014-02/transnacionalnye-korporacii-v-mire> (дата обращения: 10.05.2019).
13. Панпэ Я. Ш., Галухина Я. С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2009. 423 с.
14. Радыгин А. Д. Эволюция форм интеграции и управленческих моделей: опыт крупных российских корпораций и групп // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2, № 4. С. 35–58.
15. Sharifi H., Zhang Z. Methodology for Achieving Agility in Manufacturing Organisations: an Introduction // International Journal of Production Economics. 1999. Vol. 62. No. 1-2. P. 7–22. DOI: 10.1016/S0925-5273(98)00217-5.
16. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
17. Кови С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей: мощные инструменты развития личности. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2011. 263 с.
18. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды / пер. с англ. М.: Смысл, 2002. 464 с.
19. Antoncic B., Hisrich R. D. Intrapreneurship: Construct Refinement and Cross-cultural Validation // Journal of Business Venturing. 2001. Vol. 16. No. 5. P. 495–527. DOI: 10.1016/S0883-9026(99)00054-3.
20. Gyulavári T., Kolos K. The Impact of Proactive Strategies on Market Performance in Economic Downturn: the Case of Hungary // “Convergence and Divergence in the New Europe: Marketing Challenges and Issues”: Proceedings of The 6th Emac Regional Conference. Vienna: Vienna University of Economics and Business. 2015. P. 36–39.
21. Nanavati A., Ahmed S. India-Canada Trade and FDI Bilateral Flows: Performance, Prospects and Proactive Strategies. New Delhi: Allied Publishers Pvt. Ltd. 2016. 236 p.
22. Business Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/proactive.html> (дата обращения: 09.07.2019).
23. Parker S. K., Bindl U. K., Strauss K. Making Things Happen: A Model of Proactive Motivation // Journal of Management. 2010. Vol. 36. No. 4. P. 827–856. DOI: 10.1177/0149206310363732.
24. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Избранные труды. Серия: Нобелевские лауреаты по экономике. Пер. с англ. М.: Таурус Альфа, 1997. С. 15–30.
25. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Пер. с англ. Челябинск: Социум, 2010. 418 с.
26. ФНС: Выездными проверками ежегодно охватывается лишь 1 % налогоплательщиков [Электронный ресурс] // RosInvest.Com. URL: <http://rosinvest.com/novosti/793544> (дата обращения: 09.07.2019).
27. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (дата обращения: 19.07.2019).
28. Ростсельмаш [Электронный ресурс]. URL: <https://rostselmash.com/company/> (дата обращения: 19.07.2019).
29. Акционеры Ростсельмаша и губернатор Ростовской области обсудили планы на 2017 г. [Электронный ресурс] // Новое содружество. 2017. 10 февр. URL: <http://www.novoe-sodrugestvo.ru/ru/301005/3403/0/index.htm> (дата обращения: 20.04.2019).
30. Об утверждении Правил предоставления субсидий производителям сельскохозяйственной техники [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2012 г. № 1432 // Гарант.ru. URL: <http://base.garant.ru/70291682/> (дата обращения: 20.04.2019).

References

1. RBC 500. Rating of Russian business. RBC.ru, 2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbc500/> (accessed on 27.08.2019). (In Russ.).
2. Myrdal G. Asian drama: An inquiry into the poverty of nations (in 3 vols). Transl. from Eng. Moscow: Progress Publ.; 1972. 768 p. (In Russ.).
3. Levi M. Social models and problems of modernization. Moscow: UNITY Publ.; 2004. 369 p. (In Russ.).
4. Lerner D. The passing of traditional society: Modernizing the Middle East. New York: Free Press; 1958. 438 p.
5. Rostow W.W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. Cambridge: CUP Publ.; 1960. 179 p.
6. Allardt E. The dubious merits of the modernization concept. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2002;(9):61-72.
7. Giddens A. The consequences of modernity. Transl. from Eng. In: Inozemtsev V.L., ed. A new post-industrial wave in the West: An anthology. Moscow: Academia; 1999:101-122. (In Russ.).
8. Neklessa A. I. The end of civilization, or the Zigzag of history. In: Neklessa A.I., ed. Global society: Cartography of the post-modern world. Moscow: Vostochnaya Literatura; 2002:109–142. (In Russ.).
9. Sapozhnikova A. G. Big business in the processes of modernization of the economy of the regions of Russia: Resources, strategies, tools. Cand. econ. sci. diss. Rostov-on-Don: South Federal University; 2018. 218 p. (In Russ.).

10. Avdasheva S. B. Russian holdings: New empirical evidence. *Voprosy ekonomiki*. 2007;(1):98-111. (In Russ.).
11. Dolgopyatova T. G. Russian enterprises in transition: Economic problems and behavior. Moscow: Delo Publ.; 1995. 281 p. (In Russ.).
12. Kuznetsov A. V. Transnationals in the world. *Mirovoe i natsional'noe khozyaystvo*. 2014;(2):6. URL: <http://www.mirec.ru/2014-02/transnacionalnye-korporacii-v-mire> (accessed on 10.05.2019). (In Russ.).
13. Pappe Ya. Sh., Galukhina Ya. S. Russian big business: The first 15 years. Economic Chronicles 1993-2008. Moscow: HSE Publ.; 2009. 423 p. (In Russ.).
14. Radygin A. D. The evolution of integration forms and managerial models: The experience of large Russian corporations and groups. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal*. 2004;2(4):35-58. (In Russ.).
15. Sharifi H., Zhang Z. Methodology for achieving agility in manufacturing organisations: An introduction. *International Journal of Production Economics*. 1999;62(1-2):7-22. DOI: 10.1016/S0925-5273(98)00217-5.
16. Frankl V. Man in search of meaning: Compilation. Transl. from Eng., German. Moscow: Progress Publ.; 1990. 368 p. (In Russ.).
17. Covey S. R. The 7 habits of highly effective people: Restoring the character ethic. Transl. from Eng. Moscow: Alpina Publisher; 2011. 263 p. (In Russ.).
18. Allport G.W. Personality and social encounter: Selected essays. Transl. from Eng. Moscow: Smysl Publ.; 2002. 464 p. (In Russ.).
19. Antoncic B., Hisrich R.D. Intrapreneurship: Construct refinement and cross-cultural validation. *Journal of Business Venturing*. 2001;16(5):495-527. DOI: 10.1016/S0883-9026(99)00054-3.
20. Gyulavári T., Kolos K. The impact of proactive strategies on market performance in economic downturn: The case of Hungary. In: Convergence and divergence in the New Europe: Marketing challenges and issues. Proc. 6th EMAC regional conf. (Vienna, Sept. 16-18, 2015). Vienna: Vienna Univ. of Economics and Business; 2015:36-39. URL: http://unipub.lib.uni-corvinus.hu/2076/1/Proactivemarketing_2015_Gyulavari%20Kolos.pdf.
21. Nanavati A., Ahmed S. India-Canada trade and FDI bilateral flows: Performance, prospects and proactive strategies. New Delhi: Allied Publishers Pvt. Ltd.; 2016. 236 p.
22. Business dictionary. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/proactive.html> (accessed on 09.07.2019).
23. Parker S. K., Bindl U. K., Strauss K. Making things happen: A model of proactive motivation. *Journal of Management*. 2010;36(4):827-856. DOI: 10.1177/0149206310363732
24. Buchanan J. Constitution of economic policy. Selected works. Transl. from Eng. Moscow: Taurus Alfa; 1997:15-30. (In Russ.).
25. Rothbard M. N. Power & market: Government and the economy. Transl. from Eng. Chelyabinsk: Sotsium Publ.; 2010. 418 p. (In Russ.).
26. Federal Tax Service: Field inspections cover only 1% of taxpayers annually. RosInvest.Com. URL: <http://rosinvest.com/novosti/793544> (accessed on 09.07.2019). (In Russ.).
27. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204. URL: <https://base.garant.ru/71937200/> (accessed on 19.07.2019). (In Russ.).
28. Official website of Rostselmash. URL: <https://rostselmash.com/company/> (accessed on 19.07.2019). (In Russ.).
29. Rostselmash shareholders and the governor of the Rostov region discussed plans for 2017. Novoe sodruzhestvo. Feb. 10, 2017. URL: <http://www.novoe-sodrugestvo.ru/ru/301005/3403/0/index.htm> (accessed on 20.04.2019). (In Russ.).
30. On the approval of the Rules for the provision of subsidies to manufacturers of agricultural machinery. Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2012 No. 1432. URL: <http://base.garant.ru/70291682/> (accessed on 20.04.2019). (In Russ.).

ОСОБЕННОСТИ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВЕДОМСТВЕННЫХ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ)

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-54-59

УДК 338.46

Косогорцев Владимир Игоревич

старший преподаватель Санкт-Петербургского
государственного морского технического университета
190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3,
e-mail: Kosogorcev_v@mail.ru

Крстич Михаил Миодрагович

старший преподаватель Санкт-Петербургского
государственного морского технического университета
190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3,
e-mail: krst.spb@mail.ru

Нилов Вадим Николаевич

старший преподаватель Санкт-Петербургского
государственного морского технического университета
190121, Санкт-Петербург, Лоцманская ул., д. 3,
e-mail: Nilo87@mail.ru

Исследование направлено на изучение особенностей функционирования ведомственных спортивных организаций на современном этапе социально-экономического развития с целью выработки мер по эффективному использованию их ресурсного потенциала.

Цель. Обосновать необходимость применения модели финансирования ведомственной спортивной организации на основе оценки имеющихся ресурсов и разработки новых методов получения доходов для осуществления деятельности.

Задачи. Дать определение понятия «ресурсный потенциал» в контексте предметной области исследования. Рассмотреть особенности ресурсного обеспечения ведомственных спортивных организаций на современном этапе социально-экономического развития. Выявить источники финансирования ведомственных спортивных организаций. Определить пути рационализации финансирования для осуществления эффективной деятельности спортивного клуба.

Методология. Исследование проведено с использованием методологии системного подхода к изучению экономических явлений и процессов, метода системного анализа, а также на основе анализа эмпирических данных о деятельности спортивных организаций, функционирующих под эгидой вузов Санкт-Петербурга.

Результаты. Установлено, что на современном этапе огромное значение приобретает финансирование ведомственных спортивных организаций, выполняющих важную социальную функцию по формированию человеческого капитала. Финансирование ведомственных спортивных организаций имеет свои особенности. В большинстве случаев оно зависит от наличия бюджетных средств, которые дефицитны. В связи с этим руководству учреждений необходимо выработать модель, при которой ведомственные спортивные организации могут осуществлять наиболее эффективную деятельность по достижению поставленных социальных целей, обеспечивая наибольшую отдачу от вложенных в их развитие средств.

Выводы. Авторами предложены направления исследования ресурсного потенциала ведомственных спортивных организаций и изучения в дальнейшем возможностей по финансовому обеспечению процесса оказания услуг для социально значимых групп населения.

Ключевые слова: ведомственные спортивные организации, финансирование спортивных организаций, ресурсы ведомственных спортивных организаций, финансирование ведомственных спортивных организаций, экономическая эффективность.

Для цитирования: Косогорцев В. И., Крстич М. М., Нилов В. Н. Особенности ресурсного потенциала ведомственных спортивных организаций (на примере вузов) // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 54–59. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-54-59.

SPECIFIC FEATURES OF THE RESOURCE POTENTIAL OF INSTITUTIONAL SPORTS ORGANIZATIONS (THROUGH THE EXAMPLE OF UNIVERSITIES)

Vladimir I. Kosogortsev

*St. Petersburg State Marine Technical University
Lotsmanskaya St. 3, St. Petersburg, Russian Federation,
190121, e-mail: Kosogorcev_v@mail.ru*

Mikhail M. Krstich

*St. Petersburg State Marine Technical University
Lotsmanskaya St. 3, St. Petersburg, Russian Federation, 190121
e-mail: krst.spb@mail.ru*

Vadim N. Nilov

*St. Petersburg State Marine Technical University
Lotsmanskaya St. 3, St. Petersburg, Russian Federation, 190121
e-mail: Nilo87@mail.ru*

The presented study examines the specific features of the operation of institutional sports organizations at the current stage of socio-economic development with the purpose of developing measures to facilitate efficient use of their resource potential.

Aim. The study aims to substantiate the need to apply a funding model for institutional sports organizations based on the assessment of available resources and development of new methods of income generation to carry out activities.

Tasks. The authors define the concept of resource potential within the context of the subject area; examine the specific features of the resource potential of institutional sports organizations at the current stage of socio-economic development; identify the funding sources of institutional sports organizations; determine ways to rationalize funding so as to make the operation of a sports club more efficient.

Methods. This study uses the methodology of a systems approach to examining economic phenomena and processes, systems analysis, and analysis of empirical data on the activities of sports organizations operating under the aegis of St. Petersburg universities.

Results. It is established that at the present stage the funding of institutional sports organizations that perform an important social function for the formation of human capital is of great significance. The funding of institutional sports organizations has its own specific features. In most cases, it depends on the availability of budgetary funds, which are scarce. Therefore, managers of institutions need to develop a model that would allow institutional sports organizations to operate efficiently and achieve their social goals, making the most of the funds invested in their development.

Conclusions. The authors propose directions for examining the resource potential of institutional sports organizations and further exploring opportunities for the financial support of the process of providing services to socially significant population groups.

Keywords: *institutional sports organizations, funding of sports organizations, resources of institutional sports organizations, funding of institutional sports organizations, economic efficiency.*

For citation: Kosogortsev V. I., Krstich M. M., Nilov V. N. Specific Features of the Resource Potential of Institutional Sports Organizations (through the Example of Universities). *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):54–59. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-54-59.

Актуальность исследования обусловлена тем, что ресурсный потенциал ведомственных спортивных организаций имеет свои особенности. От грамотного распределения средств зависит эффективность деятельности спортивной организации и уровень оказания услуг целевым категориям населения. В литературе представлены разные определения категории «ресурсный потенциал». В частности, Е. В. Богомолова и Т. Н. Толстых указывают, что ресурсный потенциал представляет собой «совокупность имеющихся у предпринимательской структуры видов ресурсов, которые связаны между собой и использование которых дает возможность достичь

максимального экономического эффекта» [1]. А. П. Шатрова полагает, что под ресурсным потенциалом необходимо понимать возможности организации по использованию существующих у нее ресурсов и ресурсов, не используемых предприятием, но которые существуют во внешней среде, а также тех, которые могут возникнуть в будущем, с целью максимального удовлетворения потребностей населения в товарах, услугах, производства добавленной стоимости и получения прибыли [2]. С точки зрения Л. Г. Окороковой, ресурсный потенциал является совокупностью ресурсов предприятия, обеспечивающих возможность получения макси-

мального экономического эффекта в заданный момент времени [3]. Л. Ф. Бердникова рассматривает ресурсный потенциал как характеристику наличия производственных, инновационных и финансовых ресурсов, которые необходимо активизировать для эффективной деятельности в текущем периоде, а также резервов и возможностей по мобилизации данных ресурсов, которыми можно воспользоваться для обеспечения бесперебойной экономически выгодной деятельности в перспективе [4].

В литературе существуют и иные трактовки ресурсного потенциала, по содержанию подобные приведенным выше. Таким образом, к особенностям категории «ресурсный потенциал» можно отнести следующие:

- 1) ресурсный потенциал является не простой совокупностью, а системой ресурсов, которые используются в комплексе, т. е. предусматривает обязательную взаимодополняемость отдельных составляющих;
- 2) в состав ресурсного потенциала входят не только существующие ресурсы, но и потенциальные возможности по их получению в будущих периодах;
- 3) ресурсный потенциал предполагает возможность взаимозаменяемости ресурсов, что позволяет варьировать их использование для достижения результата.

Приоритетная задача большинства ведомственных спортивных организаций в условиях рыночной экономики заключается в разработке такого механизма финансирования, который позволяет осуществлять эффективную социальную деятельность и значительно снизить потребность в бюджетных ассигнованиях, что достигается изменением моделей деятельности, например — запуском механизмов государственно-частного партнерства [5]. На современном этапе финансирование ведомственных спортивных организаций редко связано с результатами их деятельности по оказанию бесплатных или платных услуг. В настоящее время известны такие источники финансирования ведомственных спортивных организаций, как:

- 1) бюджетное финансирование, осуществляемое за счет средств государства (федеральный или региональный уровень) или муниципалитета;
- 2) финансирование спортивных организаций за счет средств ведомственных монополистических предприятий, которым они подчиняются (ОАО «РЖД», ПАО «Газпром» и др.);
- 3) самофинансирование спортивных организаций за счет собственной предпринимательской деятельности.

Бюджетное финансирование базируется на использовании нормативных методов, в основе которых — потребность в покрытии текущих расходов спортивной организации, затрат по

поддержанию и расширению материально-технической базы, осуществлению ремонта и оплаты труда сотрудников. Смета на содержание спортивных организаций составляется, как правило, в рамках выделенных лимитов бюджетных средств и не всегда отражает реальные затраты бюджетных учреждений на предоставление услуг ведомственными спортивными организациями.

Бюджетные средства обычно предоставляются в пределах минимума, а расходы сверх указанных ассигнований необходимо осуществлять из других источников финансирования. Из-за невозможности покрытия всех расходов посредством бюджетного финансирования законодательством предусмотрено и ведение коммерческой деятельности ведомственными спортивными организациями в качестве источника дополнительного дохода.

Экономическая эффективность деятельности ведомственной спортивной организации представляет собой эффективность использования спортивного объекта с точки зрения соотношения понесенных затрат и ресурсов, которые участвовали в достижении экономических и социальных результатов, с итогами финансово-экономической деятельности спортивной организации. Под термином «эффективность» в данном случае следует понимать комплексную характеристику потенциальных и реальных результатов функционирования системы, которая учитывает степень их соответствия главным целям системы [6].

Принимая во внимание современные социально-экономические условия, цель деятельности ведомственной спортивной организации можно определить как «обеспечение населения качественными спортивно-оздоровительными услугами в условиях ограниченного бюджетного финансирования и жесткой необходимости нахождения внебюджетных источников денежных средств на рынке платных услуг» [7]. Таким образом, итог финансово-экономической деятельности складывается как сумма бюджетных ассигнований и доходов от предоставления платных услуг за минусом расходов по эксплуатации спортивного сооружения.

С целью разработки эффективного механизма финансирования ведомственных спортивных организаций нами проанализирована финансово-экономическая деятельность спортивных объектов в 2015–2018 гг. Для исследования выбраны 10 объектов, находящихся в Санкт-Петербурге:

1. Спортивный клуб «Политехник». Управляющая организация: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (ул. Обручевых, д. 1, 11-й уч. корпус СПбПУ).
2. Спортивный клуб «Люция». Управляющая организация: Санкт-Петербургский госу-

дарственный морской технический университет (пр. Стачек, д. 88/2).

3. Спортивный комплекс НГУ им. П. Ф. Лесгафта. Управляющая организация: Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта (ул. Декабристов, д. 35).
4. Спортивный клуб СПбГУ. Управляющая организация: Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская набережная, д. 7–9).
5. Спортивный клуб «Балтийский феникс». Управляющая организация: Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (ул. Димитрова, д. 3а).
6. Спортивный клуб «Золотые пеликаны». Управляющая организация: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Лиговский пр., д. 275).
7. Спортивный клуб ЛГУ им. А. С. Пушкина. Управляющая организация: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10).
8. Спортивный клуб «Красноармейские львы». Управляющая организация: Санкт-Петербургский государственный технологический университет (Московский пр., д. 24–26/49).
9. Спортивный клуб Северо-Западного государственного медицинского университета им. И. И. Мечникова. Управляющая организация: Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (ул. Кирочная, д. 41).
10. Спортивный клуб СПбГАУ. Управляющая организация: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Пушкин, Санкт-Петербургское шоссе, д. 2).

Установлено, что исследуемые объекты получают средства из бюджета и покрывают затраты из бюджетных средств и внебюджетных источников. Доля покрытия расходов за счет собственной деятельности на анализируемых объектах — от 10 до 43 %¹.

Основные затраты в структуре расходов ведомственных спортивных организаций связаны с оплатой коммунальных услуг и оплатой труда сотрудников спортивных организаций (административного персонала и инструкторов). Расходы на оплату труда сотрудников на разных объектах составляют от 24 до 50 %, оплату коммунальных платежей — от 27 до 49 %, затраты на развитие материально-технической базы и осуществление ремонтных работ — от 5 до 27 %, прочие расходы — от 3 до 21 % [8]. Следует отметить, что на каж-

дом из рассмотренных объектов доля затрат на развитие материально-технической базы незначительна.

На наш взгляд, ведомственные вузовские спортивные организации в меньшей степени ориентируются на долгосрочные перспективы развития (оказание новых видов и повышение качества оказываемых услуг, закупку современного оборудования и т. п.), что во многом определяется отсутствием у них ресурсов для реализации этих целей. По итогам анализа расходов вузовских спортивных организаций, можно сделать вывод о том, что доля покрытия затрат из собственных средств зависит от многочисленных факторов: территориальной доступности спортивного объекта, расположения спортивного сооружения, перечня и объема оказываемых услуг, структуры ассортимента (соотношения услуг, предоставляемых на бесплатной, льготной и платной основе) и др.

Невысокая доля покрытия собственных расходов в вузовских спортивных организациях зависит еще и от того, что, хотя они и имеют право вести предпринимательскую деятельность, но ее ведение сопровождается рядом ограничений. Достаточно часто руководство ведомственных спортивных организаций вынуждено исходить не из соображений целесообразности или эффективности осуществляемой деятельности, а действовать в рамках существующих ресурсов, которые они получают для выполнения «бюджетных заказов». Следовательно, в реальной ситуации ведение финансово-экономической деятельности, направленной на получение дохода ведомственными вузовскими спортивными организациями, является ограниченным [8].

В вузовских спортивных организациях, функционирующих в рамках бюджетного финансирования, предпринимательская деятельность с целью получения дохода играет подчиненную роль и осуществляется только в случае, если служит достижению цели, для которой создано спортивное сооружение. Деятельность по оказанию платных услуг в этих спортивных организациях формируется исходя не из потребностей и спроса со стороны населения на услуги, а на базе возможностей использования спортивного сооружения альтернативным образом, помимо предоставления бесплатных услуг.

Особенно сложно в процессе создания структуры финансирования вузовских спортивных организаций разработать систему ценообразования на услуги. Цену на платные услуги необходимо устанавливать не только на основании финансовых расчетов, которые учитывают размеры платы, но и на базе анализа платежеспособности населения. Неоправданно вы-

¹ Данные бухгалтерского учета ведомственных спортивных организаций, охваченных исследованием.

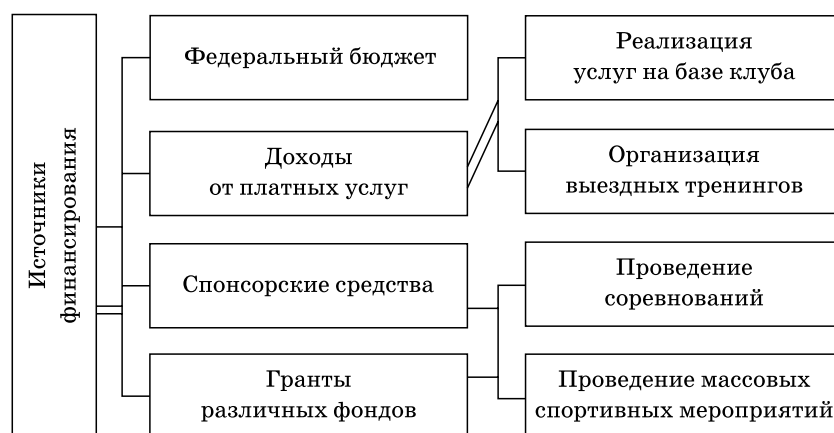

Рис. 1. Механизм финансирования деятельности ведомственных спортивных организаций

сокая цена может оказать негативное влияние на перспективы реализации услуг. В данной отрасли цену на оказываемые услуги целесообразно определять, с одной стороны, исходя из безубыточности деятельности, с другой — в соответствии с требованиями доступности услуг для целевых слоев населения. Снижение числа потребителей услуг ведомственных спортивных организаций может привести к уменьшению социальной эффективности функционирования спортивного сооружения.

В ходе проведения исследования нами сделан вывод о том, что все услуги ведомственных спортивных организаций по получению доходов необходимо разделить на два основных типа: коммерческие услуги и некоммерческие услуги спортивной организации (финансирование за счет бюджетных средств). В отношении коммерческих услуг ведомственной вузовской спортивной организации следует отметить, что значительное повышение их доли в ассортименте услуг некоммерческих организаций приводит к негативным последствиям. В частности, многие ведомственные спортивные организации сокращают объемы работ, не приносящих им коммерческой выгоды, т. е. минимизируют недостаточно выгодные виды деятельности. Отрицательные последствия чисто коммерческой составляющей деятельности ведомственной спортивной организации очевидны. Поэтому перед руководством спортивной организации встает первоочередная задача по приоритетности социальных целей, которую возможно решить на базе социального маркетинга.

Рассмотрим подробнее механизм финансирования деятельности ведомственных спортивных организаций, отраженный на рисунке 1. Охарактеризуем кратко источники этого финансирования.

1. Бюджетные средства. Данный источник финансирования позволяет в настоящее время покрывать большую долю затрат ведомственных спортивных организаций, финансируемых из бюджета, однако не дает возможность

развиваться, нанимать квалифицированный персонал в достаточном количестве, осуществлять материально-техническую реконструкцию объектов.

2. Доходы от оказания платных услуг, подразумевающие организацию работы секций на базе объектов спортивной организации в течение года. При разработке механизма финансирования вузовской спортивной организации необходимо провести анализ тенденций, осуществить опрос потенциальной целевой аудитории и студентов, занимающихся в спортивном клубе, проанализировать целесообразность организации занятий по таким популярным направлениям, как йога, цигун, иные оздоровительные практики, боевые единоборства и др.
3. Спонсорские средства. Этот источник финансирования позволяет не только получить дополнительный доход, но и снизить затраты на рекламные мероприятия по привлечению новых клиентов в ведомственные спортивные организации. К мероприятиям, которые могут заинтересовать спонсоров, можно отнести проведение спортивных соревнований, Дней спорта, презентационных мероприятий с участием приглашенных ведущих тренеров, направленных на привлечение большего числа участников. В данном случае средства, потраченные спонсорами на поддержку мероприятия ведомственных спортивных организаций, предприятия-спонсоры могут отнести на затраты по рекламе или маркетингу, т. е. уменьшить свою налогооблагаемую прибыль.
4. Получение грантов от государства и специальных фондов. Сегодня этот источник финансирования не используется большинством ведомственных спортивных организаций. Руководство может разработать несколько программ, подпадающих под возможность получения гранта от государственных органов или фондов. В частности, распределением президентских грантов занимается организа-

ция «Лига здоровья нации». В рамках данного направления важно разработать проект и обосновать необходимость получения гранта, а затем подать заявку в указанную выше организацию. Рекомендуем более активно использовать этот источник финансирования менеджменту рассмотренных в исследовании спортивных организаций.

Таким образом, на современном этапе социально-экономического развития проблема финансирования ведомственных спортивных организаций является одной из самых проблематичных при решении вопросов развития социальной инфраструктуры ввиду ограниченности ресурсов, многообразия и сложности выполняемых функций, которые реализуются на государственном и муниципальном уровнях. Ряд ведомственных спортивных организаций полно-

стью начинает ориентироваться на коммерческие источники доходов, забывая о социальных целях деятельности и необходимости реализации задач по укреплению здоровья населения.

С нашей точки зрения, ведомственным вузовским спортивным организациям следует разработать механизм финансирования, который будет способствовать реализации именно социальных функций, сохраняя спортивное сооружение в государственной собственности, обеспечивая предоставление спортивно-оздоровительных услуг студентам и сотрудникам вуза. При этом не отказываясь от возможности привлекать квалифицированный персонал, осуществлять материально-техническую реконструкцию спортивного клуба и расширять ассортимент востребованных услуг, тем самым обеспечивая получение дохода из коммерческих источников.

Литература

1. Богомолова Е. В., Толстых Т. Н. Идентификация потенциала конкурентоспособности предпринимательских структур как резерва // Вестник Тамбовского государственного университета. 2011. № 12-1. С. 58–69.
2. Шатрова А. П. Алгоритм внедрения методики оценки ресурсного потенциала предприятия сферы услуг // Проблемы современной экономики. 2009. № 3. С. 392–395.
3. Огорокова Л. Г. Ресурсный потенциал предприятий. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. 294 с.
4. Бердникова Л. Ф. Ресурсный потенциал организации: понятие и структура // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 1. С. 201–203.
5. Григорьев В. И., Плотников В. А. Государственно-частное партнерство в развитии физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 2014. № 8. С. 102–104.
6. Велединский В. Г. Спортивно-оздоровительный сервис: учебник. М.: КНОРУС, 2014. 216 с.
7. Акишин Б. А., Юсупов Р. А., Титова Е. Б. Особенности управления кафедрой физической культуры на базе спортивного комплекса // Проблемы и инновации спортивного менеджмента в России: материалы I-й Всероссийской науч.-практ. конф. / под ред. Г. Н. Голубевой. Казань: Поволжская ГАФКСиТ, 2015. С. 3–5.
8. Литвин А. В., Дауманн Ф., Казаков А. Н. Оценка эффективности социальных инвестиций: основы, функции, состояние исследований // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2016. № 5. С. 133–135.

References

1. Bogomolova E. V., Tolstykh T. N. Identification of the competitiveness potential of business entities as a reserve. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: The Humanities*. 2011;(12-1):58–69. (In Russ.).
2. Shatrova A. P. Estimation of resource potential at an enterprise in the sphere of services: algorithm of methodology implementation. *Problemy sovremennoy ekonomiki = Problems of Modern Economics*. 2009;(3):392–395. (In Russ.).
3. Ororokova L. G. Resource potential of enterprises. St. Petersburg: SPb. State Institute of Technology; 2001. 294 p. (In Russ.).
4. Berdnikova L. F. The resource potential of the organization: Concept and structure. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta = Vector of Science of Togliatti State University*. 2011;(1):201–203. (In Russ.).
5. Grigor'ev V. I., Plotnikov V. A. Public-private partnership in development of physical culture and sport. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*. 2014;(8):102–104). (In Russ.).
6. Velebinskii V. G. Sports and fitness service. Moscow: KNORUS; 2014. 216 p. (In Russ.).
7. Akishin B. A., Yusupov R. A., Titova E. B. Management features of the department of physical education on the basis of a sports complex. In: Problems and innovations of sports management in Russia. Proc. 1st All-Russ. sci.-pract. conf. Kazan: Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism; 2015:3–5.
8. Litvin A. V., Daumann F., Kazakov A. N. Assessment of the effectiveness of social investments: Fundamentals, functions, state of research. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology*. 2016;(5):133–135. (In Russ.).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ПЕРЕХОДЕ НА ЧЕТЫРЕХДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ НЕДЕЛЮ В РОССИИ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-60-66

УДК 331

Луговской Роман Андреевич

доцент Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
кандидат экономических наук

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а, e-mail: rlugovskoy@yandex.ru

Михайлов Егор Владимирович

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а, e-mail: egor-51@yandex.ru

В статье проведен анализ предложения председателя Правительства РФ Д. А. Медведева о переходе страны на четырехдневную рабочую неделю. В контексте темы изучен общий опыт решения данного вопроса, в том числе в рамках зарубежного опыта. Несмотря на то, что подобное предложение рассматривалось еще во времена СССР И. В. Сталиным, правда, в контексте перехода на пяти- и шестичасовой рабочий день, данный вопрос стал обсуждаться лишь в 2019 г. В свете пенсионной реформы, повлекшей увеличение пенсионного возраста в России, ряд специалистов полагают, что рассматриваемые предложения скрывают за собой возможные изменения, которые приведут к ухудшению сегодняшнего положения трудящихся. В статье рассмотрены механизмы государственного управления во взаимодействии с предпринимательством, касающиеся изменения рабочего времени трудящихся.

Цель. Проанализировать возможные направления совершенствования государственного управления в области трудового законодательства, существенно влияющего на развитие экономики, предпринимательства и положение трудящихся.

Задачи. Определить исторические предпосылки перехода России на четырехдневную рабочую неделю. Изучить правовые механизмы и особенности трудового законодательства России в области планируемого перехода на четырехдневную рабочую неделю. Исследовать зарубежный опыт регламентации времени работы трудящихся. Провести анализ положительных и отрицательных сторон при переходе России на четырехдневную рабочую неделю. Разработать предложения, сопутствующие переходу России на четырехдневную рабочую неделю.

Методология. Методологической основой рассмотрения проблем стали общенаучные методы, а также методы системного, структурно-функционального и институционального анализа.

Результаты. Проведен комплексный анализ происходящих процессов в области совершенствования трудового законодательства и его влияния на экономику, предпринимательство и положение трудящихся. Определены исторические предпосылки перехода России на четырехдневную рабочую неделю, изучены основы российского трудового права, с учетом зарубежного опыта выявлены положительные и отрицательные стороны возможных нововведений в области регламентации продолжительности труда. Авторами подготовлены предложения, реализация которых приблизит к введению четырехдневной рабочей недели в России.

Выводы. Предложение председателя Правительства РФ о переходе на четырехдневную рабочую неделю вызывает сегодня множество вопросов. Так, отсутствует уверенность в том, что это приведет к сохранению заработной платы. Возникает ряд вопросов о том, является ли это шагом для искусственного снижения безработицы, в каких сферах деятельности идея найдет отражение в первую очередь и многие другие. Данные вопросы требуют длительного всестороннего обсуждения с представителями Правительства РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ, профсоюзов, научного сообщества. Требуется проведение социологического исследования с целью выявления и предупреждения опасений среди граждан ввиду грядущих перемен. Вместе с тем, по мнению авторов статьи, идея концептуально верна, но справедлив и вопрос о том, будет ли она успешно реализована в эпоху капитализма, когда предприниматели нацелены на прибыль и не заинтересованы в снижении длительности рабочего времени сотрудников. На наш взгляд, при социалистической модели хозяйствования, планы И. В. Сталина о сокращении рабочего дня быстрее бы воплотились в реальности путем подкрепления новыми инновационными разработками в станкостроении и других областях, которые бы реально давали существенный прирост ВВП и значительное снижение издержек производства. Оценить перспективы развития соответствующей идеи на современном этапе сложно.

Ключевые слова: государственная политика, планирование, стратегия, государственное управление, трудовое законодательство, предпринимательство, экономика.

Для цитирования: Луговской Р. А., Михайлов Е. В. Социально-экономический анализ предложения о переходе на четырехдневную рабочую неделю в России // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 60–66. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-60-66.

SOCIO-ECONOMIC ANALYSIS OF THE PROPOSAL TO SWITCH TO A FOUR-DAY WORKING WEEK IN RUSSIA

Roman A. Lugovskoy

*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103, e-mail: rlugovskoy@yandex.ru*

Egor V. Mikhaylov

*St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103, e-mail: egor-51@yandex.ru*

The presented study analyzes the proposal of the Prime Minister of the Russian Federation D. A. Medvedev to switch to a four-day working week. In the context of the topic, the experience of dealing with this issue is examined, including international practices. A similar proposal was discussed by I.V. Stalin as far back as Soviet times, although in the context of switching to five- or six-hour working days, but only in 2019 did this issue become the subject of debate. In light of the pension reform, which has led to an increase in the retirement age in Russia, a number of experts believe that such proposals may entail potential changes that could have a negative effect on the situation of workers. This study examines the mechanisms of public administration in coordination with enterprises relating to changes in the working hours.

Aim. The authors aim to analyze potential directions for the improvement of public administration in the field of labor legislation, which has a significant impact on the development of the economy, business, and the situation of workers.

Tasks. This study determines the historical background of Russia's switch to a four-day working week; examines the legal mechanisms and specific features of labor legislation in Russia in the context of the planned switch to a four-day working week; explores international practices in the field of regulation of working hours; analyzes the benefits and drawbacks of switching to a four-day working week in Russia; develops proposals associated with Russia's switch to a four-day working week.

Methods. The methodological basis for the consideration of the problems includes general scientific methods, systems, structural, functional, and institutional analysis.

Results. The ongoing processes in the field of improvement of labor legislation and its impact on the economy, business, and the situation of workers are comprehensively analyzed. The historical background of Russia's switch to a four-day working week is determined; fundamentals of Russian labor legislation are examined; benefits and drawbacks of the potential innovations in the field of regulation of working hours are identified with allowance for international practices. The authors formulate proposals, the implementation of which will bring Russia closer to the switch to a four-day working week.

Conclusions. The proposals of the Prime Minister of the Russian Federation to switch to a four-day working week has raised a lot of questions. For instance, it is unclear whether the current wages will be maintained. It is also questionable whether it is a step towards artificially reducing unemployment, in which fields this idea is likely to manifest itself first, and so on. These questions need to be thoroughly discussed by the representatives of the Government of the Russian Federation, Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, trade unions, and the scientific community. It is necessary to conduct a sociological survey to determine and prevent concerns among citizens about the upcoming changes. That said, the authors believe that the idea itself is conceptually correct, but it still valid to doubt whether it can be successfully implemented at the time of capitalism, when entrepreneurs focus on profit and are not interested in reducing the working time of their employees. According to the authors, the plans of I.V. Stalin to reduce working time could faster come into fruition with the socialist economic model, which facilitated innovations in the machine tool industry that would boost GDP growth and significantly reduce production costs. Assessing the prospects of development of this idea at the present stage is difficult.

Keywords: state policy, planning, strategy, public administration, labor legislation, entrepreneurship, economy.

For citation: Lugovskoy R. A., Mikhaylov E. V. Socio-Economic Analysis of the Proposal to Switch to a Four-Day Working Week in Russia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9): 60–66. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-60-66.

Введение

Данная статья основана на социально-экономических, исторических и политических особенностях развития нашей страны, начиная с XX в. После победы большевиков в 1917 г.

в России, они смогли сделать то, чего не удалось Марксу и Энгельсу в 1866 г., ввели восьмичасовой рабочий день. Согласно ст. 91 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) в России нормальная продолжительность рабочего времени определена и не может превы-

шать 40 часов в неделю. В 2019 г. председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев предложил рассмотреть возможность перехода на четырехдневную рабочую неделю. Возникает вопрос о том, какова цель таких перемен.

Не так давно в нашей стране провели пенсионную реформу, вследствие которой принят Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» и повышен пенсионный возраст для основных категорий трудящихся: с 55 до 60 лет у женщин и с 60 до 65 лет у мужчин [1]. Реформу обосновали главным образом снижением численности работоспособных россиян и увеличением количества пенсионеров из-за длительной низкой рождаемости, связанной со слабой экономикой, неуверенностью в завтрашнем дне и навязыванием молодежи капиталистических ценностей — сначала карьера, потом семья.

При этом, согласно данным Росстата и СМИ, в последние годы снижение рождаемости в нашей стране не перекрывает даже миграция [2]. Закон № 350-ФЗ вступил в силу с 1 января 2019 г. Подразумевается, что с учетом продолжающегося падения рождаемости, наблюдаемой динамики смертности и миграции работоспособное население страны должно работать больше, чтобы пенсионеры смогли получать достойную пенсию. Но вдруг появилось предложение меньше работать. Возникает ряд вопросов о том, какие последствия ожидаются для нашей экономики, предпринимательства и трудящихся в связи с этими новшествами; не является ли такая идея политическим пиаром и, вероятно, изменения коснутся лишь незначительного количества людей труда.

История вопроса

В 1897 г. в царской России принят первый закон, который ввел шестидневную рабочую неделю и ограничил продолжительность рабочего дня 11,5 часами, но оставлял положение трудящихся, по сути, рабскими. Ввиду этого в истории России нельзя не вспомнить о Великой Октябрьской социалистической революции, когда большевики впервые в мире и в истории человечества узаконили сокращение длительности рабочего дня до нормальных пределов. Был принят Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 30 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне», но на этом заслуги большевиков не закончились. В 1929 г. рабочую неделю сократили до 42 часов — по семь рабочих часов в день. Потом рабочая неделя стала пятидневной — четыре рабочих дня и один выходной. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. внесла свои коррективы,

а рабочая неделя снова вернулась к семичасовой шестидневке лишь к 1960 г. [3].

В 1952 г. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» [4], в переписке с экономистами ставил вопрос о переходе на пяти- и шестичасовой рабочий день, чтобы граждане страны могли остальное время тратить на личную жизнь, развитие и отдых: «Было бы неправильно думать, что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно, прежде всего, сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества имели достаточно свободного времени для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, далее, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путем прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путем дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления. Таковы основные условия подготовки перехода к коммунизму. Только после выполнения всех этих предварительных условий можно будет надеяться, что труд будет превращен в глазах членов общества из обузы «в первую жизненную необходимость» (Маркс), что «труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение» (Энгельс)» [4].

Советская власть, кроме восьмичасового рабочего дня и пятидневной рабочей недели, дала право гражданам на ежегодный оплачиваемый отпуск, невозможность увольнения работника по инициативе администрации или хозяина без согласия профсоюзной и партийной организации, право на бесплатное общее, среднее профессиональное и высшее образование, право на бесплатное пользование детскими дошкольными учреждениями, бесплатное медицинское и санаторно-курортное лечение, бесплатное жилье с невысокой платой за коммунальные услуги и многое другое.

Современное регулирование рабочего времени в России

В современной России советские нормы трудового права легли в основу Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ). Глава 15 ТК РФ (статьи 91–99) регулирует общие положения о рабочем времени трудящихся, глава 16

ТК РФ (статьи 100–105) — режим рабочего времени, раздел V ТК РФ (главы 17–19, статьи 106–128) — время отдыха и отпуска. Особое место в российском законодательстве занимает институт рабочего времени. Следует отметить, что в современных условиях функция государства и роль законодательства в регулировании рабочего времени кардинально изменились. Связано это в значительной мере с тем, что в соответствии с действующим трудовым законодательством вопросы рабочего времени и его продолжительности теперь являются предметом коллективно-договорного и индивидуального-договорного регулирования.

Законодательство РФ, регулирующее рабочее время, соответствует международным правовым нормам. Согласно ст. 15 Конституции РФ в число источников трудового права включается Конвенция МОТ № 47 (1935) «О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю», ратифицированная СССР, Указом ВС СССР от 4 июня 1956 г. Статья 1 указанной Конвенции устанавливает принцип 40-часовой рабочей недели, который «должен применяться таким образом, чтобы не повлечь понижения уровня жизни трудящихся», что соответствует ст. 91 ТК РФ. Важное значение в регулировании рабочего времени имеют и другие международные акты: Рекомендация МОТ № 116 (1962) «О сокращении продолжительности рабочего времени», Конвенция МОТ № 171 (1990) «О ночном труде» и некоторые другие.

Правовой основой отечественного законодательства о рабочем времени служит ст. 37 Конституции РФ, в которой закреплено право на отдых, гарантируемое работающим по трудовому договору установленной федеральным законом продолжительностью рабочего времени. Институт рабочего времени отражает и конкретизирует главный принцип трудового права — обеспечение права на отдых и ограничение рабочего времени. В нормах этого института установлены юридические гарантии указанного основного права работника. Таким образом, введено ограничение законом (или на его основе) продолжительности рабочего времени, которая является не только всеобщей мерой труда, получаемой от каждого работника обществом, производством, но и всеобщей гарантией права на отдых и охрану от чрезмерного переутомления в процессе трудовой деятельности.

Новации в регулировании продолжительности рабочего времени в России и их обсуждение

В середине 2019 г. премьер-министр России Дмитрий Медведев на встрече с председателем

Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) Михаилом Шмаковым заявил, что сокращение трудовой недели будет зависеть в первую очередь от ситуации в экономике страны [5]. Как видим, предложение не ново. Сталин в 1952 г. предлагал в будущем сократить рабочий день с восьми до шести, а потом и до пяти часов, т. е. сначала на два часа, потом еще на час. 7 марта 1967 г. ЦК КПСС, Совет министров СССР и Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов приняли постановление «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями».

Сокращение трудовой недели, предлагаемое Д. А. Медведевым, — это, по существу, сталинский план, с нашей точки зрения, но, как справедливо подчеркнул глава Правительства РФ, подобные изменения возможны в зависимости от ситуации в экономике страны. Почти сто лет назад Генри Форд сократил рабочую неделю на восемь часов — с 48 до 40 часов, получив отличный результат в виде роста производительности труда. Однако он был предпринимателем, и его решения распространялись лишь на его предприятие, а целью являлось не создание благоприятной атмосферы для здоровья рабочих, а максимизация прибыли. Если бы прибыль в результате этих новшеств не возросла, то Генри Форд вполне мог вернуться к 48 часам в неделю.

В ФНПР считают 35-часовую рабочую неделю реальностью. И напоминают, что в целом продолжительность рабочего времени в мире постепенно снижается. В частности, практически все европейские страны, входящие в первую десятку по наименьшей продолжительности рабочего времени (от 27 до 40 часов в неделю), находятся на высоком уровне социально-экономического развития. В то же время парадокс состоит в том, что некоторые представители ФНПР отмечают, что пока предприятия в России переходят на четырехдневную или трехдневную рабочую неделю не из лучших побуждений, а в связи с финансовыми трудностями, что влечет существенное сокращение зарплаты работников. ФНПР все же поддерживает идею о сокращении рабочей недели при обязательном сохранении прежнего размера заработной платы, но не объясняют, как это возможно сделать. В организации также ссылаются на исследования, проведенные Рострудом и Службой исследований *Head Hunter*, которые показывают, что сокращение трудовой недели оказалось в пятерке самых популярных идей по оптимизации трудового законодательства.

Пятидневная рабочая неделя существует в большинстве стран Европы и Азии. Вме-

сте с тем количество рабочих часов — разное. Как правило, законами устанавливается их минимальное и максимальное число. Например, в Германии рабочая неделя в среднем длится 40–48 часов, в Финляндии — 32–40, в Китае — 40–48. Впрочем, во многих странах вопрос продолжительности рабочей недели оговаривается договорами между работодателем и трудовым коллективом [5].

В отличие от позиции ФНПР, по мнению главы Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Александра Шохина, введение в России четырехдневной недели возможно не ранее 2035 г. и только в случае значительного роста производительности труда в стране. Таким образом, предполагается, что дополнительный выходной должен быть «заработан». При этом ускорение экономического роста связано с факторами экономического роста, т. е. с ресурсами и их параметрами:

- 1) количеством и качеством трудовых ресурсов;
- 2) объемом и качеством основного капитала;
- 3) количеством и качеством природных ресурсов;
- 4) технологией.

Чтобы увеличить производственные возможности и ВВП, достаточно увеличить любое количество или качество ресурсов, но наиболее важную роль среди интенсивных факторов роста играет научно-технический прогресс (НТП), базирующийся на накоплении и расширении знаний, научных открытиях и изобретениях, которые дают новые знания; на нововведениях, которые служат формой реализации научных открытий и изобретений. К сожалению, сегодня Россия слабо использует НТП, перенимая готовый опыт развитых стран. Если на 20 % поднять производительность труда в России, то проблема четырехдневной рабочей недели, по мнению РСПП, будет решена [5].

О важности роста производительности труда в России для постепенного уменьшения рабочего времени, как разумной цели всего общества, говорил и генеральный директор Международной организации труда (МОТ) Гай Райдер в интервью ТАСС в сентябре 2019 г. [6]. Важно отметить, что год назад (в 2018 г.) в России на пять лет увеличили пенсионный возраст (до которого, по официальной статистике, не доживает 50 % мужчин), так как якобы некому работать, а тут оказывается, что в России не просто есть кому работать, а можно работать всего четыре дня, поскольку растет производительность труда и т. д. [7] По нашему мнению, в такой противоречивой ситуации сначала целесообразно изучить вопрос, убедиться, что положение работников не ухудшится и их гарантии будут сохранены в будущем, а только после этого проводить

усовершенствование трудового законодательства [8].

По мнению депутата Государственной Думы РФ Валерия Рашкина, не может человек стать здоровее, если он больше трудится. Нагрузка на организм должна быть относительно равномерной, отдыхать человек должен каждый день, а не три дня в неделю отдыхать, а четыре перегружать свой организм, что приведет к заболеваниям, смертности и простоям в производственных процессах. Ранее эксперты РАНХиГС пришли к выводу, что в ближайшее время не стоит ожидать перехода на четырехдневку по вполне очевидным причинам — российская экономика сейчас демонстрирует низкие темпы роста: за первое полугодие 2019 г. ВВП вырос лишь на 0,7 %, а ЦБ РФ понизил соответствующий прогноз до 0,8–1,3 % [9].

Доцент кафедры менеджмента Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС Юрий Стасенков считает нынешнюю идею Д. Медведева политическим лукавством, под которой понимается прежде всего сокрытие реальной безработицы, имитация деятельности, направленная на компенсацию проваленного поручения В. Путина о создании 25 миллионов дополнительных рабочих мест, которые не созданы. Можно урезать рабочую неделю, в том числе в среде предпенсионеров. Итог — отсутствие экономического роста, но и отсутствие падения. При этом можно пообещать будущий рост экономики. Власти и профсоюзы апеллируют к европейскому опыту и наличию современных технологий, позволяющих фактически заменить рабочие руки. Применимость этого опыта в России вызывает вопросы.

46 % аудитории «АиФ-Ростов», которые приняли участие в опросе, проведенном на сайте издания, сообщили, что они отрицательно относятся к идее перехода на четырехдневную рабочую неделю, если с сокращением рабочего времени уменьшится и зарплата. 44 % читателей готовы эту идею поддержать, если выплачиваемое жалование при этом останется прежним. И лишь 7 % участников голосования отметили, что в любом случае поддерживают эту идею, так как деньги — не главное, а освободившееся время можно потратить на отдых и семью.

Некоторые специалисты называют идею о четырехдневной рабочей неделе популизмом и отмечают, что для граждан в первую очередь необходимо увеличение доходов, другие предлагают (видимо, из соображений популизма) начать с чиновников, сократив им зарплаты. Часть специалистов полагают, что в пенсионной реформе ожидается второй этап — повышение пенсионного возраста до 65 (у женщин) и 70 лет (у мужчин), поскольку результаты

пенсионной реформы недостаточно хороши. Для этого в СМИ начинает распространяться информация о росте продолжительности жизни граждан.

Пенсионная реформа только началась, а Правительство РФ уже недовольно ее началом и будет искать способы снижения бюджетной нагрузки, чтобы меньше отчислять средств в Пенсионный фонд. Однако рост количества пенсионеров будет продолжаться, что делает сомнительным возможность перехода россиян на четырехдневную рабочую неделю [10]. Стоит отметить, что после отмены Дмитрием Медведевым советских нормативных актов, отменен и декрет о рабочем времени. В полуразрушенной, холодной, голодной и воюющей России большевики сделали то, что рабочие всего мира не могли добиться десятилетиями. И вот спустя сто с небольшим лет капиталисты возвращают утраченные позиции. По мнению авторов, 2018 г. и начало 2019 г. стали временем небывалого наступления на права трудящихся, при том, что российский бюджет профицитен и министры глубокомысленно рассуждают, на что потратить деньги Фонда национального благосостояния (ФНБ) России. Но отмена ряда советских нормативных актов — это еще один шаг к подавлению прав трудящихся [11] и отмене всех социальных завоеваний СССР! В то же время, по данным опроса ВЦИОМ, почти половина россиян (48 %) идею о четырехдневной неделе не поддерживают. Положительный отклик она нашла лишь у трети опрошенных. В основном — у жителей городов-миллионников. Опасения респондентов связаны прежде всего с возможным снижением зарплат, общего уровня жизни и ростом цен.

Таким образом, можно утверждать, что для сокращения рабочей недели до четырех дней необходимо выполнить ряд условий. Прежде всего сохранить Указ ВС СССР от 4 июня 1956 г., ратифицирующий Конвенцию МОТ № 47 (1935) «О сокращении рабочего времени до сорока часов в неделю», а также убедиться, что при отмене советских нормативно-правовых актов другие ратифицированные международные акты не прекратят своего действия в РФ.

Помимо этого, необходимо получить ответы на ряд вопросов о том, каким образом повлияет

сокращение рабочей недели на категории трудящихся, занятых в различных сферах (например, на тех, кто работает по сдельной схеме, в сфере торговли и обслуживания, военнослужащих, сотрудников скорой помощи и др.); как и за счет чего будет пополняться бюджет на развитие общественного сектора; как и за счет чего работодатели увеличат фонд заработной платы при сокращении рабочего времени в различных сферах; почему работодателю будет выгодно раздувать или хотя бы сохранять свой штат сотрудников, снижая свою прибыль. Кроме того, актуальны и вопросы, связанные с тем, останется ли у сотрудников прежняя заработная плата при сокращении нагрузки и количества рабочих дней; приведет ли четырехдневная рабочая неделя к ростам цен на товар и услуги; будет ли это ударом по экономике, следствием чего станет инфляция, социальная напряженность и социальный взрыв; какие в России существуют собственные инновации, позволяющие обогнать развитые страны и повысить производительность труда; каковы условия перехода на четырехдневную рабочую неделю; возможно или невозможно возвращение пенсионного возраста в России на уровень 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин.

Заключение

Очевиден тот факт, что идея о четырехдневной рабочей неделе в современной России реализуется слабо. Такой переход, скорее, будет препятствовать ускорению экономического роста. Не следует забывать и о проблеме бедности. Миллионы людей, в частности матерей-одиночек, сегодня работают на нищенских ставках и, чтобы кормить семью, содержать детей, вынуждены трудиться на двух-трех работах. Сокращение длительности рабочего времени, нормируемого, а значит, гарантируемого государством, будет означать пересмотр социального контракта. Фактически государство признает свою неспособность обеспечить эффективную занятость действующей армии труда. Государство не должно уходить от ответственности за обеспечение эффективной занятости и достаточного для ее поддержания предложения высококачественных рабочих мест с достойной оплатой труда.

Литература

1. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий*: федер. закон от 3 окт. 2018 г. № 350-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 15.07.2019).
2. *В России впервые за 10 лет смертность превысила рождаемость и миграционный прирост вместе взятые* // Новая газета. 2018. 20 дек. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/12/20/147807-v-rossii-vpervye-za-10-let-snizilas-chislennost-naseleniya> (дата обращения: 15.07.2019).
3. *Салькова А.* Полвека с двумя выходными // Газета.ru. 2017. 7 марта. URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/03/07_a_10561031.shtml?updated (дата обращения: 15.07.2019).

4. *Сталин о рабочем дне* // ВКП (б). 2015. 17 окт. URL: <http://bolshevick.org/stalin-o-rabochem-dne/> (дата обращения: 15.07.2019).
5. *Сачивко С.* 4-дневной рабочей неделей хотят скрыть российскую безработицу // Свободная Пресса. 2019. 13 авг. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/240615/> (дата обращения: 17.08.2019).
6. *Ботороева Е.* В Международной организации труда назвали условие перехода на 4-дневную рабочую неделю // Парламент. газ. 2019. 24 сент. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-mezhdunarodnoy-organizacii-truda-nazvali-uslovie-perekhoda-na-4-dnevnuyu-rabochuyu-nedelyu.html> (дата обращения: 25.09.2019).
7. *Зачем Д. А. Медведев предлагает 4-дневную рабочую неделю?* // Яндекс. Дзен. 2019. 22 авг. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5afc1338482677990692ef07/zachem-damedvedev-predlagaet-4dnevnuiu-rabochuiu-nedeliu-5d5e9e299f272100ac7d3b02> (дата обращения: 25.08.2019).
8. *Медведев назвал условия перехода на 4-дневную рабочую неделю* // Репортер. 2019. 14 сент. URL: <https://topcor.ru/11056-medvedev-nazval-uslovie-perekhoda-na-4-dnevnuyu-rabochuyu-nedelyu.html> (дата обращения: 18.09.2019).
9. *В ГД предупредили о росте заболеваемости при переходе на четырехдневку* // Городской информационный канал m24.ru. 2019. 25 сент. URL: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/25092019/91234> (дата обращения: 26.09.2019).
10. *Повышение пенсионного возраста до 70 лет оценили в Правительстве – ждать ли новый закон?* // Навигатор по законам. Обзоры законов и законопроектов. URL: <https://zakon-navigator.ru/povyshenie-pensionnogo-vozrasta-do-70-let/> (дата обращения: 24.09.2019).
11. *Памфилов В.* Медведев отменил Декрет советского правительства о 8-часовом рабочем дне, а как же декретный отпуск // 2019. 22 сент. URL: <https://apral.ru/2019/09/22/medvedev-otmenil-dekret-sovetskogo-pravitelstva-o-8-chasovom-rabochem-dne-a-kak-zhe-dekretnyj-otpusk.html> (дата обращения: 24.09.2019).

References

1. On introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the issues of assignment and payment of pensions. Federal law of October 3. 2018 No. 350-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (accessed on 15.07.2019). (In Russ.).
2. In Russia, for the first time in 10 years, mortality exceeded the birth rate and migration growth combined. Novaya gazeta. Dec. 20, 2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/news/2018/12/20/147807-v-rossii-vpervye-za-10-let-snizilas-chislennost-naseleniya> (accessed on 15.07.2019). (In Russ.).
3. Sal'kova A. Half a century with two days off. Gazeta.ru. March 07, 2017. URL: https://www.gazeta.ru/science/2017/03/07_a_10561031.shtml (accessed on 15.07.2019). (In Russ.).
4. Stalin on the working day. All-Union Communist Party (Bolsheviks). Oct. 17, 2015. URL: <http://bolshevick.org/stalin-o-rabochem-dne/> (accessed on 15.07.2019). (In Russ.).
5. Sachivko S. A 4-day work week is intended to hide Russian unemployment. Free Press. Aug. 13, 2019. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/240615/> (accessed on 17.08.2019). (In Russ.).
6. Botoroeva E.V. The International Labor Organization named the condition for the transition to a 4-day working week. Parlamentskaya gazeta. Sept. 24, 2019. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-mezhdunarodnoy-organizacii-truda-nazvali-uslovie-perekhoda-na-4-dnevnuyu-rabochuyu-nedelyu.html> (accessed on 25.09.2019). (In Russ.).
7. Why does Medvedev propose a 4-day work week? Yandex. Zen. Aug. 22, 2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5afc1338482677990692ef07/zachem-damedvedev-predlagaet-4dnevnuiu-rabochuiu-nedeliu-5d5e9e299f272100ac7d3b02> (accessed on 25.08.2019). (In Russ.).
8. Medvedev named the conditions for the transition to a 4-day working week. Reporter. Sept. 14, 2019. URL: <https://topcor.ru/11056-medvedev-nazval-uslovie-perekhoda-na-4-dnevnuyu-rabochuyu-nedelyu.html> (accessed on 18.09.2019). (In Russ.).
9. The State Duma warned of an increase in the sickness rate when switching to four-day week. Moscow24. Sept. 25, 2019. URL: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/25092019/91234> (accessed on 26.09.2019). (In Russ.).
10. Raising the retirement age to 70 years was estimated by the Government – should we expect a new law? Law Navigator. URL: <https://zakon-navigator.ru/povyshenie-pensionnogo-vozrasta-do-70-let/> (accessed on 24.09.2019). (In Russ.).
11. Pamfilov V. Medvedev canceled the decree of the Soviet government on an 8-hour day, but what about maternity leave. Sept. 22, 2019. URL: <https://apral.ru/2019/09/22/medvedev-otmenil-dekret-sovetskogo-pravitelstva-o-8-chasovom-rabochem-dne-a-kak-zhe-dekretnyj-otpusk.html> (accessed on 24.09.2019). (In Russ.).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАХОВЫХ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-67-79

УДК 338:364

Соловьев Аркадий Константинович

*начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования
Пенсионного фонда Российской Федерации, профессор Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, доктор экономических наук, заслуженный экономист России
119991, Москва, Шаболовка ул., д. 4, e-mail: sol26@100.pfr.ru*

В процессе исследования изучено влияние макроэкономических и демографических факторов, а также повышения возраста выхода на пенсию на формирование пенсионных прав застрахованных лиц в распределительном компоненте системы обязательного пенсионного страхования.

Цель. Обосновать актуарными расчетами порядок формирования страховых пенсионных прав в системе обязательного пенсионного страхования России в условиях старения населения.

Задачи. Разработать методические подходы к проведению актуарного обоснования формирования пенсионных прав в распределительном компоненте системы обязательного пенсионного страхования. Кроме того, сформулировать предложения по совершенствованию пенсионного законодательства в целях повышения эффективности формирования пенсионных прав в системе обязательного пенсионного страхования, достижения сбалансированности бюджета Пенсионным фондом России и повышения уровня пенсионного обеспечения на период до 2050 г.

Методология. В статье с помощью общих и специальных методов научного познания — анализа (экономико-статистического, финансового, системного, сравнительного) теоретического и практического материала и синтеза, экспертных оценок, актуарного моделирования и прогнозирования — в различных аспектах (правовом, историческом, временном) рассмотрен вопрос формирования застрахованными лицами пенсионных прав в контексте пенсионной системы и разработаны предложения по реализации мер, необходимых для повышения эффективности формирования пенсионных прав в долгосрочной перспективе.

Результаты. Анализ ведущих подходов и принципов формирования пенсионных прав застрахованных лиц, законодательного регулирования этого процесса во временном интервале более 30 лет, а также проведенные в ходе исследования актуарные расчеты показали необходимость формирования нового механизма расчета пенсионных прав в условиях старения населения. Очевидна потребность в выработке конструктивных мер, основанных на результатах актуарных расчетов, по совершенствованию пенсионного законодательства.

Выводы. При изучении трансформации процесса формирования пенсионных прав застрахованных лиц стал очевидным тот факт, что на данный процесс постоянное влияние оказывают макроэкономические и демографические факторы, в том числе естественное старение населения, а также принятые меры по повышению пенсионного возраста. В итоге возникла потребность в разработке комплекса мер, позволяющих в перспективе повысить эффективность пенсионных реформ в целях полноценного учета пенсионных прав застрахованных лиц в размере будущей пенсии.

Ключевые слова: система обязательного пенсионного страхования, пенсионные права застрахованных лиц, страховая пенсия, старение населения, пенсионный бюджет.

Для цитирования: Соловьев А. К. Трансформация принципов формирования страховых пенсионных прав в условиях повышения пенсионного возраста // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 67–79. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-67-79.

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

TRANSFORMATION OF THE PRINCIPLES OF FORMATION OF INSURANCE PENSION RIGHTS IN THE CONTEXT OF INCREASED RETIREMENT AGE

Arkadiy K. Solov'ev

Pension Fund of the Russian Federation

Shabolovka St. 4, Moscow, Russian Federation, 119991, e-mail: sol26@100.pfr.ru

The presented study examines the impact of macroeconomic and demographic factors and increased retirement age on the formation of the pension rights of insured persons within the distributive component of the compulsory pension insurance system.

Aim. The study aims to use actuarial calculations to substantiate the procedure for the formation of insurance pension rights within the compulsory pension insurance system in the context of population ageing.

Tasks. The authors develop methodological approaches to the actuarial substantiation of the formation of pension rights within the distributive component of the compulsory pension insurance system. They also formulate proposals for improving pension legislation to increase the efficiency of the formation of insurance rights within the compulsory pension insurance system and for the Pension Fund of the Russian Federation to achieve fiscal balance, raising the level of pension for the period up to 2050.

Methods. This study uses general and special scientific methods of cognition – analysis (economic-statistical, financial, systemic, comparative) of theoretical and practical materials and synthesis, expert assessment, actuarial modeling and forecasting – to examine the formation of pension rights by insured persons within the context of the pension system in various aspects (legal, historical, temporal) and to develop proposals for implementing measures aimed at improving the efficiency of the formation of pension rights in the long term.

Results. Analysis of the leading approaches and principles in the formation of the pension rights of insured persons and legislative regulation of this process within a time interval of more than 30 years as well as the conducted actuarial calculations show that it is necessary to create a new mechanism for calculating pension rights in the context of population ageing. There is an obvious need to develop constructive measures based on the results of actuarial calculations to improve pension legislation.

Conclusions. Examination of the way the formation of pension rights of insured persons transformed over time makes it obvious that this process is continuously affected by macroeconomic and demographic factors, including natural population ageing, and the measures taken to increase the retirement age. The resulting situation calls for the development of a set of measures aimed at improving the efficiency of pension reforms in the future to fully make allowance for the pension rights of insured persons in the amount of the future pension.

Keywords: *compulsory pension insurance system, pension rights of insured persons, insurance pension, population ageing, pension budget.*

For citation: Solov'ev A. K. Transformation of the Principles of Formation of Insurance Pension Rights in the Context of Increased Retirement Age. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):67–79. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-67-79.

Acknowledgments: This article is based on the results of studies funded through budgetary resources under the government order of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Введение

Страховая пенсионная система базируется на принципе эквивалентности пенсионных прав и государственных обязательств, реализация которого, наряду с другими принципами, обеспечит, как показывает зарубежная практика, достижение целей государственной Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы России.

Актуарный анализ основных проблем отечественной пенсионной системы в условиях демографического старения населения (роста бедности пенсионеров и дефицита пенсион-

ного бюджета) при проведении исследования показал, что они обусловлены внешними факторами, а не параметрами системы: как макроэкономика и демография влияют на пенсионную систему, так и пенсионная система воздействует на состояние и развитие экономики страны. Бедность пенсионеров оказывает многостороннее влияние на различные сектора макроэкономики: с одной стороны, низкие размеры пенсий вынуждают пенсионеров продолжать работать и в той или иной степени увеличивать свои пенсионные права, с другой — оставаясь на рабочем месте, они ограничивают доступ на рынок

труда младшего поколения трудоспособных граждан.

Данная тенденция имеет еще одно негативное последствие для пенсионной системы: молодежная безработица в условиях прогнозируемого сокращения рабочих мест в перспективе необратимо приведет к недостатку их пенсионных прав при наступлении пенсионного возраста, что создает условия для неуклонного роста хронической бедности пенсионеров.

На внебюджетный сектор макроэкономики значительное влияние пенсионная система оказывает посредством накопительного механизма формирования пенсионных прав. Так, «замораживание пенсионных накоплений» сыграло определяющую роль в сокращении бюджетных трансфертов на финансирование государственных пенсионных обязательств в течение не только планового периода, но и в долгосрочной перспективе, а также позволило остановить резкое падение размеров страховых пенсий в перспективе. Учитывая это взаимовлияние, необходимо контролировать социально-экономическую эффективность каждого мероприятия, ориентированного на решение тех или иных социально-экономических задач, влекущего изменение параметров пенсионной системы.

Развитие национальных пенсионных систем в экономически развитых странах стало важной вехой в истории развития цивилизации в целом и в повышении качества жизни работающих людей после прекращения ими трудовой деятельности в частности. Государственные обязательные пенсионные системы призваны поддерживать определенный (нормативно установленный) уровень материального обеспечения и стандарты жизни каждого гражданина после наступления пенсионного возраста.

В нашей статье предметом рассмотрения стали пенсионные системы распределительного типа, поскольку они являются самыми распространенными и сочетают в себе как страховые элементы в механизмах формирования пенсионных прав, так и нестраховые. Элементы солидарного распределения заложены в формулу исчисления размеров выплат, обеспечивая тем самым социальную справедливость и гарантируя минимальный уровень пенсионного обеспечения. Экономические механизмы форми-

рования пенсионных прав и государственных пенсионных обязательств представляют сегодня особый интерес. Он связан с тем, что система обязательного пенсионного страхования, являясь страховой, должна соответствовать принципам адекватности и эквивалентности прав и обязательств, обеспечивая минимальные нормы пенсионного обеспечения в соответствии с российскими стандартами, а также Конвенцией № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», ратифицированной Россией [1] в 2018 г.¹

Нормативно-правовые основания формирования национальных пенсионных систем отражают необходимость установления минимальных гарантий уровня пенсионного обеспечения для участников пенсионной системы, гарантии сохранения уровня жизни и материального обеспечения (дохода) после прекращения трудовой деятельности в виде отложенной части заработка. Таким образом, двойственная правовая природа отечественной пенсионной системы определяет двойственную экономическую функцию пенсий, которая находит свое отражение в организационной структуре пенсионной системы и трансформируется в непосредственной зависимости от изменений факторов и условий, определяющих ее средне- и долгосрочное развитие.

Данные изменения, как правило, отражаются в параметрических характеристиках пенсионного обеспечения, но нередко охватывают и институциональные принципы, т. е. институциональную структуру, «пенсионную формулу», иные параметры. Двойственность пенсии заключается в том, что, с одной стороны, она является гарантом минимального уровня пенсионного обеспечения, предотвращая тем самым риск бедности, с другой — она должна быть адекватна заработку (части заработка) при наступлении страховых случаев. Формирование национальных пенсионных систем направлено на достижение целей, которые обозначены в базовых конвенциях и рекомендациях Международной организации труда. В соответствии с ними пенсионные системы должны строиться так, чтобы обеспечить экономическую эффективность (приемлемость для макроэкономики) и социальную эффективность (индивидуальную справедливость).

¹ Конвенция является основополагающим документом международного права в сфере социального обеспечения, определяющим содержание Европейского и Иberoамериканского кодексов социального обеспечения, а также соответствующих статей Европейской социальной хартии и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, участницей которых является Российская Федерация. Конвенция зафиксировала главные принципы организации и управления социальным обеспечением в условиях рыночной экономики: гарантированность пенсий и пособий; размер выплат, предотвращающий бедность; социальную солидарность и коллективное финансирование; финансовую устойчивость системы на основе актуарных расчетов; демократическое управление с участием социальных партнеров; право обжалования решений администрации; общую ответственность государства за функционирование системы. Ратификация Конвенции позволит закрепить эти принципы в правовой базе социального обеспечения России и содействовать его развитию по пути наиболее эффективного сочетания социальных и рыночных механизмов, выработанного международным опытом.

Под экономической приемлемостью понимается оптимальное распределение налоговой нагрузки между участниками пенсионной системы. Индивидуальная справедливость прослеживается во взаимосвязи вклада застрахованного лица в финансирование пенсионной системы и формирования его права на получение пенсии. Социальная эффективность заключается в способности пенсионной системы обеспечить не только минимальные гарантии застрахованным лицам, но и адекватный уровень жизни за счет внутрипоколенного перераспределения.

Всемирный банк в своем отчете «Выплаты по старости: международный взгляд на пенсионные системы и реформы» обозначает в качестве главной цели пенсионных реформ создание адекватной, приемлемой, жизнеспособной и робастной пенсионной системы, построенной с учетом национальной специфики конкретной страны [2]. Робастная система — это система, способная противостоять шокным воздействиям, в том числе последствиям экономической, демографической и политической волатильности.

Пенсионная система — часть экономической системы государства, поэтому она не может не испытывать на себе воздействие внешней конъюнктуры. Вместе с тем пенсионная система оказывает огромное влияние на рынок труда. Любая система, цель которой — защита от бедности, а значит, предусматривающая перераспределение средств между участниками, будет в результате иметь негативные побочные эффекты. Минимизация негативных эффектов, то есть сглаживание перераспределения, способствует минимизации борьбы с бедностью. Таким образом, при формировании либо реформировании пенсионной системы следует всегда исходить из целевого уровня борьбы с бедностью.

Влияние пенсионной системы на рынок труда зависит от дизайна пенсионной системы, а не от ее элементов. Иными словами, имеет значение выбор пенсионного плана. В мировой практике пенсионного обеспечения существует три основных типа пенсионных планов: с установленными пособиями; с установленными взносами; гибридные, сочетающие в себе черты первых двух. Рассмотрим эти планы более подробно.

Планы с установленными выплатами не имеют четкой зависимости установленных размеров выплат от размера уплачиваемых страховых взносов. Пенсионный план может быть фондируемым или накопительным, нефондируемым или распределительным / частично фондируемым. Под частично фондируемой понимается распределительная система, предусматривающая создание фондов. Пенсионный

план с установленными пособиями определяет критерии назначения пенсии, порядок расчета первоначального размера пенсии, порядок индексации на протяжении периода выплаты пособия.

К критериям установления пенсии относится в первую очередь возраст выхода на пенсию. Пенсионный возраст варьируется в зависимости от:

- пола участника пенсионной системы (например, в ряде стран у мужчин и женщин пенсионный возраст разный, хотя в последнее время наблюдается тенденция к его выравниванию);
- профессии (представители некоторых профессий имеют право на досрочное установление пенсии: военные, артисты и др.);
- условий труда (в России люди, занятые на рабочих местах в тяжелых условиях труда или в тяжелых климатических условиях, могут претендовать на более ранний выход на пенсию).

Первоначальный размер пенсии задается условиями и требованиями к параметрам функционирования пенсионной системы. Вариантов определения начального уровня выплат множество: от установления одинакового для всех размера пенсии до разделения всех получателей пенсии на категории, в рамках которых у них один и тот же размер пенсии. Типичным примером пенсионного плана с установленными пособиями является первая ступень пенсионного обеспечения в России — фиксированная выплата к страховой пенсии. Она в зависимости от категории, к которой относится пенсионер, задает определенный уровень выплат:

- большинство пенсионеров получают 5 334 руб. 19 коп. (по состоянию на 1 января 2019 г.);
- пенсионеры, достигшие 80-летнего возраста и инвалиды 1 группы, не имеющие иждивенцев, 10 668 руб. 38 коп.;
- при наличии иждивенцев размер фиксированной выплаты увеличивается на 1 778 руб. 06 коп. за каждого иждивенца;
- ранжирование пенсионеров также производится на ряд групп, работавших или проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним районах.

Размер пенсии может быть поставлен в зависимость от стажа, то есть когда каждый год стажа конвертируется в денежный эквивалент. Существует множество вариантов расчета начального уровня пенсии исходя из заработка: например, от последней зарплаты, то есть от среднего размера заработной платы за последние несколько лет. В СССР и в России до реформы 2002 г. пенсия рассчитывалась исходя из заработка за последние два года, при этом требования к минимальному стажу работы для

входа в пенсионную систему устанавливались на уровне 25 лет для мужчин и 20 для женщин. Максимальный размер выплат также имел ограничения. Такие ограничения, как правило, должны быть эквивалентны ограничению максимального размера зарплаты, исходя из которой устанавливается пенсия. Размер пенсии может быть напрямую поставлен в зависимость от стажа. Пример такого плана можно найти в корпоративных фондируемых системах. Размер пенсии устанавливается на уровне 1,5 % от средней заработной платы за каждый год стажа. Таким образом, при стаже 40 лет работнику будет назначен размер пенсии на уровне 60 % от его заработка.

На протяжении долгого времени планы с установленными пособиями, исходя из последней заработной платы, были весьма популярны, как в корпоративных пенсионных системах, так и в государственных. Тем не менее с конца XX столетия все большую популярность стал приобретать расчет пенсии, основанный на среднем значении заработной платы за длительный период трудовой деятельности, или даже за весь трудовой период. Учитывая влияние макроэкономических факторов (инфляции, реального роста средней заработной платы), расчет пенсии, базирующийся на длительном периоде трудовой активности, оказывается под воздействием большего влияния последней заработной платы, нежели первой. Если годовой рост средней заработной платы (далее — СЗП) равен 6 %, инфляция — 4 %, а реальный рост — 2 %, то за 40 лет зарплата вырастет в 10 раз. Чтобы выровнять вклад трудящихся граждан разных лет, необходимо производить индексацию по инфляции или исходя из роста средней заработной платы.

На этапе выплаты пенсии индексация может производиться по инфляции, росту СЗП или определенному промежуточному значению между этими двумя показателями. Индексация по росту СЗП — самая дорогая с точки зрения стоимости системы, но она позволяет не только обеспечить покупательную способность пенсии, но и сохранить индивидуальный коэффициент замещения на том же уровне, что и в момент назначения пенсии. Формально индексация по инфляции призвана поддержать покупательную способность пенсии, однако, со временем, при индексации по инфляции ниже темпов роста СЗП, будет происходить постепенное снижение индивидуального коэффициента замещения.

Соответствующая система финансируется государством или работодателем. Если система государственная, то она может финансироваться из общих налоговых поступлений, при этом взносы работников могут и не предусматриваться. Если система корпоративная, то,

как правило, финансируется за счет взносов работодателя. Если взносы работников предусмотрены пенсионным планом, то они обычно устанавливаются в процентах от заработной платы.

Планы с установленными взносами определяют только размер взносов, а размер пенсии определяется исходя из объема уплаченных взносов, инвестиционной доходности, ожидаемой продолжительности жизни.

При выходе на пенсию застрахованное лицо получает право на пожизненный аннуитет, доходность работодателем не гарантируется. Взносы могут уплачивать как работники, так и работодатель. В рамках корпоративного пенсионного плана взносы работодателя зачастую бывают основными, если не единственными. Работники вправе дополнительно уплачивать взносы, которые могут софинансироваться работодателем, чтобы обеспечить более высокую пенсию при небольших затратах работодателя. Кроме того, участие работника в формировании собственной пенсии повышает ценность пенсионного продукта для него. Государственный пенсионный план также может предусматривать софинансирование. В России действует программа государственного софинансирования, предлагающая паритетное участие застрахованного лица и государства в формировании средств пенсионных накоплений за счет уплаты дополнительных страховых взносов.

Описанные планы могут предоставлять работнику право выбора инвестиционного портфеля, а также право выбора варианта получения пенсии: например, получить часть накоплений в виде единовременной выплаты, индивидуальную пенсию получать в виде пожизненного аннуитета.

Обобщая изложенные выше планы, отразим их особенности, преимущества и недостатки. С точки зрения плательщика страховых взносов или спонсора пенсионного плана (работодателя или государства), план с установленными взносами является более контролируемым по затратам, поскольку размер взносов работодателя известен. Риски инвестиционной доходности несут работники. Однако с низкой доходностью корпоративного пенсионного плана достаточно сложно будет удерживать существующих работников и привлекать новых. Если речь идет о государственном плане с установленными взносами, то риски инвестирования лежат на плечах государства. Низкие результаты инвестирования могут повлечь за собой предоставление пенсионерам дополнительных субсидий.

Пенсионный план с установленными выплатами, если он фондируемый, позволяет допустить гибкость в уплате пенсионных взносов,

помогает в кадровых вопросах, но инвестиционные риски во многом определяют политику компании. Для работника такой пенсионный план с установленными выплатами имеет главное преимущество, благодаря предсказуемости размера пенсии, который наилучшим образом характеризует будущий уровень жизни пенсионера.

Главный недостаток корпоративного плана с установленными пособиями — плохая приспособляемость к мобильности рабочей силы: при переходе на другую работу работник может лишиться своих накоплений либо его выплаты будут ограничены. Для работодателя привязка работника к предприятию считается достоинством системы, но для экономики в целом снижение мобильности рабочей силы является тормозом. Кроме того, если план основан на последней зарплате, это существенно ослабляет стимулы к трудовой деятельности в начале карьеры и, наоборот, избыточно стимулирует сверхурочную работу в конце карьеры.

Итак, преимущество планов с установленными взносами — простота переноса накоплений в другую компанию и контроль над инвестициями. Минусом является неизвестность размера будущей пенсии. Такие планы могут быть высокоэффективны в странах со стабильно высокой доходностью инвестиций. До недавнего времени эти пенсионные планы (с установленными взносами) являлись исключительно фондируемыми. Распределительные планы с установленными взносами появились в конце XX столетия как альтернатива государственным схемам с установленными выплатами. В отличие от фондируемых планов, взносы накапливаются на условно-накопительных счетах, денежная масса страховых взносов не инвестируется, а идет на выплаты текущих пенсий. Соответствующие планы называют условно накопительными. Условный накапливаемый капитал растет за счет взносов и индексации.

Гибридный пенсионный план. Кроме описанных выше планов с четкими принципами построения и подходами в современном пенсионном законодательстве разных стран существует множество примеров гибридных пенсионных планов, которые появились с целью повышения привлекательности для застрахованных лиц, а также с целью повышения их устойчивости и диверсификации рисков. Приведем несколько примеров:

- фондируемый или нефондируемый (нефинансовый) пенсионный план с установлен-

ными взносами, дополненный гарантией минимального размера пенсии¹;

- пенсионный план с установленными выплатами и с установленными пособиями, где размер пенсии равен сумме выплат по каждому из этих планов. Можно вспомнить расчет размера пенсии в России, который состоит из размера страховой пенсии (план с установленными взносами) и размера фиксированной выплаты к страховой пенсии (план с установленными выплатами).

Таким образом, в рамках государственных пенсионных систем обычно функционируют сложные гибридные пенсионные планы. До 2015 г. российская пенсионная система представляла собой гибридный план, состоящий из следующих элементов:

- 1) плана с установленными пособиями — фиксированный базовый размер;
- 2) условно-накопительного плана с установленными взносами — страховая часть трудовой пенсии (условный капитал, РПК);
- 3) фондируемого плана с установленными взносами — накопительная часть трудовой пенсии.

С 2015 г. второй элемент плана заменен на балльный нефондируемый (распределительный) план с установленными взносами. Планы с установленными взносами финансируются за счет поступления страховых взносов в систему. Условно-накопительные планы функционируют с учетом распределительного принципа финансирования. Фондируемые (финансовые) планы с установленными взносами финансируются за счет созданных накопительных фондов. Распределительная пенсионная система является альтернативой индивидуально-накопительной пенсионной системе в соответствии с институционально различными методами финансирования.

Первый — распределительный метод финансирования (англ. *pay-as-you-go*) пенсионных систем — основан на использовании для выплаты пенсий всех текущих страховых взносов, которые поступили в том же периоде. Распределительные системы функционируют по принципу солидарного обмена учтенных пенсионных прав (независимо от «пенсионной формулы»²) ресурсами между поколениями работающих и пенсионеров. Такие системы вполне могут быть устойчивыми и надежными, если демографические условия остаются стабильными или, по крайней мере, предсказуемыми. Платежеспособность и сохранность средств в этой системе достигается за счет короткого периода прохождения денежных

¹ В российской пенсионной системе предусмотрены гарантии сохранности средств пенсионных накоплений: при выходе на пенсию накопления по обязательному пенсионному страхованию (ОПС) не должны быть менее номинала уплаченных взносов.

² Условно-накопительной, балльной, нормативно-стажевой и др.

средств по всему циклу, от плательщика страховых взносов до получателей пенсий.

Второй — фондируемый (накопительный) метод финансирования — базируется на создании долгосрочных накопительных резервов. Долгосрочный период нахождения средств у страховщика объясняет необходимость инвестирования их в различного рода финансовые инструменты.

Оба подхода, несмотря на различные принципы функционирования, перераспределяют производственный продукт между экономически активным и неактивным населением. Выбор государственной пенсионной программы, как и метода финансирования пенсионной системы, в первую очередь определяется внешними по отношению к пенсионной системе факторами — демографическими тенденциями в стране и макроэкономическими условиями.

Финансовым источником системы государственного пенсионного обеспечения являются средства государственного бюджетного финансирования (как общеналоговые поступления, так и целевые сборы). В страховой и комбинированной пенсионных системах (с гибридными пенсионными планами) источником средств служат страховые взносы. Для обеспечения выполнения функций государственной пенсионной системы предусмотрено солидарное перераспределение финансовых ресурсов между различными возрастными, отраслевыми/профессиональными, региональными, доходными группами застрахованных лиц.

Принципиально важную роль, как следует из приведенных характеристик пенсионных программ, «пенсионная формула» играет в страховой и комбинированной программах, поскольку для них необходимым условием является долгосрочное регулирование финансовой устойчивости страховых компонентов за счет собственных средств (взносов застрахованных лиц) наряду с обеспечением адекватности прав и выплат, а также прогнозирование потребности в бюджетных трансфертах для выполнения нестраховых государственных обязательств. Традиционно в планах с установленными выплатами размер материального пособия пенсионерам определен заранее и не зависит от взносов. Установление зависимости размера пенсии от размера заработка привело к ограничению роста государственных пенсионных обязательств, обусловленных увеличением численности населения старше трудоспособного возраста и стабилизации бюджетов пенсионных систем, что, однако, сопровождалось расширением неравенства по уровню доходов пенсионеров.

В условиях отечественной пенсионной системы экономическая эффективность снижается за счет ослабления стимулов к легальной трудовой деятельности по причине сужения рынка труда и снижения стоимости рабочей силы. Усиление неравенства обусловлено тем, что связь последней зарплаты с размером пенсии слабо отражает вклад застрахованного лица на протяжении всего периода трудовой активности. Высокообразованные и высокооплачиваемые работники сформируют гораздо больший размер пенсии по сравнению с низкодоходными категориями, несмотря на то, что общий вклад за весь период трудовой деятельности может быть примерно одинаковым. Следовательно, наблюдаются искусственно завышенные права у одних категорий и секвестирование прав у других. В итоге бедные слои субсидируют богатых, что абсолютно противоречит целям пенсионной системы. В системах со слабой зависимостью уровня выплат от взносов искажение рынка труда наиболее существенно. В этих системах взносы воспринимаются населением как налог, и зачастую ради уменьшения налогового бремени работники отдают предпочтение неформальному и менее производительному сектору.

Для понимания механизма формирования пенсионных прав граждан в солидарно-распределительных системах проанализируем исторический контекст изучаемого вопроса о том, кем и для чего такие системы создавались. Современные государственные пенсионные системы распределительного типа формировались в условиях демографически молодого общества. В развитых странах система социальной защиты развивалась по двум направлениям: полный охват работающего населения государственными пенсиями; внедрение и последующее развитие корпоративных систем пенсионного обеспечения.

Впервые обязательная государственная пенсионная система создана в Германии в 1889 г., где она основана на принципах социального страхования и предоставляла гарантии сохранения дохода. Созданная Канцлером Отто фон Бисмарком¹ пенсионная система была призвана повысить благосостояние работников и обеспечить максимальную эффективность немецкой экономики. Изначально целью создания пенсионных систем являлось обеспечение прожиточного минимума пенсионера. В то время считалось, что бедность и старость неразрывно связаны друг с другом. Ориентация размеров выплат на минимальный уровень позволяла экономить на стоимости рабочей силы, так как размеры страховых взносов были достаточно низкими.

¹ Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк (1815–1898) — канцлер Германии, разработавший законы о социальном страховании (1882–1898) в Германии, положившие начало широкому применению базового института социальной защиты работающих и членов их семей большинством стран мирового сообщества.

Пенсионная модель Бисмарка должна была создать объективные экономические условия для преодоления бедности пенсионеров, основываясь на принципе эквивалентности пенсионных прав и обязательств. В основе модели Бисмарка — ряд условий:

- 1) максимальный учет трудового вклада работника в страховую пенсионную систему, позволяющий обеспечить ему при наступлении страхового случая достигнутый уровень и качество жизни, сохраняя его социальный статус;
- 2) учет интересов всех субъектов правоотношений по социальному страхованию, который выражается в распределении ответственности и страховой нагрузки между работником и работодателем в равной степени (размер пенсии зависит от размера заработной платы, объема уплаченных взносов в страховую систему и продолжительности трудового стажа);
- 3) диверсификация социальных рисков, которая заключается в организации страховых программ по видам социальных рисков (созданные товарищества взаимного страхования с помощью своих полномочных представителей из числа работников и работодателей определяют политику финансирования, устанавливают тарифы, организуют процесс управления деятельностью страховщиков, т. е. непосредственно участвуют в деятельности страховой организации);
- 4) сочетание универсального и дифференцированного подходов при определении тарифов и распределении финансовой нагрузки. Универсальный подход заключается в установлении единого тарифа страховых платежей (одинаковой доли отчислений на социальное страхование) для всех категорий занятых с целью реализации социальной поддержки наиболее нуждающихся граждан. Дифференцированный подход связан с тарифом для работодателей и зависит от отраслевой принадлежности, условий труда, профессиональных рисков, что позволяет компенсировать затраты, связанные с последствиями страховых рисков.

Модель Бисмарка основана на профессионально-трудовых принципах солидарности поколений, что дает возможность поддерживать адекватность размеров выплат, оказывать качественную медицинскую и реабилитационную помощь, формировать высокий уровень доверия к социальным институтам у граждан и обеспечивать финансовую прозрачность движения

денежных средств. Кроме того, автономность финансов этого института достигается за счет следующего принципа: величина накопленных средств в определенный момент времени соответствует взятым обязательствам, четко установленная связь уровня выплат и уровня взносов в систему, обоснованная актуарными расчетами, дает возможность прогнозировать дефицит и создавать необходимые резервы для его покрытия, а также предусматривать перестрахование рисков.

С момента введения данной системы социального страхования начался новый этап развития систем социального обеспечения во всем мире. Германия стала примером для многих стран по уровню социальной защищенности граждан и устойчивости пенсионной системы. Пенсионные системы, которые впоследствии переняли основные принципы модели Бисмарка (всеобщность участия, финансирование за счет страховых платежей, зависимость размера пенсии от заработной платы), стали называть бисмарковскими. Германская пенсионная система Бисмарка стала образцом для построения ряда пенсионных систем мира, послужила основой социальной и политической стабильности Германии на протяжении долгих лет.

Вслед за Германией многие страны стали переходить на распределительно-страховые пенсионные системы, финансируемые за счет взносов. В начале XX в. за ней последовали Дания, Австралия, Франция, Исландия, Ирландия, Новая Зеландия, Великобритания. К началу Второй мировой войны частично распределительные системы появились в Австрии, Бельгии, Болгарии, Чехословакии и США. Широкое распространение пенсионная модель Бисмарка получила на фоне тяжелых для фондируемых систем экономических последствий двух мировых войн. Для функционирования распределительных систем, наоборот, этот период был самым благоприятным временем. Высокий уровень рождаемости, высокий реальный рост средней заработной платы — все это обеспечивало приток огромных денежных средств в систему, но продолжительность жизни оставалась крайне низкой, хотя наметился ее стабильный рост.

Несмотря на это, поскольку показателем эффективности пенсионного обеспечения был принят коэффициент замещения¹, равный отношению размера пенсии к уровню заработной платы, система легко обеспечивала высокий уровень этого показателя, так как пенсионеров

¹ Конвенция 1952 г. о минимальных нормах социального обеспечения (№ 102) является флагманом всех Конвенций МОТ по социальному обеспечению, который установил минимальные нормы для всех девяти разделов социального обеспечения, а именно: медицинского обслуживания; выплат по болезни; пособия по безработице; пособия по старости; пособия в случаях производственного травматизма; семейного пособия; пособие по беременности; пособия по инвалидности; пособия по случаю потери кормильца.

было мало, а работников — много. Иными словами стоимость государственной пенсионной системы была мизерной и могла позволить себе пойти на такие популистские меры, как снижение общеустановленного пенсионного возраста.

В 1942 г. увидела свет новая работа — доктрина социальной солидарности Бевериджа, в основе которой, помимо известных преимуществ социального страхования, находится идея обеспечения минимальных гарантий государства по уровню социальной защиты населения [3]. Идея государственного регулирования минимального уровня социального обеспечения тесно связана с регулированием безработицы и экономической деятельности, то есть доктрина обосновывает неразрывную связь параметров пенсионной системы и рынка труда. С ростом роли государства в социальном страховании, в связи с увеличением охвата системой, соответственно, повышается и перераспределение, что не могло отразиться на скудных размерах выплат и привести к уравниванию пособий.

Основными характеристиками модели Бевериджа являются:

1. Трехуровневый тип социальной защиты, который предполагает распределение ответственности основных субъектов социального страхования: государство должно обеспечивать минимальный уровень социального обеспечения для всего населения, работодатель обеспечивает профессиональное страхование работников, а работник — дополнительное личное страхование, хотя также принимает участие и в профессиональном, как показано на таблице 1.
2. Базовый уровень социальной защиты, финансируемой государством, ориентирован на прожиточный минимум, профессиональный уровень — на компенсацию заработка, а личный уровень этой схемы — на личные возможности и реализацию собственной социальной защиты.
3. Государство обеспечивает три базовых условия жизнедеятельности граждан: государственное здравоохранение, предоставление равных возможностей для воспитания детей семьям с разным уровнем доходов, предотвращение массовой безработицы.

В 1944 г. модель Бевериджа внедрена в Великобритании.

Модели социального страхования отличаются как институциональным устройством, так и параметрическими характеристиками, в числе которых:

- принципы организации, структура, финансовый механизм;
- круг охвата, размеры выплат по отношению к зарплате, индексация;

- уровень перераспределения между различными категориями по уровню доходов;
- роль государства, субъектов правоотношений по социальному страхованию, способы управления системой.

Основу социальной защиты населения в странах Европейского союза (ЕС) и в российской системе составляют два базовых института: обязательное социальное страхование и государственное социальное обеспечение. Данные институты формируют более 30 % ВВП (в России выше 10 %). В Российской Федерации произошла институциональная трансформация советской системы в форме государственного обеспечения в страховую комбинированную систему распределительного типа с накопительным элементом.

В таблице 1 приведен сравнительный анализ рассмотренных выше принципов реализации пенсионных моделей. Сопоставление институциональных характеристик показывает, насколько принципиально разные модели представлены для сравнения. Тем не менее все эти модели оказываются нежизнеспособными в условиях старения населения, поскольку они создавались при благоприятных демографических условиях, их развитие пришлось на период высоких темпов роста экономик западных стран.

Современные условия таковы, что регулярные экономические кризисы на фоне стареющего населения планеты неизбежно оказывают влияние на пенсионные системы, поскольку полностью меняют половозрастную структуру населения, следовательно, и структуру рынка труда. Рост продолжительности жизни населения влечет за собой рост объема пенсионных прав, а значит, и объемов пенсионных выплат. Вместе с тем экономические кризисы не позволяют обеспечивать рост зарплат и, соответственно, поступлений доходов в систему. Все эти факторы, несмотря на изменение некоторых параметров пенсионных систем для адаптации к новым условиям, имеют сокрушительную силу и долговременные последствия. Изменяя отдельные внутренние параметры пенсионных систем, практически невозможно противостоять внешним условиям, поскольку масштаб их влияния несоизмерим.

Эксперты ООН заговорили о предстоящем демографическом кризисе, связанном с глобальным процессом старения населения, более полувека назад. В 1959 г. эксперты ООН по демографии приняли границу в 65 лет для измерения процессов демографической старости. Этот возраст принят в качестве нижней границы старости, поскольку в большинстве западных стран и в ряде других развитых стран в этом возрасте большая часть населения выходила на пенсию. В большинстве развивающихся стран, как и в России, для

Принципы реализации пенсионных моделей

Институциональные характеристики	Модель Бисмарка	Модель Бевериджа	Российская модель (до 2002 г.)	Российская модель (с 2002 г.)
Принципы организации системы	Коллективная (профессиональная) солидарность и самоуправляемые общества взаимного страхования	Солидарность в рамках государства	Государственный патернализм	Солидарность в рамках государства
Экономический механизм реализации пенсионных прав	Адекватность размеров пенсий, пособий размерам зарплаты и объемам страхового вклада работника	Гарантия минимального пенсионного обеспечения: размер базовых пенсий, пособий зависит от прожиточного минимума	Минимальный размер пенсии эквивалентен прожиточному минимуму пенсионера, размер пенсии рассчитывается на основании зарплаты за последние два года	Минимальный размер пенсии эквивалентен прожиточному минимуму пенсионера; размер пенсии определяется исходя из суммы начисленных страховых взносов за весь трудовой период, конвертированной в величину ИПК и стоимости 1 балла
Основные характеристики макроэкономических условий	Высокая доля заработной платы в ВВП (45 %); низкая дифференциация заработной платы 1:4	Высокая доля заработной платы в ВВП (55 %); высокая дифференциация заработной платы 1:10	Средняя доля заработной платы в ВВП (35 %); низкая дифференциация заработной платы 1:4	Низкая доля заработной платы в ВВП (28 %); высокая дифференциация заработной платы 1:15
Уровень перераспределения средств по группам работающих с различными доходами: 1) низкими; 2) средними; 3) высокими	1) среднее; 2) минимальное; 3) среднее	1) низкое; 2) низкое; 3) низкое	1) среднее; 2) низкое; 3) среднее	1) высокое; 2) минимальное; 3) высокое

Таблица 2

Уровни демографической старости по шкале Божё — Гарнье — Россета

<8	Демографическая молодость
8–10	Первое преддверие старости
10–12	Собственно преддверие старости
12 и выше	Демографическая старость
12–14	Начальный уровень демографической старости
14–16	Средний уровень демографической старости
16–18	Высокий уровень демографической старости
18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости

основной массы населения, такой границей стал возраст 60 лет.

Под старением населения подразумеваются прежде всего демографические условия, характеризующиеся увеличением доли пожилых в численности населения и сопряженные с этим процессом последствия. Демографическое старение существенно влияет на уровень жизни населения и его потребности в различных видах медицинских услуг, оно полностью изменяет половозрастную структуру населения, воздействуя на экономическую ситуацию на рынке труда, его структуру, занятость и уровень пенсионного обеспечения. Шкала демографического старения Божё — Гарнье — Россета, которая применяется при

оценке процесса демографического старения (если в качестве критерия используется доля лиц от 60 лет и старше), имеет этапы и уровни демографической старости, как видно из таблицы 2.

Если оценивать западные и некоторые другие развитые страны по этой шкале, то становится очевидно, что в тот момент, когда появилась возможность оценить ситуацию и сделать прогноз, практически все страны в середине XX в. были либо «старые», либо на пороге демографической старости, о чем свидетельствуют данные на рисунке 1. Поэтому меры по недопущению этой ситуации предпринять было уже сложно, оставалось лишь сглаживать последствия такого процесса. Развитые

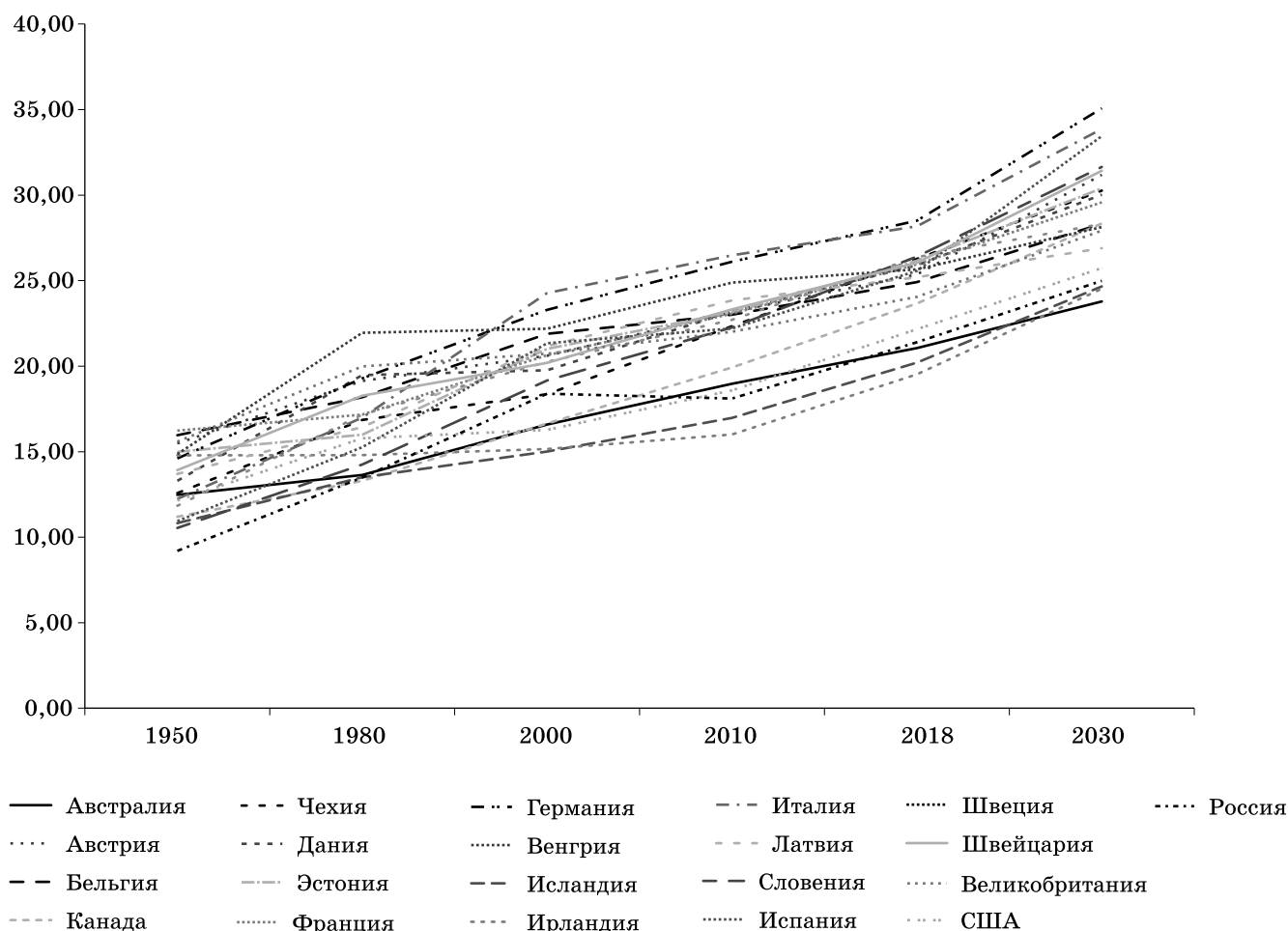

Рис. 1. Удельный вес населения (60 лет и старше) в общей численности граждан, %

Источник: <https://stats.oecd.org>.

страны гораздо раньше России столкнулись с негативными последствиями старения населения и реформировали свои пенсионные системы в целях предотвращения риска невыполнения государственных обязательств перед пенсионерами. Опыт реформирования пенсионных систем развитых стран в контексте увеличения продолжительности жизни является уникальным, поскольку позволяет моделировать риски, возникающие при повышении пенсионного возраста.

В государствах процесс старения происходит неравномерно. В середине XX в. большинство развитых стран находились далеко за пределами верхней границы шкалы ООН. Среди них — Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Дания, Эстония, Франция, Германия, Венгрия, Исландия, Ирландия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Великобритания, США. Показатели удельного веса населения (60 лет и старше) в общей численности граждан ряда стран находят отражение на рисунке 1.

Эксперты ООН по демографии предложили другую шкалу оценки демографической старости, где в качестве нижней границы возраста,

характеризующего старость, принят возраст 65 лет. Шкала определяет уровни, отражающие демографическую структуру населения: молодое население — доля лиц 65 лет и старше в общей структуре населения менее 4 %; зрелое население — доля лиц 65 лет и старше в общей структуре населения от 4 до 7 %; старое население — рассмотренная доля (свыше 7 %). Соответствующие данные приведены на рисунке 2.

Заключение

Старение населения сегодня признано глобальным вызовом системам социального обеспечения в мире. Неслучайно описанию этого процесса посвящено множество научных докладов и аналитических отчетов — от Всемирного банка до Международной организации труда (МОТ), Международной ассоциации социального обеспечения (МАСО), исследовательских центров. В целом можно констатировать, что зарубежными экспертами еще с середины XX в. признается неотвратимость этого процесса в мире и предлагается комплекс мер по реформированию пенсионных систем для нивелирования последствий старения населения.

**Уровень демографической старости в странах-участниках Организации
экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и России**

Рис. 2. Удельный вес населения в возрасте 65 лет и старше в общей численности граждан, %

Старение населения — одна из главных причин повышения пенсионного возраста, осуществленного в конце XX — начале XXI в. во многих странах. В России дискуссии о повышении пенсионного возраста как способе решения проблем солидарно-распределительной пенсионной системы ведутся с 90-х гг. прошлого века, затихая в экономически благополучные годы и обостряясь в периоды экономических кризисов, когда уровень пенсионного обеспечения снижается, а дефицит бюджета пенсионной системы возрастает.

В странах Европейского союза пенсионные реформы, направленные на борьбу со старением населения, проводятся более 20 лет. Демографические условия функционирования пенсионных систем в странах Евросоюза характеризуются прогнозируемым ростом продолжительности жизни населения ЕС и соответствующими рисками. Меры, направленные на реформирование, проводятся с учетом стратегии экономического развития «Европа 2020», которая определяет в качестве целевых ориентиров рост уровня занятости в возрасте от 20 до 64 лет до 75 % и снижение уровня бедности на 20 млн человек (на 25 %) [4].

По одному из традиционных определений, страховые взносы — это отложенный заработок. В конкретный момент своего стажа человек находится на определенной ступени дохода относительно уровня, существующего

в данной стране в данный временной период. Откладывая взносы, он тем самым обеспечивает себе формирование пенсионного дохода, соответствующего не номиналу отложенных средств, а уровню, который он имел на момент откладывания, относительно других работников. Иными словами, возвращаться в виде пенсии ему должна сумма, эквивалентная отложенному процентному отношению, а не проиндексированному заведомо отстающими темпами номиналу. В настоящее время ввиду усиления процессов старения населения в большинстве экономически развитых государств темпы индексации пенсий повсеместно снижаются, как правило, до уровня инфляции или его сочетания с ростом средней зарплаты в экономике.

Для стран с низкой инфляцией и ростом средней заработной платы, не превышающим ее, такой подход может отчасти считаться приемлемым, но в России с ее высокими темпами инфляции и опережающим ростом зарплаты (за исключением кризисных лет) это приведет к углублению неравенства в доходах между работающими и пенсионерами. С точки зрения соблюдения принципа эквивалентности пенсионных прав и выплат (т. е. обязательств) любой другой механизм индексации, кроме учитывающего изменение зарплаты всех и каждого застрахованного лица, будет несправедливым. Такой механизм способен обеспечить эквива-

лентное преобразование пенсионных прав каждого застрахованного лица в пенсионные обязательства страховщика по выплате пенсии. Заключается он в учете не номинальной величины страховых взносов, а процента, уплаченного с заработка, соотнесенного с неким нормативом.

Учитывая огромное влияние внешних по отношению к пенсионной системе факторов, невозможно, повышая тот или иной параметр, например, общеустановленный пенсионный возраст, добиться долгосрочной эффективности пенсионной системы, как с точки зрения финансовой обеспеченности так и с точки зрения обеспечения приемлемого уровня пенсионного обеспечения застрахованных лиц. Для изменения результатов функционирования пенсионных систем необходима реализация мер, не столько связанных с настройкой внутренних механизмов системы, сколько направленных на долгосрочный рост социально-экономических индикаторов.

Для разных категорий плательщиков повышаются требования к охвату государственным

пенсионным страхованием, поскольку в условиях снижения численности занятых необходимо создавать новые стимулы к труду, а также стимулы для вхождения в систему лиц, являющихся неформально занятыми. Растущая продолжительность жизни позволяет государствам вовлекать лиц пенсионного возраста в рынок труда. При этом необходимо помнить о создании новых рабочих мест для недопущения роста безработицы среди молодежи. Поскольку предпосылки реформирования современных пенсионных систем обусловлены внешними по отношению к системе причинами, самыми быстрыми и эффективными с точки зрения результата мерами становятся изменение внутрисистемных параметров и механизмов с целью улучшения главных показателей развития пенсионных систем. Одновременно проводятся мероприятия, направленные на долгосрочную финансовую обеспеченность систем социального обеспечения, связанные с изменением демографических условий в государстве, а также способствующие росту экономического развития.

Литература

1. *О ратификации* Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102) [Электронный ресурс]: федер. закон от 3 окт. 2018 г. № 349-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/55192.html/> (дата обращения: 05.07.2019).
2. *Holzman R., Hinz R. Old age Income Support in the 21st Century: An International Perspective on Pension Systems and Reform.* Washington, DC: World Bank, 2005. 246 p.
3. *Beveridge W. Social Insurance and Allied Services.* London: HMSO, 1942. 299 p.
4. *A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth: Communication From the Commission.* Brussels: European Commission; 2010. 35 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010DC2020&from=EN> (дата обращения: 05.07.2019).

References

1. On ratification of the Convention on minimum standards of social security (Convention No. 102). Federal Law of October 3, 2018 No. 349-FZ. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/55192.html/> (accessed on 05.07.2019). (In Russ.).
2. Holzman R., Hinz R. Old age income support in the 21st century: An international perspective on pension systems and reform. Washington, DC: The World Bank; 2005. 246 p. (The World Bank Report. No. 32672).
3. Beveridge W. Social insurance and allied services. London: HMSO; 1942. 299 p.
4. Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Communication from the Commission. Brussels: European Commission; 2010. 35 p. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010DC2020&from=EN> (accessed on 05.07.2019).

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: ОЦЕНКА ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ВВП К СДВИГУ ЧИСЛЕННОСТИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-80-86

УДК 519.87

Скуфьина Татьяна Петровна

главный научный сотрудник, заведующий отделом
Кольского научного центра Российской академии наук,
доктор экономических наук, профессор

184209, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 14, e-mail: skufina@gmail.com

Баранов Сергей Владимирович

ведущий научный сотрудник Кольского научного центра
Российской академии наук,
кандидат физико-математических наук, доцент

184209, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 14

Статья посвящена оценке чувствительности производства валового внутреннего продукта (ВВП) России к сдвигу численности трудоспособного населения, вызванного увеличением возраста выхода на пенсию с 2019 г.

Цель. Рассмотреть количественные оценки производства ВВП России с учетом изменений численности трудоспособного населения, вызванного увеличением фактического возраста выхода на пенсию.

Задачи. Составить прогноз численности трудоспособного населения с учетом повышения возраста выхода на пенсию. Разработать модель, устанавливающую связь между численностью трудоспособного населения, инвестициями в основной капитал и производством ВВП. Количественно оценить влияние сдвига численности трудоспособного населения на производство ВВП в России.

Методология. Исследование основано на результатах моделирования и долгосрочного прогнозирования.

Результаты. Представлена экономико-математическая модель, устанавливающая связь между численностью трудоспособного населения, инвестициями в основной капитал и производством ВВП. Для уточнения экономических эффектов сдвига численности трудоспособного населения, вызванного увеличением пенсионного возраста, составлен прогноз производства ВВП России с учетом «старой» и «новой» (повышающей пенсионный возраст) схем выхода на пенсию. Прогноз предлагается в трех вариантах численности трудоспособного населения.

Выводы. Установлено, что при «старой» схеме, сохраняющей более ранний возраст для начисления пенсии, к 2036 г. во всех трех вариантах произойдет уменьшение производства ВВП в сравнении с 2017 г. В отношении «новой» схемы, увеличивающей пенсионный возраст, сделан вывод о том, что повышение пенсионного возраста является фактором, способствующим увеличению производства ВВП. Однако влияние на экономический рост будет незначительным.

Ключевые слова: Россия, старение населения, увеличение пенсионного возраста, моделирование, прогнозирование, валовой внутренний продукт, трудоспособное население, инвестиции.

Для цитирования: Скуфьина Т. П., Баранов С. В. Пенсионная реформа в России: оценка чувствительности производства ВВП к сдвигу численности трудоспособного населения // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 80–86. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-80-86.

Благодарности: Исследование включает в себя результаты научно-исследовательской работы (НИР), поддержанной грантом РФФИ № 19-010-00022 (постановка проблемы исследования; анализ результатов моделирования) и НИР по госзаданию Кольского научного центра РАН № 0226-2019-0027 (рассмотрение современных проблем управления; специфика построения моделей).

PENSION REFORM IN RUSSIA: ASSESSING THE SUSCEPTIBILITY OF GDP PRODUCTION TO A SHIFT IN THE NUMBER OF THE WORKING-AGE POPULATION

Tatiana P. Skufina

*Federal Research Centre Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (KSC RAS)
Fersmana St. 24A, Apatity, Murmansk Oblast, Russian Federation, 184209, e-mail: skufina@gmail.com*

Sergey V. Baranov

*Federal Research Centre Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (KSC RAS)
Fersmana St. 24A, Apatity, Murmansk Oblast, Russian Federation, 184209*

The presented study considers the susceptibility of gross domestic product (GDP) production to a shift in the number of the working-age population due to an increase in retirement age starting with 2019.

Aim. The study aims to examine the quantitative assessments of GDP production in Russia with allowance for the changes in the number of the working-age population due to an increase in the actual retirement age.

Tasks. The authors forecast the number of the working-age population with allowance for an increase in the retirement age; develop a model to establish a correlation between the number of the working-age population, investment in fixed capital, and GDP production; quantify the impact of the shift in the number of the working-age population on GDP production in Russia.

Methods. This study is based on the results of modeling and long-term forecasting.

Results. An economic-mathematical model to establish a correlation between the number of the working-age population, investment in fixed capital, and GDP production is presented. To specify the economic effects of a shift in the number of the working-age population due to an increase in the retirement age, Russia's GDP production is forecasted for the "old" and "new" (increased retirement age) pension scheme. The forecast is provided for three variants of the number of the working-age population.

Conclusions. It is found that with the "old" pension scheme with a lower retirement age GDP production across all three variants will decrease by 2036 compared to 2017. With regard to the "new" scheme that increases the retirement age, it is concluded that an increase in the retirement age is a factor that facilitates GDP production. However, its effect on economic growth will be insignificant.

Keywords: Russia, population ageing, increase in the retirement age, modeling, forecasting, gross domestic product, working-age population, investment.

For citation: Skufina T. P., Baranov S. V. Pension Reform in Russia: Assessing the Susceptibility of GDP Production to a Shift in the Number of the Working-Age Population. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):80–86. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-80-86.

Acknowledgments: This study includes the results of a research project supported by RFBR Grant No. 19-010-00022 (problem statement; analysis of modeling results) and a research project under government order of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences No. 0226-2019-0027 (consideration of modern management problems; specifics of model construction).

Введение

Старение населения развитых и развивающихся стран, вызванное снижением рождаемости и увеличением продолжительности жизни, определяют существенные демографические, социальные, экономические, институциональные изменения в мире. Масштаб и скорость последних варьируется с учетом той или иной страны либо региона, но эти изменения настолько значимы, что привлекают повышенное внимание политиков и управления. Решение проблем старения населения с позиции обеспечения сбалансированного функционирования любых пенсионных систем приводит к увеличению возраста выхода на пенсию. Актуальностью и значимостью вопроса влияния

увеличения пенсионного возраста на экономические процессы объясняется повышенный интерес в мире к научным исследованиям, их возросшее число. В России исследование влияния увеличения пенсионного возраста на экономику — относительно новое направление исследований. Данное обстоятельство связано с тем, что до 2019 г. (начало увеличения возраста выхода на пенсию) пенсионный возраст в России оставался неизменным, начиная с 1932 г.

Состояние мировых исследований и постановка проблемы

Тематика научных исследований в рамках проблемы старения населения широка, мно-

гоаспектна, нередко междисциплинарна. Научные изыскания посвящены поиску ответов на актуальные вопросы о воздействии фактора старения населения на экономический рост и производительность труда [1; 2; 3]; исследованию изменений динамики и соотношений основных макроэкономических показателей [4; 5]; выявлению специфики наполнения бюджета и функционирования финансовых систем, включая вопросы развития и модификации пенсионных механизмов, перспективы сбережений и распределений доходов между поколениями, поведенческие изменения и т. д. [6; 7; 8].

Эти многообразные работы можно условно разделить на две большие группы. Первая группа ориентирована на изучение социальных эффектов старения населения, где исследования составляют неотъемлемую часть формирования социально-экономической политики, направленной на недопущение потенциально опасных форм недовольства в обществе [8; 9]. Значительное внимание уделяется качеству жизни населения, его оценочным суждениям, исследованию факторов социальной нестабильности и т. д. Методологический инструментарий в значительной мере базируется не только на анализе статистических показателей, но и включает в себя опросы населения, экспертов, политиков. Полагаем, что именно социальная острота проблемы повышения пенсионного возраста определяет то обстоятельство, что в развитых и развивающихся странах наблюдается отставание в процессе принятия необходимых решений (в том числе о повышении возраста выхода на пенсию) ввиду потребностей пенсионной системы того или иного государства. Факт отсрочки болезненных, но необходимых решений усиливает общие объективные тенденции пенсионных систем (особенно четко это диагностируется в развитых странах) — рост государственных пенсионных расходов, рост рисков подрыва благосостояния будущих пенсионеров в долгосрочном периоде, так называемая подпитка проблемы бедности старыми людьми [5; 10; 11]. Нарастание неблагоприятных тенденций и рисков вызывает актуальность исследований, направленных на формирование досконально выверенных рецептов учета фактора старения жителей для тщательной корректировки пенсионных систем государств мира. Такие рецепты требуют детальных количественных экономических оценок, которые формируют вторую группу.

Вторая группа работ ориентирована на исследование специфики воздействия старения граждан на базовые экономические параметры мировой экономики и национальных экономик. Активно изучаются вопросы о влиянии коренного изменения продолжительности жизни

практически во всех странах на перераспределение населения в мире, на национальные сбережения, темпы экономического роста [4; 12; 13]. При этом отмечается, что специфика воздействия фактора старения населения на функционирование пенсионных систем, макроэкономические параметры традиционно отличается в развитых и развивающихся странах, хотя, безусловно, некоторые закономерности взаимодействия основных макроэкономических параметров одинаковы [1; 7; 14; 15]. В связи с этим очевидна необходимость детальных исследований специфики воздействия проблемы увеличения продолжительности жизни для каждого государства. В статье нами рассмотрена тема влияния надвигающегося сдвига численности трудоспособного населения, вызванного изменением возраста выхода на пенсию, на производство ВВП в России. Ее актуальность определяется тем, что одной из наиболее популярных мер, направленных на нивелирование проблемы старения населения, является повышение возраста выхода на пенсию. Данная мера используется во всех существующих моделях пенсионных систем, поскольку увеличивает период уплаты пенсионных взносов работником и сокращает период выплаты пенсии. Однако повышение пенсионного возраста воспринимается болезненно в любом обществе, но особенно в России ввиду ряда причин. Причина объективного свойства заключается в том, что пенсионный возраст в России не менялся с 1932 г., т. е. до введения в 2019 г. соответствующей системы его постепенного повышения. Субъективные причины связаны с тем, что на практике общество оказалось неподготовленным к пенсионным изменениям. Поэтому ответы на вопросы о том, насколько чувствительны темпы экономического роста и производство ВВП России в целом к переменам, вызванным повышением возраста выхода на пенсию, не только научно значимы, а также востребованы политиками и системой управления, но и практически важны для общества.

Прогноз влияния повышения возраста выхода на пенсию на численность трудоспособного населения

Увеличение пенсионного возраста удлиняет период трудоспособного возраста населения, тем самым увеличивая количество трудоспособных жителей страны. В таблице 1 нами предложены прогнозные оценки увеличения численности трудоспособного населения в российском государстве вследствие повышения возраста выхода на пенсию. Прогноз составлен в трех вариантах на период до 2036 г. Для сравнения приведен прогноз Федеральной службы государственной статистики РФ, составленный

Прогноз численности трудоспособного населения (тыс. чел.) с учетом повышения возраста выхода на пенсию

Год	Прогноз по «старой» схеме выхода на пенсию (55 лет для женщин, 60 лет для мужчин)			Прогноз по «новой» схеме выхода на пенсию (60 лет для женщин, 65 лет для мужчин)		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
2019	82 187	82 240	82 274	82 187	82 240	82 274
2023	78 462	79 250	79 947	82 052	82 872	83 602
2028	77 072	78 958	80 561	85 397	87 485	89 278
2029	77 038	79 161	80 955	85 331	87 685	89 695
2034	76 118	79 481	82 130	87 790	91 656	94 795
2036	75 046	79 039	82 208	87 070	91 662	95 410

ввиду условий сохранения «старой» схемы выхода на пенсию.

Как видно из таблицы 1, при анализе всех трех вариантов прогноза, если бы не было повышения пенсионного возраста (с учетом сохранения трудоспособного возраста для женщин 16–54 года и для мужчин — 16–59 лет, соответственно, при выходе на пенсию в 55 и 60 лет), то в дальнейшем происходил бы спад численности трудоспособного населения. Таким образом, увеличение пенсионного возраста с 2019 г. (выход на пенсию в 60 лет для женщин, 65 — для мужчин) приостановило устойчивую тенденцию снижения численности трудоспособного населения в России.

Модель производства ВВП и результаты ее исследования

Для выявления воздействия сдвига численности населения, вызванного изменениями возраста начисления пенсии, на производственные процессы в России нами построена модель, имеющая вид производственной функции. Эта модель устанавливает связь между ВВП, численностью трудоспособного населения, инвестициями в основной капитал [13; 16; 17]. В наших исследованиях доказано, что при описании процессов производства ВВП в России при помощи моделей производственных функций в качестве параметра капитала целесообразно использовать показатель «инвестиции в основной капитал» [16]. Отметим, что такая особенность построения производственных функций распространяется и на моделирование валового регионального продукта (ВРП) субъектов России [18], несмотря на разнообразие специфики функционирования их экономик [19; 20].

В основе построения модели — установленная связь между отношением ВВП к численности трудоспособного населения и отношением инвестиций в основной капитал к численности трудоспособного населения (расчеты проведены на базе показателей 1995–2017 гг., коэффициент корреляции между этими отношениями составил 0,99). По итогам проведения логарифмирования соотношений нами представле-

но описание связей в виде производственной функции Кобба — Дугласа [21; 22; 23]:

$$Y = AK^p L^q, \quad p + q = 1, \quad (1)$$

где Y — ВВП;

K — инвестиции в основной капитал;

L — численность трудоспособного населения;

A — нейтральный технический прогресс;

p — коэффициент эластичности по труду (в расчетах применяется показатель «численность трудоспособного населения»);

q — коэффициент эластичности по капиталу (в расчетах используется показатель «инвестиции в основной капитал»).

Напомним о важнейшем для анализа экономики свойстве коэффициента эластичности: коэффициент определяет воздействие изменения ресурса, используемого в производстве, на объем выпуска. Приведем пример. Допустим, если капитал (K) в производственной функции (1) изменится в x раз, то ВВП изменится в x^q раз. Подчеркнем, что логарифмирование линейной связи значений ВВП и инвестиций в основной капитал, нормированных на численность трудоспособного населения, выполнено для того, чтобы перейти к эластичности. Результаты расчета значений параметров модели (1) с учетом 95 % доверительных интервалов, оцененные по данным 1996–2017 г., следующие:

$$A = 1.14 \pm 0.03; \quad p = 0.57 \pm 0.04; \quad (2) \\ q = 0.43 \pm 0.04; \quad R^2 = 0.98.$$

Итак, коэффициент детерминации (R^2) устанавливает хорошее соответствие модели реальным данным. Значения p и q показывают, что производство ВВП России на 43 % определяется численностью трудоспособного населения и на 57 % — инвестициями в основной капитал.

Прогноз производства ВВП России с учетом сдвига численности трудоспособного населения

Приведем оценки физического объема ВВП России по так называемым новой и старой схемам выхода на пенсию, основанные на соответству-

Прогнозные значения индекса физического объема ВВП относительно 2017 г.

Год	Прогноз по «старой» схеме выхода на пенсию (55 лет для женщин, 60 лет для мужчин)			Прогноз по «новой» схеме выхода на пенсию (60 лет для женщин, 65 лет для мужчин)		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
2019	0,990	0,991	0,991	1,000	1,001	1,002
2020	0,986	0,987	0,989	0,996	0,997	0,999
2021	0,982	0,984	0,986	0,992	0,994	0,996
2022	0,978	0,981	0,984	0,998	1,001	1,004
2023	0,975	0,979	0,983	0,994	0,998	1,002
2024	0,973	0,978	0,983	1,001	1,006	1,011
2025	0,972	0,978	0,983	0,998	1,005	1,011
2026	0,970	0,977	0,984	1,005	1,013	1,020
2027	0,968	0,977	0,985	1,004	1,013	1,021
2028	0,968	0,978	0,986	1,011	1,022	1,030
2029	0,967	0,979	0,988	1,011	1,023	1,033
2030	0,967	0,980	0,990	1,015	1,028	1,039
2031	0,966	0,980	0,991	1,015	1,030	1,042
2032	0,966	0,981	0,993	1,020	1,036	1,049
2033	0,965	0,981	0,994	1,020	1,037	1,051
2034	0,963	0,981	0,994	1,023	1,042	1,057
2035	0,960	0,980	0,995	1,022	1,043	1,059
2036	0,957	0,978	0,995	1,020	1,042	1,060

ющей модели (1). Значения категории труда известны (прогнозные оценки приведены в таблице 1). Ситуация, связанная с количественными значениями инвестиций, представляется более сложной. Достоверный прогноз объема инвестиций в российском государстве до 2036 г. затруднен как минимум по трем причинам. Во-первых, из-за нестабильности и многовариантности значения этого показателя, существенного влияния на него малопрогнозируемой внешней и внутренней среды. Во-вторых, ввиду долгосрочного характера прогноза, увеличивающего вероятные диапазоны значений. В-третьих, по причине воздействия на инвестиции в основной капитал в России фактора государственного управления. Таким образом, задача прогнозирования инвестиций до 2036 г. — это самостоятельная научная задача, которая в данной статье нами не рассматривалась. Возникает вопрос о том, какой объем инвестиций следует задать в модели. Предлагаем задать в модели уровень инвестиций в основной капитал, соответствующий 2017 г. Результаты прогнозирования, выполненного в рамках варианта сохранения инвестиций в основной капитал на уровне 2017 г., приведены в таблице 2. Расчеты сделаны с учетом модели производственной функции Кобба — Дугласа для трех вариантов прогноза (низкого, среднего, высокого) численности трудоспособного населения по аналогии с таблицей 1. В целях установления чувствительности производства ВВП в нашей стране, вызванного сдвигом численности населения трудоспособного возраста, расчеты выполнены в двух вариантах:

первый вариант — численность трудоспособного населения по «старой» схеме выхода на пенсию (55 лет для женщин, 60 — для мужчин); второй вариант — численность трудоспособного населения по «новой» схеме выхода на пенсию (60 лет для женщин, 65 — для мужчин). Расчеты показывают, что ввиду любого варианта прогноза при сохранении «старой» схемы выхода на пенсию к 2036 г. ВВП не достигнет уровня 2017 г., что отражено в таблице 2.

Увеличение численности населения трудоспособного возраста обеспечит рост ВВП во всех трех вариантах прогноза. Вместе с тем такое повышение нельзя назвать значительным. Так, к 2036 г. для низкого варианта прогноза максимальный рост составит 2 %, для среднего — 4,2 %, для высокого — 6 %. Следовательно, только для высокого варианта прогноза характерно значимое отличие ВВП от уровня 2017 г. Расчеты позволяют сделать основной вывод. При сохранении инвестиций на уровне 2017 г. отсутствуют основания утверждать, что сдвиг численности трудоспособного населения способен обеспечить значимый рост ВВП. Однако этот сдвиг позволит не допустить уменьшения ВВП, что произошло бы при сохранении «старой» схемы выхода на пенсию.

Результаты и выводы

Авторами выполнена оценка чувствительности производства ВВП России к изменению численности трудоспособного населения, вызванного увеличением возраста выхода на пен-

сию с 2019 г. Представленная модель производства ВВП РФ на основе производственной функции типа Кобба — Дугласа демонстрирует связь между численностью трудоспособного населения (фактором труда), инвестициями в основной капитал (фактором капитала) и производством ВВП (выпуском продукции). Соответствие модели реальным данным хорошее (коэффициент детерминации — 0,98). Для оценки экономических эффектов увеличения пенсионного возраста в России составлен долгосрочный прогноз производства ВВП РФ с учетом «старой» и «новой» (повышающей пенсионный возраст) схем выхода на пенсию. Прогнозные оценки ВВП приведены в трех

вариантах (низком, среднем, высоком) численности трудоспособного населения. Установлено, что при сохранении сложившегося уровня инвестиций в нашей стране сдвиг численности трудоспособного населения, вызванный увеличением пенсионного возраста, позволит обеспечить незначительный рост ВВП РФ. При «старой» схеме, сохраняющей более ранний возраст для начисления пенсии, к 2036 г. во всех трех вариантах произойдет уменьшение производства ВВП в сравнении с 2017 г. Таким образом, повышение пенсионного возраста служит фактором, который положительно влияет на экономический рост России, однако воздействие является незначительным.

Литература

1. *Синявская О. В.* Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 4. С. 562–591.
2. *Баранов С. В., Скуфьина Т. П.* Влияние повышения пенсионного возраста на производство валового внутреннего продукта в России // *Инновации*. 2018. № 9. С. 38–44.
3. *Kalemli-Ozcan S., Ryder H. E., Weil D. N.* Mortality Decline, Human Capital Investment, and Economic Growth // *Journal of Development Economics*. 2000. Vol. 62. No. 1. P. 1–23. DOI: 10.1016/S0304-3878(00)00073-0.
4. *Baranov S. V., Skufina T. P.* Opportunities to Promote Economic Growth in Russia at a Rate not Lower Than the World Average // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018. Vol. 11. No. 5. P. 49–60. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.3.
5. *Chakraborty S.* Endogenous Lifetime and Economic Growth // *Journal of Economic Theory*. 2004. Vol. 116. No. 1. P. 119–137. DOI: 10.1016/j.jet.2003.07.005.
6. *Bongaarts J.* Pensions at a Glance 2015: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing, 2015. 376 p. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2016.00147.x>.
7. *Mao H., Ostaszewski K. M., Wen Z.* The Retirement Decision with Consideration of Part-Time Work After Retirement // *Journal of Insurance Issues*. 2019. Vol. 42. No. 1. P. 86–112.
8. *Van Riet A.* (ed.) Euro Area Fiscal Policies and the Crisis // *ECB Occasional Paper*. 2010. No. 109.
9. *Mao H., Ostaszewski K. M., Wang Y.* Optimal Retirement Age, Leisure and Consumption // *Economic Modelling*. 2014. Vol. 43. P. 458–464. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.09.002.
10. *Amaglobeli D., Chai H., Dabla-Norris E., Dybczak, K., Soto M., Tieman A.* The Future of Saving: The Role of Pension System Design in an Aging World. IMF Staff Discussion Note, 2019. 47 p. DOI: 10.5089/9781484388990.006.
11. *Chai H., Kim J. I.* Demographics, Pension Systems and the Saving-Investment Balance. IMF Working Paper, 2018. 21 p.
12. *Attanasio O., Bonfatti A., Kitao S., Weber G.* Global Demographic Trends: Consumption, Saving and International Capital Flows // *Piggott J., Woodland A. (eds.) Handbook of the Economics of Population Aging*, 2016. Vol. 1. P. 179–235.
13. *Staveley-O'Carroll J., Staveley-O'Carroll O. M.* Impact of Pension System Structure on International Financial Capital Allocation // *European Economic Review*. 2017. Vol. 95. P. 1–22. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2017.03.008.
14. *Li H., Zhang J., Zhang J.* Effects of Longevity and Dependency Rates on Saving and Growth: Evidence from a Panel of Cross Countries // *Journal of Development Economics*. 2007. Vol. 84. No. 1. P. 138–154. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2006.10.002.
15. *Mitchell O. S.* Retirement Systems in Developed and Developing Countries: Institutional Features, Economic Effects and Lessons for Economies in Transition // *National Bureau of Economic Research*. 1993. No. 4424. DOI: 10.3386/w4424.
16. *Skufina T., Baranov S., Samarina V., Shatalova T.* Production Functions in Identifying the Specifics of Producing Gross Regional Product of Russian Federation // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No. 5 S3. P. 265–270. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s3p265.
17. *Skufina T., Baranov S., Samarina V., Korchak E.* Increasing GDP Production in the Russian Federation and Raising the Retirement Age: is There a Connection? // *AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research*. 2019. Vol. 9. No. 1. P. 69–72.
18. *Скуфьина Т. П., Баранов С. В.* Математико-статистическое моделирование динамики производства ВРП регионов Севера и Арктики: в поисках лучшей модели // *Вопросы статистики*. 2017. № 7. С. 52–64.
19. *Minakir P. A.* Spatial Interdisciplinary Synthesis: Experience of Policy Studies // *Regional Research of Russia*. 2015. Vol. 5. No. 4. P. 299–309. DOI: 10.1134/S2079970515040115.
20. *Ushakov D., Elokhova I., Kharchenko I.* Tax Instruments in Public Regulation of Population Employment: the Factors of Today's Efficiency // *International Journal of Ecological Economics and Statistics*. 2017. Vol. 38. No. 2. P. 161–168.

21. Cobb C. W., Douglas P. H. A Theory of Production // The American Economic Review. 1928. Vol. 18. No. 1. P. 139–165.
22. Felipe J., Adams F. G. A Theory of Production the Estimation of the Cobb-Douglas Function: a Retrospective View // Eastern Economic Journal. 2005. Vol. 31. No. 3. P. 427–445.
23. Solow R. M. Technical Change and the Aggregate Production Function // The Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. No. 3. P. 312–320. DOI: 10.2307/1926047.

References

1. Sinyavskaya O. V. Russian pension system in the context of demographic challenges and constraints. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = The HSE Economic Journal*. 2017;21(4):562–591. (In Russ.).
2. Baranov S. V., Skufina T. P. Influence of increasing retirement age on the gross domestic product in Russia. *Innovatsii = Innovations*. 2018;(9):38–44. (In Russ.).
3. Kalemli-Ozcan S., Ryder H. E., Weil D. N. Mortality decline, human capital investment, and economic growth. *Journal of Development Economics*. 2000;62(1):1–23. DOI: 10.1016/S0304-3878(00)00073-0.
4. Baranov S. V., Skufina T. P. Opportunities to promote economic growth in Russia at a rate not lower than the world average. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018;11(5):49–60. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.3.
5. Chakraborty S. Endogenous lifetime and economic growth. *Journal of Economic Theory*. 2004; 116(1):119–137. DOI: 10.1016/j.jet.2003.07.005.
6. Bongaarts J. Pensions at a glance 2015: OECD and G20 indicators. Paris: OECD Publishing; 2015. 376 p. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2016.00147.x.
7. Mao H., Ostaszewski K. M., Wen Z. The retirement decision with consideration of part-time work after retirement. *Journal of Insurance Issues*. 2019;42(1):86–112.
8. Van Riet A., ed. Euro area fiscal policies and the crisis. ECB Occasional Paper Series. 2010;(109). URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecbocp109.pdf>
9. Mao H., Ostaszewski K. M., Wang Y. Optimal retirement age, leisure and consumption. *Economic Modelling*. 2014;43:458–464. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.09.002.
10. Amaglobeli D., Chai H., Dabla-Norris E., Dybczak, K., Soto M., Tieman A. The future of saving: The role of pension system design in an aging world. IMF Staff Discussion Note. 2019;(1). DOI: 10.5089/9781484388990.006.
11. Chai H., Kim J.I. Demographics, pension systems and the saving-investment balance. IMF Working Paper. 2018;(265). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/12/07/Demographics-Pension-Systems-and-the-Saving-Investment-Balance-46384>.
12. Attanasio O., Bonfatti A., Kitao S., Weber G. Global demographic trends: Consumption, saving and international capital flows. In: Piggott J., Woodland A., eds. *Handbook of the economics of population aging*. Vol. 1. Amsterdam, Oxford: North-Holland; 2016:179–235.
13. Staveley-O’Carroll J., Staveley-O’Carroll O.M. Impact of pension system structure on international financial capital allocation. *European Economic Review*. 2017;95:1–22. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2017.03.008.
14. Li H., Zhang J., Zhang J. Effects of longevity and dependency rates on saving and growth: Evidence from a panel of cross countries. *Journal of Development Economics*. 2007;84(1):138–154. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2006.10.002.
15. Mitchell O. S. Retirement systems in developed and developing countries: Institutional features, economic effects and lessons for economies in transition. NBER Working Paper. 1993;(4424). URL: <https://www.nber.org/papers/w4424.pdf>.
16. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Shatalova T. Production functions in identifying the specifics of producing gross regional product of Russian Federation. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015;6(5 S3):265–270. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s3p265.
17. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Korchak E. Increasing GDP production in the Russian Federation and raising the retirement age: Is there a connection? *AD ALTA: Journal of Interdisciplinary Research*. 2019;9(1):69–72.
18. Skufina T. P., Baranov S. V. Mathematical and statistical modeling of the GRP production dynamics in the regions of the North and the Arctic: In search of a better model. *Voprosy statistiki*. 2017;(7):52–64. (In Russ.).
19. Minakir P. A. Spatial interdisciplinary synthesis: Experience of policy studies. *Regional Research of Russia*. 2015;5(4):299–309. DOI: 10.1134/S2079970515040115.
20. Ushakov D., Elokhova I., Kharchenko I. Tax instruments in public regulation of population employment: The factors of today’s efficiency. *International Journal of Ecological Economics and Statistics*. 2017;38(2):161–168.
21. Cobb C. W., Douglas P. H. A theory of production. *The American Economic Review*. 1928;18(1):139–165.
22. Felipe J., Adams F. G. “A theory of production” the estimation of the Cobb-Douglas function: A retrospective view. *Eastern Economic Journal*. 2005;31(3):427–445.
23. Solow R.M. Technical change and the aggregate production function. *The Review of Economics and Statistics*. 1957;39(3):312–320. DOI: 10.2307/1926047.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ДОКУМЕНТООБОРОТА СЕТЕВЫХ КОМПАНИЙ FMCG-РИТЕЙЛА НА ОСНОВЕ ПРОЕКТИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ ДАННЫХ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-87-96

УДК 004.418

Борреманс Александра Дирковна

ассистент Высшей школы управления и бизнеса Института промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
194064, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29, e-mail: borremans_ad@spbstu.ru

Воронова Ольга Владимировна

доцент Высшей школы сервиса и торговли Института промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, кандидат экономических наук, доцент
194064, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29, e-mail: ilina.olga@list.ru

Ильин Игорь Васильевич

директор Высшей школы управления и бизнеса Института промышленного менеджмента, экономики и торговли Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор экономических наук, профессор
194064, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29 e-mail: ivi2475@gmail.com

Исследование направлено на совершенствование модели документооборота верхнего уровня сетевых компаний FMCG-ритейла на основе построения специальной архитектуры данных.

Цель. Разработать модель документооборота верхнего уровня для построения архитектурных решений сетевых компаний FMCG-ритейла на базе моделирования архитектуры данных.

Задачи. На начальном этапе необходимо рассмотреть систему общего документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла, выделить главные заинтересованные группы — участников внешнего, внутреннего и обеспечивающего документооборота. Целесообразно проанализировать некоторые виды внутреннего документооборота и выявить их взаимосвязи. На основании проведенного анализа следует разработать концептуальную модель архитектуры данных и модель документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла.

Методология. В исследовании система общего документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла представлена в виде трех подсистем (внешний, внутренний и обеспечивающий документооборот). Рассмотрены центральные каналы взаимодействия сетевых компаний с такими заинтересованными группами, как государственные органы власти, поставщики, потребители, сторонние организации. На основании анализа взаимосвязи элементов системы документооборота построена модель документооборота верхнего уровня, а также представлена концептуальная модель архитектуры данных для компании FMCG-ритейла с учетом перечисленных сущностей. Модель выполнена в нотации UML, которая позволяет отражать ключевые классы и связи, а также анализировать наличие связей, которые требуют упрощения.

Результаты. В статье рассмотрен процесс совершенствования системы документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла в условиях активного внедрения новых информационно-технических решений и автоматизации бизнес-процессов с целью сокращения издержек и увеличения продаж. В процессе исследования показана система общего документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла, выделены основные заинтересованные группы — участники внешнего документооборота, проанализированы отдельные виды внутреннего документооборота. По итогам исследования разработана модель документооборота верхнего уровня сетевых компаний FMCG-ритейла на базе проектирования архитектуры данных.

Выводы. В настоящее время крупные сетевые компании FMCG-ритейла активно внедряют новые информационно-технические решения и автоматизируют бизнес-процессы с целью сокращения издержек и увеличения продаж. Оптимальное документационное обеспечение сетевых компаний FMCG-сегмента невозможно без формирования огромных массивов данных, от совершенства методов хранения и обработки которых напрямую зависит скорость и качество бизнес-процессов. В целях совершенствования системы документооборота становится все более необходимой организация работ по разработке и оптимизации архитектуры данных. Архитектура данных является одной из основополагающих моделей функционирования предприятия с точки зрения комплексной цифровизации. Полученная модель данных может считаться универсальной для компаний FMCG-ритейла, поскольку позволяет организовать управление данными таким образом, чтобы обеспечить развитие и эффективное функционирование архитектуры сетевых компаний.

Ключевые слова: электронный документооборот, электронный обмен данными, архитектура данных, ритейл, сетевые компании, FMCG-сегмент.

Для цитирования: Борреманс А. Д., Воронова О. В., Ильин И. В. Совершенствование системы документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла на основе проектирования архитектуры данных // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 87–96. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-87-96.

IMPROVEMENT OF DOCUMENTATION WORKFLOW IN FMCG CHAIN RETAILING COMPANIES BASED ON DATA ARCHITECTURE DESIGN

Aleksandra D. Borremans

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Politekhnikeskaya St. 29, St. Petersburg, Russian Federation, 195251, e-mail: borremans_ad@spbstu.ru*

Ol'ga V. Voronova

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Politekhnikeskaya St. 29, St. Petersburg, Russian Federation, 195251, e-mail: ilina.olga@list.ru*

Igor' V. Il'in

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Politekhnikeskaya St. 29, St. Petersburg, Russian Federation, 195251, e-mail: ivi2475@gmail.com*

The presented study improves the model of top-level documentation workflow in FMCG chain retailing companies by building a special data architecture.

Aim. The study aims to develop a model of top-level documentation workflow for building architectural solutions of FMCG chain retailing companies based on data architecture modeling.

Tasks. First, it is necessary to examine the general documentation workflow system of FMCG chain retailing companies, identifying the major interested parties — participants of external, internal, and supporting workflow. It is also advisable to analyze certain types of internal workflow and to determine the relationships between them. Based on the conducted analysis, it is necessary to develop a conceptual model of data architecture and a documentation workflow model for FMCG chain retailing companies.

Methods. This study represents the general documentation workflow system of FMCG chain retailing companies as three subsystems (external, internal, and supporting workflow). The authors examine the major channels of interaction between chain retailing companies and such interested parties as government authorities, suppliers, consumers, and third-party organizations. Based on the analysis of the elements of the workflow system, this study builds a top-level documentation workflow model and presents a conceptual model of data architecture for FMCG chain retailing companies with allowance for the above-mentioned entities. The model uses UML notation, which makes it possible to reflect key classes and relationships and to identify relationships that need to be simplified.

Results. The study examines the process of improving documentation workflow in FMCG chain retailing companies in the context of active implementation of new IT solutions and automation of business processes to reduce costs and increase sales. The authors show the general documentation workflow system of FMCG chain retailing companies, identifying the major interested parties — participants of external workflow — and analyzing certain types of internal workflow. According to the results of the study, a top-level documentation workflow model for FMCG chain retailing companies is developed based on data architecture design.

Conclusions. Large FMCG chain retailing companies are actively implementing new IT solutions and automate business processes to reduce costs and increase sales. Optimal documentation support for FMCG chain retailing companies is impossible without generating huge amounts of data. Methods of data storage and processing have a direct impact on the speed and quality of business processes. In order to improve documentation workflow, it is becoming increasingly important to develop and optimize data architecture. Data architecture is one of the fundamental models of company operation in terms of comprehensive digitalization. The obtained data model can be considered universal for FMCG chain retailing companies since it makes it possible to organize management in such a way as to ensure the development and efficient functioning of the architecture of chain retailing companies.

Keywords: *electronic workflow, electronic data exchange, data architecture, retail, network companies, FMCG segment.*

For citation: Borremans A. D., Voronova O. V., Il'in I. V. Improvement of Documentation Workflow in FMCG Chain Retailing Companies Based on Data Architecture Design. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9): 87–96 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-87-96.

В настоящее время крупные сетевые компании FMCG-ритейла активно внедряют новые информационно-технические решения и автоматизируют бизнес-процессы с целью сокращения издержек и увеличения продаж. В этих условиях переход на электронный документооборот можно рассматривать как один из этапов цифровизации

сетевой торговли [1]. Система документооборота в ритейле чрезвычайно обширна ввиду крупного размера торговых компаний. В соответствии с этим ее оптимизация является крайне важной составляющей процесса сокращения издержек.

С учетом специфики сетевых компаний FMCG-ритейла совершенствование системы до-

Рис. 1. Система общего документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла

кументооборота приобретает все более важное значение. Участники рынка FMCG-сегмента вынуждены не только адаптироваться к новым экономическим условиям, но и обеспечивать выполнение различных законодательных требований [2]. Среди них — изменения в автоматизированных системах управления процессами, что, с одной стороны, влечет дополнительные затраты сетевых компаний, а с другой — открывает новые возможности оптимизации, снижения трудоемкости и повышения эффективности их бизнес-процессов [1].

Современная система документооборота сетевых компаний достаточно обширна. В соответствии с законодательством правила документооборота сетевые компании устанавливают самостоятельно, исходя из собственных требований, в том числе размера компании, ее структуры, интенсивности хозяйственных операций. Система общего документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла представлена на рисунке 1.

Система общего документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла может быть представлена в виде трех подсистем: внешнего, внутреннего и обеспечивающего документооборота. Поскольку обеспечивающий документооборот может быть рассмотрен в дальнейшем как самостоятельный бизнес-процесс, то в данной статье уделим большее внимание первым двум подсистемам [4]. Условное разделение документооборота на внешний и внутренний позволяет классифицировать его по направ-

лению движения документов относительно сетевой компании.

В соответствии с указанным признаком внешний документооборот может быть реализован со следующими заинтересованными группами: государственными органами власти; поставщиками; потребителями; сторонними организациями. Система внешнего документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла представлена на рисунке 2.

Рассмотрим подробнее центральные каналы взаимодействия сетевых компаний с выбранными заинтересованными группами. Обязанность передавать тот или иной набор сведений о ежедневных операциях государственным органам власти вводится поэтапно, в течение ряда лет. Таким образом, государство осуществляет все более полный и оперативный контроль финансовых и товарных потоков. Сетевые компании взаимодействуют с Пенсионным фондом РФ, Федеральной налоговой службой России, Фондом обязательного медицинского страхования РФ, Федеральной антимонопольной службой России, а также с региональными органами исполнительной власти и другими сторонними организациями.

Существенный момент — необходимость осуществления обязательного электронного обмена данными с рядом контрольных органов. Из основных систем и/или контрольных органов, в которые сетевые компании обязаны передавать регламентированную отчетность, можно выделить следующие:

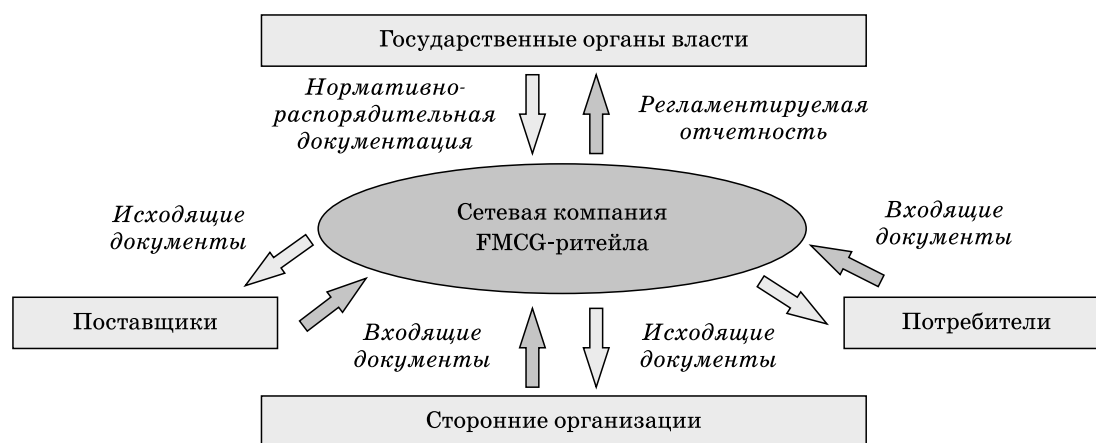

Рис. 2. Система внешнего документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла

- Единая государственная автоматизированная информационная система (ЕГАИС) — учет объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции.
- Автоматизированная система контроля (АСК) за возмещением НДС — контроль уплаты НДС (передача данных о расчетах в налоговый орган в электронном виде через оператора фискальных данных подразумевает контроль применения контрольно-кассовой техники и полноты учета выручки).
- Федеральная государственная информационная система (ФГИС) «Меркурий» — движение товаров животного происхождения и электронных ветеринарных сертификатов (с 1 июля 2018 г. участники рынка, работающие с продукцией животного происхождения, обязаны оформлять электронные ветеринарные сопроводительные документы (ЭВСД) в ФГИС «Меркурий»; система призвана создать единую информационную среду для ветеринарии и повысить пищевую безопасность; ЭВСД оформляются на каждом этапе движения товара — производство, оборот и перемещение).
- Информационная система прослеживаемости ввезенных товаров — создается для контроля операций по реализации и иному выбытию товаров, ввезенных на территорию РФ и иные территории, находящиеся под ее юрисдикцией.
- Маркировка товаров контрольными (идентификационными) кодами (ФГИС МДЛП — мониторинг движения лекарственных препаратов; ИС МОТП — маркировка и мониторинг оборота табачной продукции) и пр.

Внедрение маркировки началось с меховых изделий: в августе 2015 г. странами — членами Евразийского экономического союза подписано соглашение о реализации в 2015–2016 гг. пилотного проекта по введению маркировки товаров контрольными (идентификационными) знаками изделий из натурального меха.

С 12 августа 2016 г. государство обязало (постановление Правительства РФ от 11 августа 2016 г. № 787) всех производителей, импортеров, оптовых и розничных продавцов маркировать меховые изделия и передавать сведения в ГИС «Маркировка» в течение трех дней. Государство стремится усилить борьбу с контрафактной продукцией, объемы которой в нашей стране в зависимости от отрасли могут составлять 20–50 %. Поэтому распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 792-р расширен перечень групп товаров, подлежащих обязательной маркировке: по табачной продукции — с 1 марта 2019 г.; обуви — с 1 июля 2019 г.; остальных товаров, указанных в перечне (духи, туалетная вода, пальто, шины, постельное белье и др.) — с 1 декабря 2019 г.

Документооборот между поставщиками и сетевыми компаниями также является одной из областей внешнего документооборота. Сотрудничество между заинтересованными сторонами начинается с заключения договора. На этом этапе при переходе с бумажного на электронный вид взаимодействия наблюдается существенное сокращение временных и, как следствие, финансовых издержек сетевых компаний. Следует заметить, что в результате внедрения электронного документооборота решаются такие традиционные проблемы сетевых торговых компаний, как технические ошибки при многократном вводе массивов данных, временные затраты на согласование, утрата документов при подписании бумажной версии документа. Например, утрата первичных документов отрицательна в первую очередь для поставщика, поскольку, согласно ст. 8 ч. 9 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», покупатель вступает в ответственность по оплате только после получения корректных документов по поставке.

При комплексном рассмотрении внешнего документооборота нельзя не выделить в само-

Рис. 3. Система внутреннего документооборота сетевых компаний FMCG-ритейла

стоятельную область взаимодействия с потребителями товаров FMCG-сегмента, к которым следует отнести физических и юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей. К ним относятся в первую очередь кассовые чеки на совершенные и оплаченные операции, счета-фактуры, а также рекламации, жалобы, уведомления об их рассмотрении и прочие документы. Для каждого вида деятельности существуют свои нормативы к ведению документации. Таким образом, чем больше компания, тем шире представлены виды документооборота. В состав внутреннего документооборота входят ряд видов документообо-

рота, количество которых напрямую зависит от количества бизнес-процессов компании. Так, к основным видам внутреннего документооборота документооборота сетевых компаний относятся виды, представленные на рисунке 3 [3].

Разграничивая понятия электронного и бумажного документооборота, не следует рассматривать их как отдельные элементы системы, поскольку и те, и другие документы равнозначно могут выступать в качестве входов и/или выходов любых бизнес-процессов сетевых компаний. Модель документооборота верхнего уровня сетевых компаний FMCG-ритейла представлена на рисунке 4.

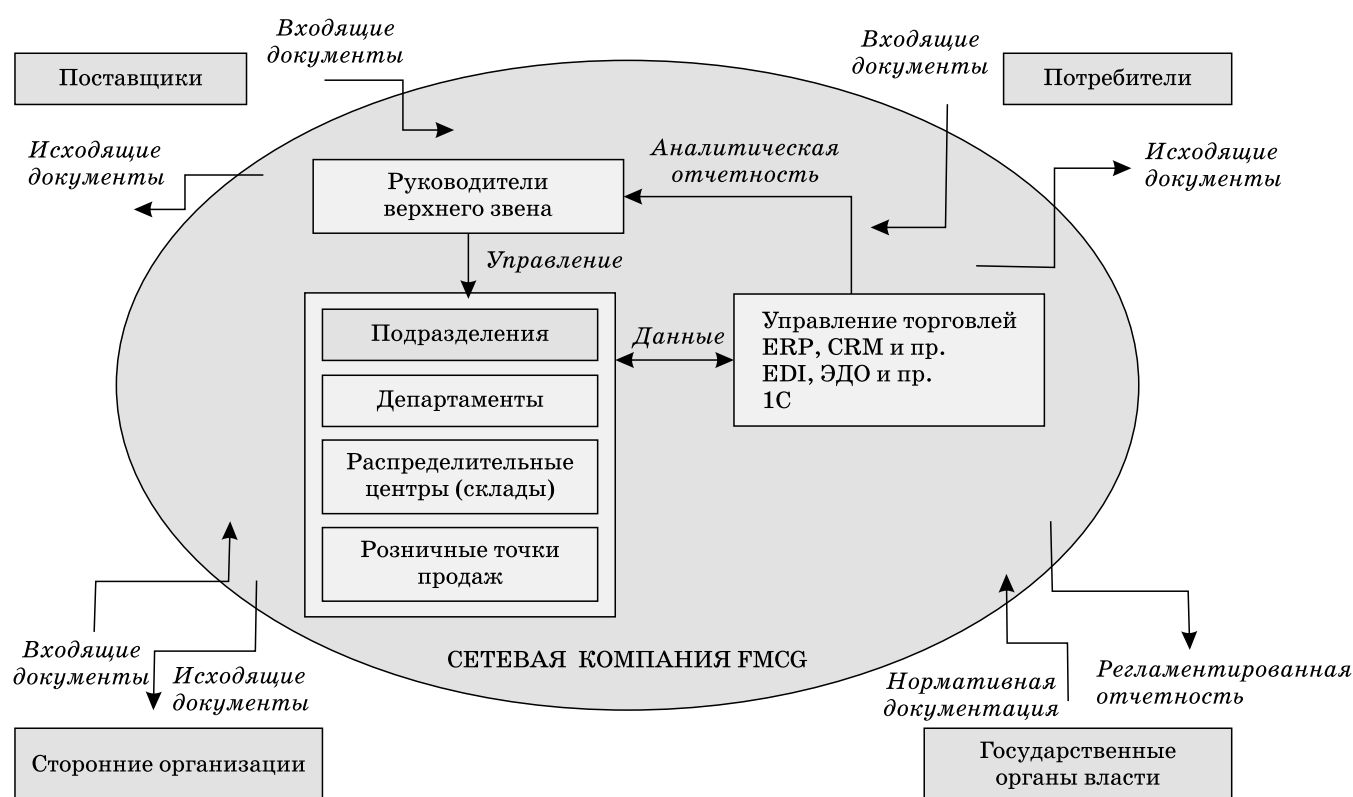

Рис. 4. Модель документооборота верхнего уровня сетевых компаний FMCG-ритейла

В настоящее время большая часть документов не является унифицированными. При этом каждая сетевая компания принимает формы основных документов в своей учетной политике и придерживается их до внесения изменений [5]. Одновременно с учетной политикой утверждаются формы первичных документов, которые будут использоваться сетевой компанией в деятельности, формы документов для внутренней бухгалтерской отчетности, а также правила документооборота и технология обработки учетной информации [7].

Несмотря на то, что сегодня невозможно полностью отказаться от бумажного документооборота, происходит постепенное его замещение электронным. Все большую роль играет EDI, то есть электронный обмен данными. Особое внимание в связи с этим следует обратить на несовершенство нормативной базы в части юридически значимых электронных документов [6]. Современная классификация систем электронного документооборота достаточно обширна. Существуют различные виды классификации систем электронного документооборота. Наиболее распространены классификации по функциональному признаку, как видно из рисунка 5, или по управляющему воздействию, что отражено на рисунке 6.

Не стоит забывать о том, что любая классификация достаточно условна. Например, электронные архивы не предназначены для

поддержки движения документов, так как их главная цель заключается в организации хранения и поиска необходимых данных. Главный плюс подобной классификации заключается в высокой информативности, однако данная классификация нуждается в значительной доработке.

Информативность данной классификации достаточно высока, но при этом возможно активное пересечение видов друг с другом. При использовании электронного документооборота нельзя не учитывать интеграцию систем электронного документооборота с ERP-системами, обеспечивающую быстрый доступ к данным независимо от месторасположения напрямую из ERP- или CRM-системы [9]. Рассмотрим подробнее основные документы ведущих бизнес-процессов сетевых компаний FMCG-сегмента, представленные на рисунке 7 [3].

Аналогично тому, как система документооборота формируется из подсистем (внешнего, внутреннего и обеспечивающего документооборота), каждый документ любой рассмотренной подсистемы формируется исходя из определенного массива данных. Отдельные документы являются входом и/или выходом большинства бизнес-процессов, в соответствии с чем правильнее формировать архитектуру данных на основе бизнес-процессов. Несмотря на то, что документооборот как бизнес-процесс относится к обеспечивающим процессам, нецелесообразно, как нам кажется,

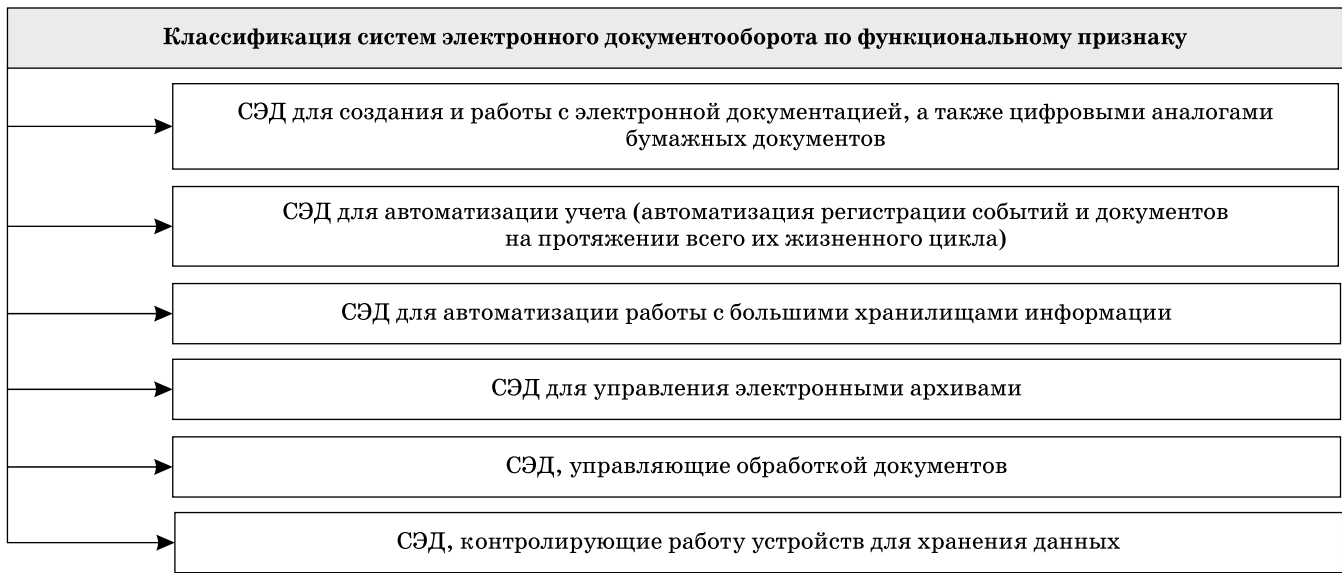

Рис. 5. Классификация систем электронного документооборота по функциональному признаку

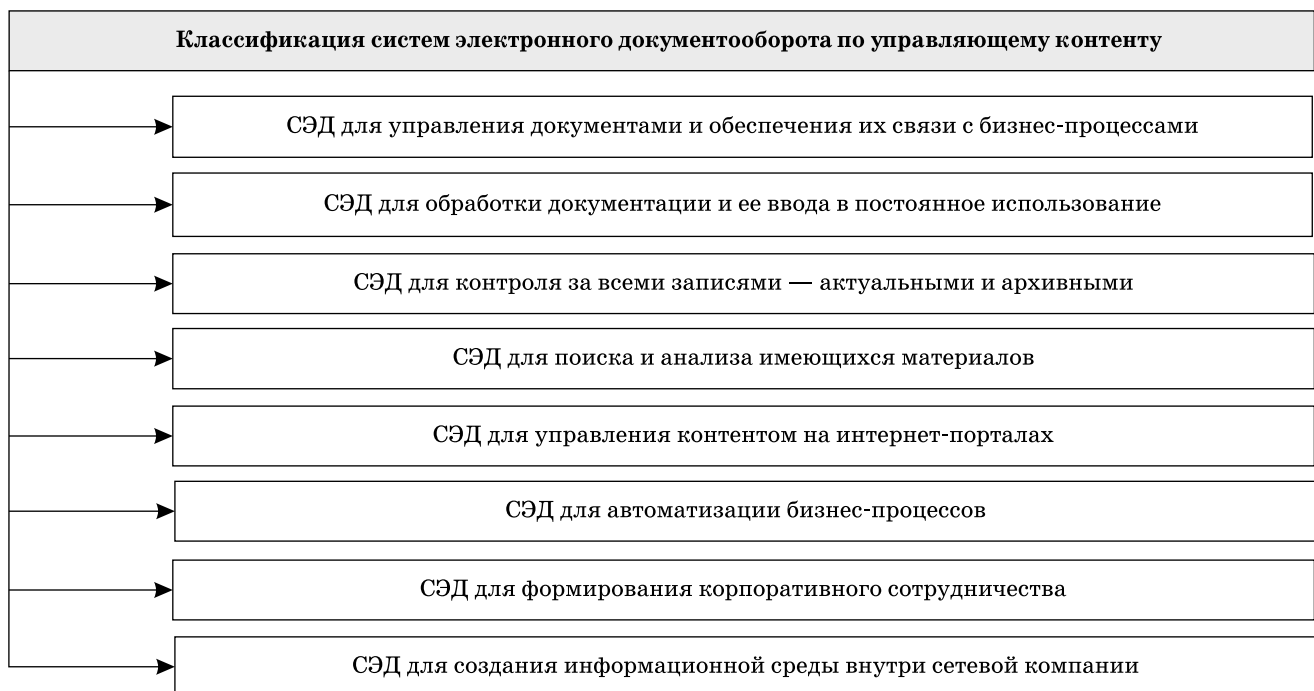
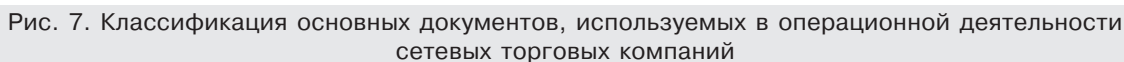

Рис. 6. Классификация систем электронного документооборота по управляющему воздействию

ся, рассматривать его как самостоятельный бизнес-процесс. Следует заметить, что оптимальное документационное обеспечение сетевых компаний FMCG-сегмента невозможно без формирования огромных массивов данных, от совершенства методов хранения и обработки которых напрямую зависит скорость и качество бизнес-процессов. Таким образом, в целях совершенствования системы документооборота становится все более необходимой организация мероприятий по разработке и оптимизации архитектуры данных. Архитектура данных — одна из основополагающих моделей функционирования предприятия с точки зрения комплексной цифровизации. В качестве базовой модели,

определяющей место архитектуры данных в архитектуре предприятия, чаще всего применяется стандарт TOGAF (The Open Group Architecture Framework) [8]. В рамках этого фреймворка архитектура данных определяется двумя аспектами. С одной стороны, архитектура информационных систем определяет архитектуру данных. С другой — архитектура данных поддерживается аппаратным обеспечением и системным программным обеспечением, а также средствами коммуникации.

С точки зрения анализа проблематики построения комплексных систем электронного документооборота интересен прежде всего первый аспект создания и функционирования архи-

тации UML, позволяющей отражать ключевые классы и связи, а также анализировать наличие связей, которые требуют упрощения (многие ко многим).

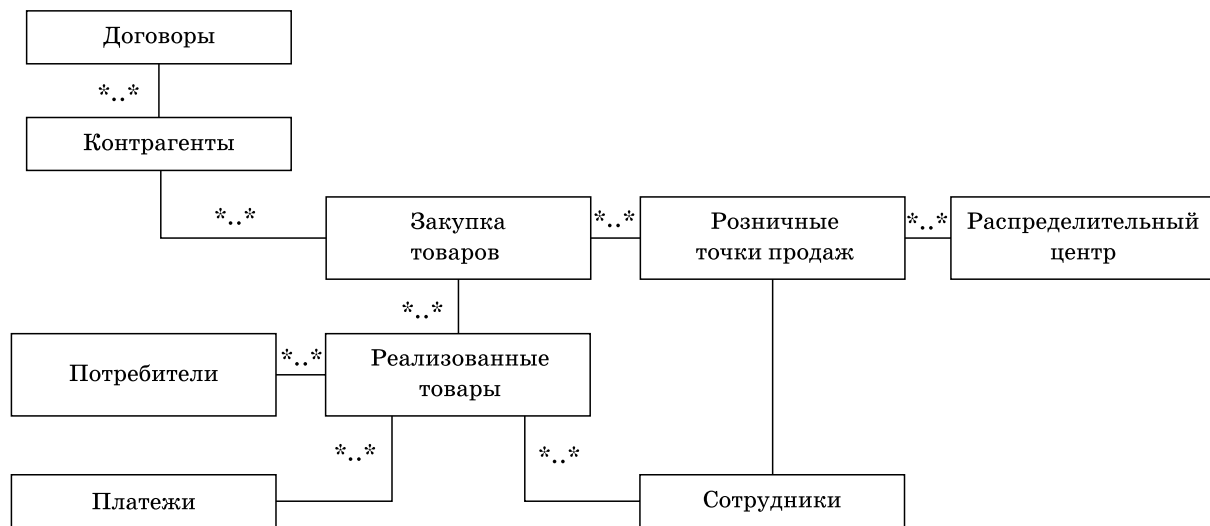

Рис. 8. Концептуальная модель архитектуры данных сетевых компаний FMCG-ритейла

Для компаний FMCG-ритейла задача определения архитектуры данных на базе моделей систем электронного документооборота — одна из наиболее приоритетных. Сформированная модель электронного документооборота позволила выделить следующие ключевые сущности в модели данных компании FMCG-ритейла:

- закупка товаров — быстро оборачиваемые потребительские товары, реализуемые в точках сбыта;
- оборот — реализованные товары;
- точки сбыта — розничные точки продаж;
- склады — распределительные центры;
- сотрудники — персонал;

- потребители — клиенты, приобретающие товар компании.
- контрагенты — лицо или компания, берущее на себя обязательство по договору;
- договоры — соглашения с партнерами о взаимных обязательствах;
- платежи — оплата.

Полученная модель данных может считаться универсальной для компаний FMCG-ритейла, поскольку предоставляет возможность организовать управление данными таким образом, чтобы обеспечить развитие и эффективное функционирование архитектуры данных сетевых компаний.

Литература

1. Портал о документообороте. URL: <https://documentooborot.com/dokumentooborot/klassifikaciya-sistem-elektronno-go-dokumentooborota.html> (дата обращения: 15.08.2019).
2. Воронова О. В., Ильин И. В. Референтная модель бизнес-процессов верхнего уровня для построения архитектурных решений сетевых компаний FMCG-ритейла // Экономика и управление. 2019. № 5 (163). С. 81–88.
3. Воронова О. В., Харева В. А. Документооборот в системе управления сетевых торговых компаний // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2 (26). С. 5–11. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-2-5-11.
4. Левина А. И., Ильин И. В., Эседулаев Р. А. Повышение эффективности проектов внедрения информационных систем класса BPMS с использованием типовых проектных решений // Наука и бизнес: пути развития. 2017. № 4 (70). С. 9–14.
5. Никифорова О. В. Электронный документооборот в условиях перехода к цифровой экономике // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: сб. науч. тр. Второй заочной Междунар. конф. профессорско-преподавательского состава. Казань: ООО «Печать-Сервис-XXI в.», 2018. С. 24–26.
6. Смирнов А. Б., Ильина О. В. Процесс систематизации информации для анализа бизнес-процессов в сфере торговли // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2–2 (79). С. 523–527.
7. Чемоданова О. Н., Гриб Г. Ю. Электронный документооборот как фактор инновационного управления бизнес-процессами современной организации // Управленческие науки в современном мире. 2017. Т. 1. С. 392–397.
8. Borremans A. D., Zaychenko I. M., Iliashenko O. Y. Digital Economy. IT Strategy of the Company Development // MATEC Web of Conferences. 2018. Vol. 170. P. 13. DOI: 10.1051/mateconf/201817001034.
9. Kapustina I. V., Kirillova T. V., Ilyina O. V., Razzhivin O. A., Smelov P. A. Features of Economic Costs of Trading Enterprise: Theory and Practice // International Journal of Applied Business and Economic Research. 2017. Vol. 15. No. 11. P. 1–10.

References

1. Document management portal. URL: <https://documentooborot.com/dokumentooborot/klassifikaciya-sistem-elektronnogo-dokumentooborota.html> (accessed on 15.08.2019). (In Russ.).
2. Voronova O. V., Il'in I. V. Reference model of top-level business processes for building architectural decisions of FMCG retail network companies. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(5):81–88. (In Russ.).
3. Voronova O. V., Khareva V. A. Document flow in the management system of chain trade companies. *Nauchnyi vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta = Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. 2019;(2):5–11. (In Russ.). DOI: 10.31775/2305-3100-2019-2-5-11.
4. Levina A. I., Il'in I. V., Esedulaev R. A. Improving efficiency of BPMS implementation projects using standard design solutions. *Nauka i biznes: puti razvitiya = Science and Business: Ways of Development*. 2017;(4):9–14. (In Russ.).
5. Nikiforova O. V. Electronic document management in the transition to a digital economy. In: Proc. 2nd Correspond. faculty members conf. “Actual problems of the humanities and natural sciences” (March 05, 2018). Kazan: Pechat'-Servis-XXI vek; 2018:24–26. (In Russ.).
6. Smirnov A. B., Il'ina O. V. The process of systematization of information for the analysis of business processes in the field of trade. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2017;(2-2):523–527. (In Russ.).
7. Chemodanova O. N., Grib G. Yu. Electronic document flow as the factor of innovative management of business-processes of the modern organization. *Upravlencheskie nauki v sovremennom mire = Managerial Science in the Modern World*. 2017;1:392–397. (In Russ.).
8. Borremans A. D., Zaychenko I. M., Iliashenko O. Yu. Digital economy. IT strategy of the company development. *MATEC Web of Conferences*. 2018;170(01034). DOI: 10.1051/matecconf/201817001034.
9. Kapustina I. V., Kirillova T. V., Ilyina O. V., Razzhivin O. A., Smelov P. A. Features of economic costs of trading enterprise: Theory and practice. *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017;15(11):1–10.

О ПРЕОДОЛЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕГРАЦИИ РОБАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И СЦЕНАРНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-97-106

УДК 004.8

Алексеев Михаил Анатольевич

*заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета экономики и управления,
доктор экономических наук, доцент*

630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56, e-mail: m.a.alekseev@nsuet.ru

Фрейдина Елизавета Васильевна

ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Новосибирского государственного университета экономики и управления, доктор технических наук, профессор

630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56, e-mail: evfreydina@socio.pro

Тропин Александр Анатольевич

*доцент кафедры Новосибирского государственного университета экономики и управления,
кандидат экономических наук*

630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, д. 56, e-mail: alexandertropin@mail.ru

Модель механизма робастного управления — это построенное гомеостатическое пространство с основанием на входе адаптивного, на выходе — робастного гомеостаза, благодаря чему создаются демпферы для преодоления неопределенности. Наибольшая сложность проявляется в преодолении средовой разрастающейся неопределенности, в частности ее составляющей — стратегической неопределенности. В теории стратегического управления разработка надежных стратегий возлагается на сценарное планирование. Робастное управление вводом в его механизм адаптивного гомеостаза создает ориентиры процессу формирования сценариев будущего экономических систем.

Цель. Обосновать подход к развитию робастного управления, состоящий в интеграции со сценарным планированием и способствующий расширению возможностей по преодолению разрастающейся неопределенности состояния полисубъектной внешней среды, а также ввод процесса конвергенции в стратегическое управление.

Задачи. Изучить открывающиеся с применением механизма робастного управления возможности по интеграции со сценарным планированием. Сформировать комплексное представление разрастающейся неопределенности состояния полисубъектной среды. Раскрыть логику процесса конвергенции стратегических разработок с использованием метода «фокусированных, узких сценариев».

Методология. Развитие теории робастного управления экономическими системами осуществляется в направлении разработки методов образования системной конвергенции двух открытых систем (экономической системы и полисубъектной среды) и интеграции со сценарным планированием, способствующих преодолению стратегической неопределенности.

Результаты. Обосновано решение об интеграции механизма робастного управления и процесса сценарного планирования. Подтверждено явление разрастающейся неопределенности при характеристике состояния полисубъектной среды. Аргументирован ввод процесса конвергенции в формирование стратегии и приведен пример его реализации при построении стратегии по методу «фокусированных, узких сценариев».

Выводы. Введенный в модель механизма робастного управления адаптивный гомеостаз, особая информационная структура с параметрами-индикаторами полисубъектной среды с разрастающейся неопределенностью и экономической системы расширяет возможности для интеграции со сценарным планированием и служит ориентиром для будущего экономической системы. Алгоритмическое представление формирования стратегии по методу «фокусированных, узких сценариев» показывает, что стратегия — синтез противоречивых действий, образуемый в процессе конвергенции, а стратегия характеризуется как конвергентная.

Ключевые слова: адаптивный гомеостаз, гибкая адаптация, интеграция, конвергентная стратегия, механизм робастного управления, неопределенность, сценарное планирование.

Для цитирования: Алексеев М. А., Фрейдина Е. В., Тропин А. А. О преодолении стратегической неопределенности посредством интеграции робастного управления и сценарного планирования // *Экономика и управление*. 2019. № 9 (167). С. 97–106. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-97-106.

Благодарности: Исследования, изложенные в статье, выполнены при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-010-00700).

ON OVERCOMING STRATEGIC UNCERTAINTY THROUGH THE INTEGRATION OF ROBUST CONTROL AND SCENARIO PLANNING

Mikhail A. Alekseev

*Novosibirsk State University of Economics and Management – NSUEM “NINH”
Kamenskaya St. 56, Novosibirsk, Russian Federation, 630099, e-mail: m.a.alekseev@nsuem.ru*

Elizaveta V. Freydina

*Novosibirsk State University of Economics and Management – NSUEM “NINH”
Kamenskaya St. 56, Novosibirsk, Russian Federation, 630099, e-mail: evfreidina@socio.pro*

Aleksandr A. Tropin

*Novosibirsk State University of Economics and Management – NSUEM “NINH”
Kamenskaya St. 56, Novosibirsk, Russian Federation, 630099, e-mail: alexandertropin@mail.ru*

A model of a robust control mechanism is a constructed homeostatic space based on adaptive homeostasis at the input and robust homeostasis at the output, which creates dampers for overcoming uncertainty. The most difficult task is to overcome environmental increasing uncertainty, particularly one of its components – strategic uncertainty. In the theory of strategic management, developing reliable strategies is the purpose of scenario planning. By integrating adaptive homeostasis into its mechanism, robust control serves as a reference point for the formation of scenarios for the future of economic systems.

Aim. The presented study aims to substantiate an approach to the development of robust control that consists in integration with scenario planning and increases opportunities for overcoming the increasing uncertainty of the state of the polysubjective external environment, while also implementing convergence into strategic management.

Tasks. The authors examine the opportunities for integration with scenario planning offered by the application of the robust control mechanism; provide an integrated view of the increasing uncertainty of the state of the polysubjective external environment; reveal the logic of the convergence of strategic developments using the method of focused, narrow scenarios.

Methods. The theory of robust control of economic systems is evolving towards the development of methods for the formation of a systemic convergence of two open systems (economic system and polysubjective environment) and integration with scenario planning, which contribute to overcoming strategic uncertainty.

Results. The decision to integrate the robust control mechanism with scenario planning is substantiated. The phenomenon of increasing uncertainty in the characterization of the polysubjective environment is confirmed. The implementation of convergence in strategy development is rationalized, and an example of its realization in strategy development according to the methods of focused, narrow scenarios is given.

Conclusions. Once implemented into the robust control mechanism, adaptive homeostasis – a special information structure with indicators of the polysubjective environment with increasing uncertainty of the economic system – expands opportunities for integration with scenario planning and serves as a reference point for the future of the economic system. An algorithmic representation of strategy development according to the method of focused, narrow scenarios shows that the strategy is a synthesis of contradictory actions formed in the process of convergence, and the strategy is characterized as convergent.

Keywords: *adaptive homeostasis, flexible adaptation, integration, convergent strategy, robust control mechanism, uncertainty, scenario planning.*

For citation: Alekseev M. A., Freydina E. V., Tropin A. A. On Overcoming Strategic Uncertainty Through the Integration of Robust Control and Scenario Planning. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):97–106 (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-97-106.

Acknowledgments: This study is funded by the RFBR (project No. 18-010-00700).

Введение

В отношении экономических систем, под которыми понимаются предприятия, фирмы, корпорации и другие хозяйствующие субъекты [1], сформировалась доказательная основа для ввода их в класс сложных адаптивных систем (Complex Adaptive Systems, CAS), действующих на грани порядка и хаоса. По

утверждению представителей международной компании Boston Consulting Group (BCG), «глобальная конкуренция и быстро развивающиеся технологии делают деятельность компаний и состояние их деловой среды более сложными и менее предсказуемыми» [2]. В современном мире происходит выход экономических систем на новый уровень сложности.

Чтобы управлять сложными адаптивными системами, по мнению представителей BCG [2], «компании должны преодолеть несколько фундаментальных проблем: ... поддерживать робастность в изменяющейся среде, а также избегать попадания в неблагоприятные траектории притяжения». Поддержание робастной устойчивости при функционировании и развитии экономической системы авторами статьи возлагается на разрабатываемый механизм робастного управления [3; 4]. Основные его составляющие — «особые информационные структуры», представленные гомеостазам, которые настраиваются на обеспечение «динамического постоянства в допустимых пределах жизненно важных функций и параметров системы при различных изменениях внутренней и внешней среды» [5, с. 331].

На входе в механизм робастного управления формируется адаптивный временной (АТ) гомеостаз из совокупности параметров-индикаторов, характеризующих состояние полисубъектной внешней среды и экономической системы. Образование АТ-гомеостаза создает межсистемную конвергенцию двух открытых систем, что означает процесс их «взаимосближения, взаимовлияния, взаимопроникновения между собой» [5, с. 483].

По каждому параметру АТ-гомеостаза определяется диапазон (информационная гранула) его прогнозируемого изменения. Информационная гранула, как утверждает А. Пегат [6], создает расширенное представление о пределе — диапазоне изменения и функции варибельности параметра-индикатора. Наряду со статистической оценкой данных каждой гранулы выделенный диапазон подлежит и качественной оценке по аналогии с оценкой конкурентоспособности и привлекательности бизнеса на рынке, применяемой при составлении многокритериальных портфельных матриц, например, матрицы GE&M, разработанной компаниями General Electric и McKinsey [7]. Замыкает образуемое гомеостатическое оцифрованное пространство робастный временной (RT) гомеостаз, выступающий как регулятор выходных параметров экономической системы, посредством введения робастных пределов по каждому параметру.

Параметризацией АТ-гомеостаза создается информационный плацдарм для сценарного планирования, которое рассматривается как современный инструмент стратегического управления, направленного на преодоление средовой неопределенности, в частности ее составляющей — стратегической неопределенности [8–10]. Сценарное планирование по определению Дж. Верити, «обладает большой гибкостью и применимо ко всем проблемам бизнеса, содержащим ту или иную степень не-

определенности». Кроме того, «сценарий — не точный прогноз будущих событий, а глубокое понимание того, какие движущиеся силы могут направлять будущее по различным траекториям» [8].

Актуальность связи робастного управления с инструментарием сценарного планирования обусловлена задачей преодоления разрастающейся неопределенности полисубъектной внешней среды. Рассмотрим наблюдаемый переход в восприятии состояния полисубъектной среды от детерминизма к стохастичности и хаосу, а также причины разрастающейся неопределенности.

Источники разрастающейся неопределенности полисубъектной внешней среды

Преодоление влияния неопределенности в поведении субъектов внешней среды на состояние экономической системы — важнейшая проблема, особенно если будущее представляется «истинной его неоднозначностью» [11]. В теории стратегического управления сформирован кластер факторов, генерирующих, по выражению М. Е. Рейнора [12], «истинную стратегическую неопределенность». Стратегическая неопределенность раскрывается в многочисленных трудах М. Портера, Р. Гранта, И. Ансоффа, Г. Хамела, С. Прахалада, М. Мак-Дональда, М. Рейнора и других с направленностью на «измерение» случайного проявления ключевых факторов окружающей среды. Так, на примере опыта компании Alliant Energy по разработке сценариев для формирования будущей стратегии [12, с. 286] становится очевидным, что выявление и «измерение» неопределенности проводилось по каждому из STEEP-факторов с подключением к ним и государственного регулирования.

Влияние факторов макросреды на деятельность компании сильное, но их проявление низкочастотное, и единственным условием для ее выживания и развития является адаптация. Осуществление последней наиболее продуктивно в условиях робастного управления. Высокочастотное проявление неопределенности наблюдается со стороны субъектов конкурентного окружения. Так, изменяя детерминизму, М. Портер в модель пяти сил по фундаментальным факторам (силам) ввел множество «элементов неопределенности», составив набор сценариев развития американской отрасли цепных пил [8].

Система общепризнанных факторов, вызывающих неопределенность, непрерывно пополняется вновь выявленными факторами ввиду развития цифровой экономики, обеспечивающей доступность к информационным ресур-

сам хозяйствующих субъектов. Установлено, что усиление неопределенности и хаотичности рынка создается такими явлениями, как фальсификация балансовой отчетности [13, с. 146–167]; преднамеренное банкротство [14]; неявный ценовой сговор [15]. Охарактеризуем эти факторы подробнее.

Раскрывая суть такого явления, как фальсификация балансовой отчетности, прежде всего важно отметить, что исследованием поведения компаний в информационном пространстве выведена типология поставщиков информации. Признаки группирования отчетной информации экономических субъектов — это достоверность информации (выраженная и скрытая) и ее доступность (общедоступная, служебная, публичная, конфиденциальная, информационный шум). Выделяют шесть типовых групп поставщиков информации и их образы, раскрывающие природу поведения субъектов каждой группы [13, с. 97]. При этом пять из шести типов экономических субъектов с высокой вероятностью предоставляют информацию с различной мерой неопределенности, которую следует рассматривать как информационное воздействие, направленное на манипуляцию сознанием лица, принимающего решения, и тем самым погружение его в среду неопределенности.

Преднамеренное банкротство с позиции поставщиков информации можно охарактеризовать как особый, неправомерный вид экономических отношений. По результатам количественной оценки, полученной на основе обработки информации экономической деятельности предприятий отрасли, Н. С. Васильева характеризует [14] три группы экономических субъектов: первая, — субъекты с низкой степенью вероятности преднамеренного банкротства, вторая — субъекты с высокой степенью вероятности преднамеренного банкротства, третья — субъекты с неопределенностью намерений по непрерывности деятельности. Указанный автор исследования подчеркивает, что невозможность однозначной оценки вероятности умышленного и скрытного характера несостоятельности третьей группы

субъектов приводит к усилению неопределенности и хаотичности экономических отношений на рынке.

Ценовой сговор экономических субъектов искусственно, без особых усилий и средств устраняет конкуренцию и приводит к стагнации экономики. Разработан модифицированный конструктивный подход к оценке вероятности существования неявного ценового сговора путем введения маркеров, определенных метрик, зависящих от степени концентрации рынка, темпа роста спроса, уровня дифференциации продукции, совокупной доли рынка производителей, жизненного цикла рынка отрасли, силы барьеров входа на рынки [15].

В создавшихся условиях естественным является развитие научного направления, связанного с количественной оценкой поведения рыночных субъектов в создаваемом информационном пространстве, при разделении их на поставщиков и потребителей информации [13, с. 144–145]. Возможности для выживания и развития экономической системы в среде неопределенности и хаоса зависят от компетентности потребителей информации, которые представлены типовыми моделями поведения: «лапласово», «марковское», «дарвинское» и «броуновское» [16]. Каждая приведенная модель характеризуется организацией познания субъектом деловой среды. Соединение моделей поведения экономических субъектов с развитием внутренней организации познания деловой среды: от реализма, рационализма, когнитивизма к конструктивизму, с парадигмами управления, сформулированными В. Е. Лепским [17], представлено в виде матричной карты, как видно на рисунке 1.

На рисунке 1 отражены «маршруты» продвижения развития знаний потребителей информации, которые вызваны переходом на новые парадигмы управления, ведущие к принципиальным изменениям представления о среде и об объекте, а также об управлении объектами в этой среде.

Итак, явление разрастающейся неопределенности вызвано отказом от детерминизма в оценке классических факторов полисубъ-

Метод познания Модель поведения	Реализм	Рационализм	Когнитивизм	Конструктивизм
Лапласово	«Субъект — объект»			
Марковское	«Субъект — объект»	«Субъект — объект»	«Субъект — субъект»	
Дарвинское	«Субъект — объект»	«Субъект — объект»	«Субъект — субъект»	«Субъект — полисуб. среда»
Броуновское				«Субъект — полисуб. среда»

Рис. 1. Матричная карта характеристики субъектов — потребителей информации

ектной внешней среды; вновь выявленными факторами по фальсификации отчетной информации и выведенными моделями потребителей информации, отличающимися внутренней организацией познания реальности окружающей среды. Для преодоления высокой степени неопределенности, по утверждению М. Рейнора [12, с. 161], «должен применяться особый инструментарий, который должен обеспечить стратегический выбор направлений действия системы в зависимости от сложившихся и возможных в будущем обстоятельств».

Формирование стратегии по методу «фокусированных, узких сценариев»

Сценарное планирование, по существу, представляет собой многофакторный эксперимент, организация которого основана на математической теории эксперимента, определяющей «условия оптимального проведения исследований при неполном знании сущности явления» [18, с. 145]. Многофакторные эксперименты характеризуются поэтапным достижением результата. Первым этапом сценарного планирования в работах [8; 19] рассматривается разработка стратегии, основанной на методе «фокусированных, узких сценариев», получившем развитие под влиянием разработок М. Портера по созданию каркаса из генерических стратегий [20]. Опыт множества известных компаний показал результативность такого сценарного направления при разработке стратегических решений по повышению конкурентоспособ-

ности бизнеса на кратко- и среднесрочный период. Более того, этот этап можно отнести к научению сценарному планированию по синтезу стратегических действий из некоторого каркаса генерических стратегий, вскрытию и преодолению противоречий между ними.

Исследовательский интерес представляют примеры составления стратегий по методологии «фокусированных, узких сценариев» компаний Toyota и McDonald's [21, с. 128–130]. Для устойчивого функционирования в среде, наполненной неопределенностью, менеджментом компаний создавался «плацдарм действий» из трех конкурентных стратегий: дифференциации, лидерства по издержкам и гибкого реагирования на изменения. Такая триада обоснована тем, что стратегии «лидерство по издержкам» и «дифференциация» обладают противоречием в действиях по достижению цели, а для разрешения этого противоречия вводится стратегия гибкого реагирования на изменения. Обнаруженное М. Мак-Дональдом [21] противоречие между приведенными стратегиями и установленный при этом способ его нейтрализации, исходя из опыта стратегического управления компаниями Toyota и McDonald's, находят отражение в матрице «Стратегическая направленность компаний», как показано на рисунке 2.

Смысл комбинаций стратегических решений компании Toyota состоит в следующем. Сначала стратегия компании была ориентирована на снижение издержек при производстве продукции среднего качества. Затем полученный за

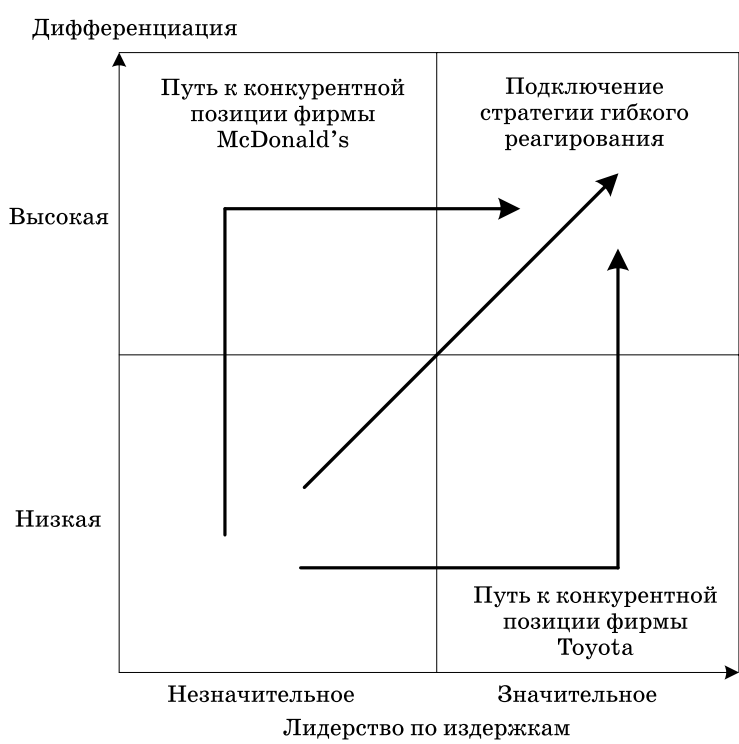

Рис. 2. Стратегическая направленность компаний McDonald's и Toyota на обеспечение конкурентного преимущества

счет преимуществ по затратам капитал вкладывается в разработки, обеспечивающие дифференциацию продукции (повышение уровня качества и расширение ассортимента). В итоге достигнут высокий уровень дифференциации. Несколько иная комбинация действий у компании McDonald's. Первоначально ее продукция отличалась уровнем высокой дифференциации, что позволило занять нишу качественных услуг рынка быстрого питания. Впоследствии, проводя модернизацию производственных процессов, достигнуто повышение производительности при одновременном удержании низких цен на усовершенствованную продукцию. Ориентация экономической системы на гибкое стратегическое управление, с точки зрения Дж. Хейзера и В. Рендера, представлена в виде раскрытия влияния генерических стратегий операционной деятельности на логистические стратегии [22, р. 33–39].

Составленную стратегию на основе комбинации стратегических действий с заложенными в них противоречиями определим как конвергентную. В теории стратегического управления смещение приоритета к гибкому управлению прослеживается в аспекте перехода от понятия гибридной стратегии к понятию интегрированной стратегии. Идея формировать стратегию в форме комбинации модулей из нескольких базовых стратегий заложена Г. Минцбергом и его соавторами в понятии «стратегия» как «последовательная, согласованная и интегрированная структура управленческих решений» [23, с. 237]. Классическое определение термина «интеграция» в качестве стороны «процесса развития, связанной с объединением в целое ранее разнородных частей и элементов», не отражает противоречий, заложенных в соединении модулей генерических стратегий.

На современном этапе развития науки управления для сведения процессов и технологий с разной направленностью к определенному целевому результату используется термин «конвергенция». В общенаучном контексте одним из принципов, «лежащим в основании конвергенции как процесса, выступает логика сглаживания конфликтов» [24], что и происходит при дифференциации товарного портфеля с одновременной модернизацией технологий производства. Процесс конвергенции стратегии на момент $t \in T$ представляет собой образование определенной целостности действий посредством «шнуровочного» перехода от одного стратегического модуля, входящего в стратегию N , к другому $(N + 1)$ или $(N + i)$ из набора стратегий (Ω) , ориентированных на определенный результат.

При создании любого организационного единства, в том числе за счет конвергенции, всегда содержится вопрос о «власти» некото-

рых действий над остальными. Будем следовать утверждению: «Если целое состоит из частей, которые имеют одинаковую власть, то организованное единство целого мало, так как и власть каждой части мала» [25, с. 54]. В исследовании конвергенции стратегических решений в качестве «властной», ведущей части принимается стратегия дифференциации, но любое решение по дифференциации увязывается с поиском способов снижения издержек и быстрой их материализации в технологическом цикле. Проявление «власти» стратегии дифференциации показано нами при построении архетипа конвергентной стратегии на рисунке 3.

Архетип управления процессом конвергенции отражает три взаимосвязанных контура: разработка генерической стратегии, разработка конвергентной стратегии, ее реализация. Процесс конвергенции включает в себя следующие шаги.

Шаг 1. Поиск идеи дифференциации — приоритетность такого действия развивается признанным «королем позиционирования» Дж. Трутом в книге «Дифференцируйся или умирай» [26].

Шаг 2. Дифференциация, которую необходимо осуществить раньше, чем подобное предложение реализуют конкуренты (дуга 1), учитывая, что «вопросы дифференциации одновременно являются фундаментальными проблемами стратегии бизнеса» [27, с. 254].

Шаг 3. Материализация идеи дифференциации посредством инновационных преобразований, введенных в стратегию гибкого реагирования (дуга 2).

Шаг 4. Оценивание эффективности каждого из решений с позиции сокращения издержек и продолжительности производственного цикла (дуга 3).

Шаг 5. «Сборка» действий для формирования вариантов конвергентных стратегий и оценка их экономической эффективности (дуги 4, 5, 6).

Шаг 6. Осуществление инновационных преобразований по созданию гибкой технологии, вызванных дифференциацией (дуги 7 и 8).

Шаг 7. Введение организационных изменений, обусловленных инновационными преобразованиями технологии, способствующими достижению снижения издержек (дуга 9).

Опытом конвергенции трех генерических (конкурентных — по М. Портеру) стратегий, проведенной по изложенному алгоритму в российской пивоваренной компании, подтверждена эффективность, достигнутая за счет стратегической гибкости, обеспечивающей синхронное следование производства продукции за изменением спроса. На рисунке 4 предлагаются стратегические решения, обеспечивающие направленность и совместимость во времени инновационных изменений, вносимых одновременно по каждой

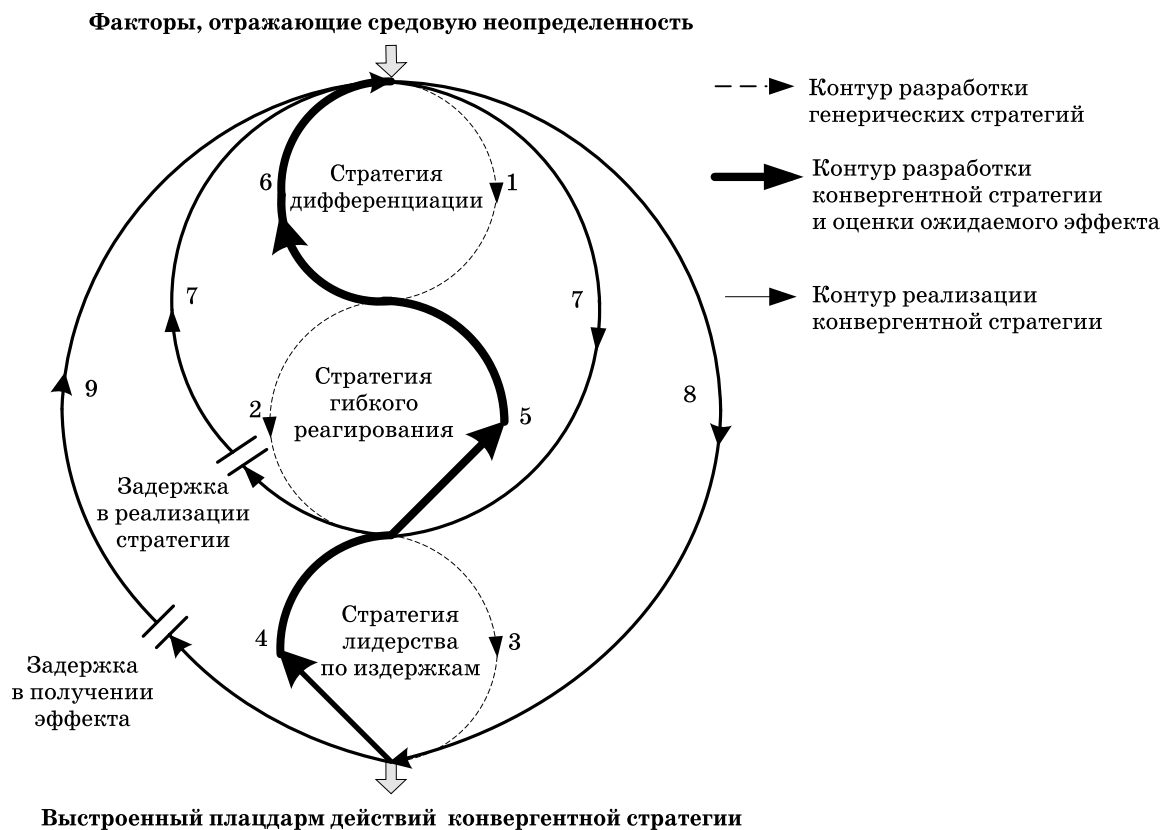

Рис. 3. Архетип формирования конвергентной стратегии

Рис. 4. Процесс конвергенции стратегических решений

генерической стратегии, и эффекты, полученные при реализации этих изменений.

Несмотря на преимущества сценарного планирования в управлении экономическими

системами, на которое обращают внимание авторы многих работ [8–10], главным препятствием для его широкого исполнения служит слабая восприимчивость менеджмента

Рис. 5. Модель из модулей механизма робастного управления

компаний к вызовам со стороны сложного, неопределенного и турбулентного окружения. Сценарное планирование и его этап составления конвергентной стратегии на базе методологии «фокусированных, узких сценариев» инициирует спрос на сложностное мышление [28], как на способность обеспечить робастную устойчивость бизнесу, действующему на грани порядка и хаоса. Раскрыть роль конвергентной стратегии в механизме робастного управления можно на примере модели, в которой элементами его структуры выступают модули выработки стратегических, тактических и оперативных решений, о чем свидетельствует рисунок 5.

На рисунке 5 находит отражение взаимосвязь АТ-гомеостаза с РТ-гомеостазом посредством специальной технологии выработки и координации управленческих решений. Модули механизма робастного управления находятся в постоянной перестройке и сборке

его элементов, начиная с конвергентной стратегии при подключении к ней тактических и оперативных решений для формирования «плавающего равновесия» функционирования экономической системы в оцифрованном гомеостатическом пространстве. «Плавающее равновесие» — модель действий по гибкой адаптации экономической системы к изменениям во внешней и внутренней среде, выступающая как временной аттрактор.

Заключение

Итак, построенная модель механизма робастного управления информационно подготовлена к интеграции со сценарным планированием, направленным на разработку возможных вариантов будущего экономической системы посредством глубокого анализа, оценки и методов преодоления разрастающейся неопределенности полисубъектной внешней среды.

Литература

1. Клейнер Г. Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Ч. 2 // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 117–128.
2. Reeves M., Levin S, Ueda. D. Think Biologically: Messy Management for a Complex World // Boston Consulting Group. 18 July. 2017. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/think-biologically-messy-management-for-complex-world.aspx>(дата обращения: 08.07.2019).
3. Алексеев М. А., Фрейдина Е. В. Тропин А. А. Понятийный каркас и модель механизма робастного управления экономическими системами // Вопросы управления. 2018. № 6. С. 72–83.
4. Алексеев М. А., Фрейдина Е. В. К теории гибкой адаптации экономических систем посредством робастного управления // Фундаментальные исследования. 2019. № 6. С. 7–17.
5. Прангишвили И. В. Системный подход и общесистемные закономерности. М.: СИНТЕГ, 2000. 528 с.
6. Пегат А. Нечеткое управление и моделирование / пер. с англ. А. Г. Подвесовского, Ю. В. Тюменцева. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 798 с.
7. Ламбен Ж. Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок / пер. с англ. под ред. В. Б. Колчанова. СПб.: Питер, 2008. 800 с.
8. Верити Дж. Сценарное планирование как стратегический инструментарий // Стратегия R820: учеб. пособие / пер. с англ. под ред. В. Н. Голубкина. Жуковский: МИМ Линк, 2015. С. 118–132.

9. Van Notten P. W. F., Rotmans J., van Asselt M. B. A., Rothman D. S. An Updated Scenario Typology // *Futures*. 2003. Vol. 35. No. 5. С. 423–443. [https://doi.org/10.1016/S0016-3287\(02\)00090-3](https://doi.org/10.1016/S0016-3287(02)00090-3).
10. Kosow H. The Best of Both Worlds? An Exploratory Study on Forms and Effects of New Qualitative-quantitative Scenario Methodologies. Stuttgart: Institut für Sozialwissenschaften der Universität Stuttgart. 2016. 419 p.
11. Алексеев М. А., Фрейдина Е. В., Хрущев С. Е. Неопределенность в управлении экономическими системами: природа, оценки и способы преодоления // *Экономика и управление*. 2018. № 8. С. 14–24.
12. Рейнор М. Е. Стратегический парадокс / пер. с англ. И. Р. Шафикова. М.: Юрайт, 2009. 399 с.
13. Алексеев М. А. Концепция информационного пространства финансового рынка. Новосибирск: НГУЭУ, 2017. 247 с.
14. Васильева Н. С. Исследование методик прогнозирования вероятности и выявления признаков преднамеренного банкротства организации // *Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления*. 2019. № 1. С. 103–133.
15. Лихутин П. Н., Каверина А. Е. Определение вероятности неявного ценового сговора в условиях неопределенности внешней среды: методический аспект // *Вестник Самарского государственного экономического университета*. 2019. № 4. С. 49–60.
16. Алексеев М. А., Фрейдина Е. В., Тропин А. А. Парадигмальный контекст развития робастного управления экономическими системами // *Идеи и идеалы*. 2018. Т. 2, № 4. С. 160–180. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-160-180.
17. Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. 107 с.
18. Грушко И. М., Сиденко В. М. Основы научных исследований. Харьков. Вища шк.; Изд-во при Харьк. ун-те, 1983. 224 с.
19. Бахру А., Вайни Г. Анализ внешнего окружения Стратегия R820: учеб. пособие / пер. с англ. под ред. В. Н. Голубкина. Жуковский: МИМ Линк, 2015. 136 с.
20. Портер М. Ю. Конкурентное преимущество. Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / пер. с англ. Е. Калининой. М.: Альпина Бизнес Букс. 2005. 715 с.
21. Мак-Дональд М. Стратегическое планирование маркетинга / пер. с англ. М. Бугаева. СПб.: Питер, 2000. 272 с.
22. Heizer J., Render B. Operations Management. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 2006. 809 p.
23. Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпл Д. Школы стратегий: Стратегический сафари: экскурсия по дебрям стратегий менеджмента / пер. с англ. Д. Раевской, Л. Царук. СПб.: Питер, 2000. 331 с.
24. Райков А. Н. Конвергентное управление и поддержка решений. М.: ИКАР. 2009. 245 с.
25. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. Е. Сурпиной. СПб.: Сенсор, 2000. 364 с.
26. Траут Дж., Ривкин Ст. Дифференцируйся или умирай / пер. с англ. С. Жильцова. СПб.: Питер. 2002. 334 с.
27. Грант Р. М. Современный стратегический анализ / пер. с англ. под ред. В. Н. Фунтова. СПб.: Питер. 2008. 560 с.
28. Свирский Я. И. Инновация и сложностное мышление // *Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности*. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 300–311.

References

1. Kleiner G. B. Sustainability of Russian economy in the mirror of the systemic economic theory (Pt. 2). *Voprosy ekonomiki*. 2016;(1):117–128. (In Russ.).
2. Reeves M., Levin S, Ueda. D. Think biologically: Messy management for a complex world. Boston Consulting Group, Henderson Institute. July 18, 2017. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/think-biologically-messy-management-for-complex-world.aspx> (accessed on 08.07.2019).
3. Alekseev M. A., Freidina E. V. Tropin A. A. The conceptual framework and model of the mechanism of robust control of economic systems. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2018;(6):72–83. (In Russ.).
4. Alekseev M. A., Freidina E. V. To the theory of flexible adaptation of economic systems through robust control. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2019;(6):7–17. (In Russ.).
5. Prangishvili I. V. Systematic approach and system-wide patterns. Moscow: SINTEG: 2000. 528 p. (In Russ.).
6. Piegat A. Fuzzy modeling and control. Transl. from Eng. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy; 2013. 798 p. (In Russ.).
7. Lambin J.-J. Market-driven management: Strategic and operational marketing. Transl. from Eng. St. Petersburg: Piter Publ.; 2008. 800 p. (In Russ.).
8. Verity J. Scenario planning as a strategy technique. In: R820 Strategy. Transl. from Eng. Zhukovsky: International Institute of Management LINK; 2015:118–132. (In Russ.).
9. Van Notten P. W. F., Rotmans J., van Asselt M. B. A., Rothman D. S. An updated scenario typology. *Futures*. 2003;35(5):423–443. DOI: 10.1016/S0016-3287(02)00090-3.
10. Kosow H. The best of both worlds? An exploratory study on forms and effects of new qualitative-quantitative scenario methodologies. Stuttgart: Institut für Sozialwissenschaften der Universität Stuttgart; 2016. 419 p. URL: https://elib.uni-stuttgart.de/bitstream/11682/9032/1/Kosow_2016_The_best_of_both_worlds_Dissertation.pdf.

11. Alekseev M. A., Freidina E. V., Khrushchev S. E. The nature, evaluation, and ways of overcoming uncertainty in economic systems management. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2018;(8):14–24. (In Russ.).
12. Raynor M. E. The strategy paradox: Why committing to success leads to failure (and what to do about it). Transl. from Eng. Moscow: Urait Publ.; 2009. 399 p. (In Russ.).
13. Alekseev M. A. The concept of the information space of the financial market. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. of Economics and Management; 2017. 247 p. (In Russ.).
14. Vasil'eva N. S. Study of methods for predicting the probability and identifying signs of intentional bankruptcy of an organization. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*. 2019;(1):103–133. (In Russ.).
15. Likhutin P. N., Kaverina A. E. Determination of the probability of implicit price collusion in conditions of environmental uncertainty: Methodological aspect. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Vestnik of Samara State University of Economics*. 2019;(4):49–60. (In Russ.).
16. Alekseev M.A., Freidina E.V., Tropin A.A. The paradigmatic context of the development of robust control of economic systems. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2018;2(4):160–180. (In Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2018-4.2-160-180.
17. Lepskii V. E. The evolution of management ideas (methodological and philosophical analysis). Moscow: Cogito-Centre; 2015. 107 p. (In Russ.).
18. Grushko I. M., Sidenko V. M. Basics of scientific research. Kharkov: Vishcha shkola; Kharkov Univ. Publ.; 1983. 224 p. (In Russ.).
19. Bahru A., Winey H. Analysis of the external environment. In: R820 Strategy. Transl. from Eng. Zhukovsky: International Institute of Management LINK; 2015. 136 p.
20. Porter M. E. Competitive advantage: Creating and sustaining superior performance. Transl. from Eng. Moscow: Alpina Business Books; 2005. 715 p. (In Russ.).
21. McDonald M. Strategic marketing planning: A state of the art review. Transl. from Eng. St. Petersburg: Piter Publ.; 2000. 272 p. (In Russ.).
22. Heizer J., Render B. Operations management. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall; 2006. 809 p.
23. Mintzberg H., Ahlstrand B., Lampel J. Strategy safari: A guided tour through the wilds of strategic management. Transl. from Eng. New York: Free Press; 1998. 416 p. (In Russ.).
24. Raikov A. N. Converged management and solution support. Moscow: IKAR; 2009. 245 p. (In Russ.).
25. Lewin K. Field theory of social science: Selected theoretical papers. Transl. from Eng. St. Petersburg: Sensor; 2000. 364 p. (In Russ.).
26. Trout J., Rivkin S. Differentiate or die: Survival in our era of killer competition. Transl. from Eng. St. Petersburg: Piter Publ., 2002. 334 p. (In Russ.).
27. Grant R. M. Contemporary strategy analysis. Transl. from Eng. St. Petersburg: Piter Publ., 2008. 560 p. (In Russ.).
28. Svirskiy J. I. Innovation and complexity thinking. In: Synergetic paradigm. Synergetics of innovative complexity. Moscow: Progress-Traditsiya; 2011:300–311. (In Russ.).

О СОЗДАНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР

DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-107-113

УДК 339.137

Гаврилов Андрей Евгеньевич

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а

Жуков Евгений Александрович

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а
e-mail: proekt@delisneva.ru

Цель. Изучение, анализ, систематизация научных знаний в сфере инфраструктурных систем по формированию условий создания конкурентоспособных современных предприятий на основе IT-технологий.

Задачи. Дать определение инновационной инфраструктуры; проанализировать внешнюю и внутреннюю среду обеспечения инфраструктуры конкурентоспособности предпринимательских структур; выявить особенности формирования теоретических основ системы инфраструктурного обеспечения конкурентоспособности предпринимательских структур; исследовать потенциал цифровизации экономики в инфраструктурном обеспечении создания конкурентоспособности предпринимательских структур.

Методология. С помощью общих методов научного познания осуществлен критический анализ современных механизмов инфраструктурного обеспечения конкурентных преимуществ инновационно ориентированных предпринимательских структур.

Результаты. Изучены внешние институты-участники инновационного процесса в России, проведена их типизация, выделены отличительные черты, описана история их формирования и роль в инфраструктуре. Исследовано понятие инфраструктурного обеспечения. Установлена связь инновационной инфраструктуры с созданием конкурентных преимуществ предпринимательских структур.

Выводы. На базе изученного материала в статье охарактеризованы перспективы использования современных информационных технологий в проектировании инфраструктуры инновационных проектов. Даны рекомендации по трансформации институтов поддержки конкурентоспособности и модернизации менеджмента внутренних элементов инфраструктуры инновационного предпринимательства в условиях цифровизации экономики. Формируются предпосылки создания продвинутого цифрового приложения, которое объединит и сбалансирует множество данных и аспектов по инфраструктурному обеспечению конкурентоспособности предпринимательских структур, повысит эффективность разработки инновационных проектов, их реализации и управления конкурентоспособностью предпринимательской структуры.

Ключевые слова: инновации, инновационная инфраструктура, управление конкурентоспособностью, предпринимательские структуры, цифровая экономика.

Для цитирования: Гаврилов А. Е., Жуков Е. А. О создании конкурентоспособных предпринимательских структур // Экономика и управление. 2019. № 9 (167). С. 107–113. DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-107-113.

ON THE CREATION OF COMPETITIVE BUSINESS STRUCTURES

Andrey E. Gavrilov

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103

Evgeniy A. Zhukov

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103, e-mail: proekt@delisneva.ru

Aim. The presented study aims to examine, analyze, and systematize scientific knowledge in the field of infrastructure systems for the formation of conditions for creating competitive modern enterprises based on IT technologies.

Tasks. The authors define the concept of innovation infrastructure; analyze the external and internal environment of providing a competitive infrastructure for business structures; determine the specific aspects of the formation of theoretical foundations of infrastructure support for the competitiveness of business structures; examine the potential for the digitalization of the economy in the infrastructure support for the creation of competitiveness of business structures.

Methods. This study uses general scientific methods of cognition to critically analyze modern mechanisms of infrastructure support for the competitive advantages of innovation-oriented business structures.

Results. External institutions participating in the innovation process in Russia are examined and typified. Their specific features are identified, and the history of their formation and role in the infrastructure are described. The concept of infrastructure support is examined. A correlation between innovation infrastructure and the creation of the competitive advantages of business structures is established.

Conclusions. Based on the examined materials, the authors describe the prospects of using modern information technologies in the design of infrastructure for innovative projects. The study provides recommendations for the transformation of competitiveness support institutions and modernization of the management of the internal elements of innovative business infrastructure in the context of the digitalization of the economy. The authors create prerequisites for the development of an advanced digital application that would combine and balance a lot of data and aspects of infrastructure support for the competitiveness of business structures, improving the efficiency of development of innovative projects, their implementation, and management of business structure competitiveness.

Keywords: *innovation, innovation infrastructure, competitiveness management, business structures, digital economy.*

For citation: Gavrilov A. E., Zhukov E. A. On the Creation of Competitive Business Structures. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2019;(9):107–113. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-107-113.

Конкуренция — один из пяти базовых элементов теории рыночной экономики — наряду с частной собственностью, правом выбора, личными интересами и системой цен играет важную роль. Конкурентоспособность напрямую относится к уровню успешности деятельности организации, объективно являясь обобщающим критерием качества работы системы функционирования предпринимательской структуры в целом. Существует ряд взаимосвязанных обслуживающих структур и объектов, составляющих и обеспечивающих основу функционирования системы конкурентоспособности, — инновационная инфраструктура.

Конкурентоспособность и инновации находятся в сильной связи, поскольку в экономической борьбе побеждает тот, кто всегда нацелен на развитие, открытие и применение новых, более совершенных подходов, максимальную систематизацию и анализ происходящего, а также высвобождение внутреннего потенциала имеющихся ресурсов. Добиться высоких результатов возможно при условии использования нововведения или доработки имеющегося подхода. По сути, инновационной может считаться любая, ранее не используемая, введенная новация, позволяющая получить повышение эффективности тех или иных процессов функционирования организации. Решения, которые приводят к наибольшему положительному результату, являются, как правило, новаторскими, так как они имеют

существенное отличие в содержании от применяемых конкурентами методов, что ведет к качественному повышению эффективности работы.

Для реализации инновационной деятельности, особенно наукоемкой и рискованной, необходима некая система институтов, формирующих благоприятную среду и условия для создания, осуществления нововведений компаниями. Эта система — инновационная инфраструктура. С развитием IT-технологий появился широкий набор инструментов, которые позволяют осуществлять инфраструктурное обеспечение деятельности предприятия на ином, более высоком уровне качества. Сегодня Россия находится вблизи четвертой промышленной революции. Мы неминуемо движемся к инновационному будущему, когда основные рабочие процессы будут проходить автономно, а люди всего лишь станут обеспечивать функционирование различных автоматизированных комплексов [1].

Рассуждая о термине «инновация» и его сущности, можно констатировать, что это — введенное, ранее не применявшееся решение, обеспечивающее повышение эффективности определенных процессов и характеристик деятельности, отражающихся на реализации продуктов, востребованных рынком [2]. По своей сути инновационная экономика — разновидность экономической деятельности, опирающейся на новшества, значительно изменяющие технологию или ее часть. Кардинальные

новшества приносят экономию в долгосрочной перспективе, повышение операционной эффективности, привлечение альтернативных путей решения задач.

Инфраструктура понимается как совокупность структур и объектов обеспечения, формирующих основу функционирования системы в целом [3]. Иными словами, речь идет о системе человеческих, технических, финансовых, организационных и административных ресурсов, позволяющих реализовывать производственную или иную деловую деятельность предпринимательской структуры, предприятия. Инновационная инфраструктура — это часть инфраструктурной подсистемы, обеспечивающая инновационную специфику деятельности предприятия; это совокупность специальных институтов, формирующих благоприятную среду и условия осуществления нововведений компаниями (включая специализированные инновационно ориентированные организации), опираясь на законы экономической эффективности национальной экономики, а также ее субъектов в условиях рыночной борьбы [3].

В широком понимании инновационная инфраструктура включает в себя спектр частных и государственных элементов, обеспечивающих поддержание и развитие инновационной деятельности организаций. Структуру составляют объединения, предприятия, фирмы, другие организации, покрывающие весь цикл реализации инновационной деятельности, начиная от генерации, проработки идеи и заканчивая продажей или реализацией наукоемкой продукции. В России инновационная инфраструктура включает в себя:

- научные парки и технопарки, представляющие собой территорию со строениями и высококласными условиями для размещения компаний, научно-исследовательских институтов и лабораторий, проведения научных исследований и разработки технологий в целях коммерциализации их результатов [4];
- инновационно-технологические центры, то есть имущественный комплекс, сдаваемый в аренду малым и средним предприятиям; центр оказывает технологические, информационные, консультационные, иные услуги, а также содействует коммерциализации результатов инновационной деятельности данных предприятий [5];
- учебно-деловые центры, которые осуществляют комплексную консультационную поддержку молодежных и студенческих инновационных проектов, развивают навыки проектирования и предпринимательства [6];
- технологические инкубаторы и бизнес-инкубаторы, с помощью которых государство и предпринимательские структуры форми-

руют благоприятную инвестиционную и финансовую среду: предоставляют льготные кредиты и частичную выплату задолженностей, содействуют вводу экономичных производственных технологий, интенсификации связей между регионами национальной экономики [7].

Рассматривая понятие инновационной инфраструктуры детальнее, можно обнаружить в ее строении комплекс специальных организаций, инструментов и ресурсов, формирующих инвестиционное, деловое, информационное, организационное, методическое, техническое и материальное обеспечение инновационной деятельности компании-субъекта [8]. При этом, помимо внешней инфраструктуры (специальных органов, объединений и условий деятельности — макросреды) существует и внутренняя инновационная инфраструктура (микросреда). Подразумевается, скорее, уровень возможностей предприятия по изучению среды, выработке, созданию и реализации инноваций в своей деятельности. Внутренняя среда может иметь и специальные органы по развитию инновационной деятельности предприятия, а также самостоятельные центры, занимающиеся созданием собственных инновационных проектов.

На уровне макросреды инновационная инфраструктура формируется из таких элементов, как инновационное законодательство и правовые механизмы, обеспечивающие правоприменительную практику в инновационной сфере на различных уровнях. Она включает в себя стратегическую регламентацию, которая раскрывает инновационную политику государства. Формируясь на микроуровне, инновационная инфраструктура решает задачи сопровождения инновационной деятельности ряда предприятий. Она является более узко специализированной и прикладной. В состав инфраструктуры инновационной деятельности предприятия входят следующие элементы:

- 1) нормативно-правовая подсистема инновационной инфраструктуры хозяйствующего субъекта представлена совокупностью федеральных и региональных законов, нормативно-правовых актов, правил и положений, прямо или косвенно регулирующих вопросы организации инновационной деятельности;
- 2) финансовая подсистема — бюджетные организации и различные типы фондов, бюджетные, внебюджетные, инвестиционные, страховые, венчурные;
- 3) производственно-технологическая подсистема инфраструктуры инновационной деятельности предприятия представлена инновационно-технологическими центрами, бизнес-инкубаторами, технопарками и т. п.;

- 4) кадровая подсистема инновационной инфраструктуры включает в себя вузы и другие учреждения образования, проводящие подготовку и переподготовку компетентных кадров в сферах инновационного и научного менеджмента, маркетинга, а также технологического аудита;
- 5) информационная подсистема инновационной инфраструктуры предприятия состоит из баз знаний и данных, центров доступа, информационных, статистических и аналитических центров, оказывающих соответствующие услуги;
- 6) экспертно-консалтинговая подсистема инфраструктуры инновационной деятельности субъекта хозяйствования может быть представлена организациями, оказывающими услуги по вопросам сертификации, стандартизации, интеллектуальной собственности, а также центрами консалтинга, специализирующимися и на таких сферах, как маркетинг, инвестиции, управление, финансы и пр.

Состав инновационной инфраструктуры предприятия определяется совокупностью инновационно ориентированных подразделений, человеческих ресурсов, денежных источников, материального и технического обеспечения, интеллектуальных ресурсов, других средств увеличения результативности инновационной деятельности [8]. Важно понимать, что ориентированной на инновации компанией называется такая организация, деятельность которой происходит в проектной форме. Результат ее работы — уникальный по своим свойствам продукт [9]. Наиболее важным аспектом в создании инфраструктуры выступает система целей, задач и ролей социальных, экономических и научно-технических сфер инновационной деятельности. Грамотные цели и их реализация в виде отдельных задач делают необходимым формирование эффективных структур и элементов, осуществляющих специальные функции по решению задач. Чем более универсальны, скоординированы и обеспечены элементы этой структуры, тем эффективнее происходит реализация нововведений [10].

Главное — это не количество институтов инфраструктуры, а их связь и взаимодействие. Инновационный проект нуждается в правильном обеспечении и поддержке на каждом этапе жизни, от разработки до реализации: институты формируют первичные идеи, банки инвестируют средства, консалтинговые и аудиторские фирмы изучают ситуацию на рынке, а также прогнозируют эффект от нововведений и механизм их реализации. Инновационные центры, в свою очередь, обеспечивают взаимосвязь участников процесса создания и реализации инновации и предоставляют различного рода ресурсы [10].

С точки зрения конкурентоспособности инновационная инфраструктура имеет базовую роль, являясь фундаментом для формирования конкурентных преимуществ, посредством предоставления возможностей поиска, создания и реализации новых решений в системе процессов производственной деятельности. Конкурентоспособность предпринимательской структуры составляют три основных элемента, обеспечивающих преимущества в соперничестве — доля рынка (стратегическое позиционирование), операционная эффективность (рентабельность системы производства) и инновационный потенциал (степень развитости инновационной деятельности). Основываясь на работах В. А. Кунина [11] и собственных исследованиях, полагаем, что именно такие три элемента выражают уровень конкурентоспособности предприятия [12]. Данные элементы могут быть описаны через систему показателей:

$$D_p = Q_n / Q_{\text{общ}} \times 100 \%, \quad (1)$$

где D_p — доля рынка по объемам продаж, %;
 Q_n — объем продаж анализируемой компании, руб.;

$Q_{\text{общ}}$ — общий объем продаж на рынке, руб.

$$r = \text{ЕВІТ} / \text{СЕБ}_{\text{полн}} \times 100 \%, \quad (2)$$

где r — операционная эффективность, %;

$\text{СЕБ}_{\text{полн}}$ — включает в себя $\text{РАСХ}_{\text{пр/пр}}$ (прямые производственные расходы, руб.); $\text{РАСХ}_{\text{упр/ком}}$ (управленческие и коммерческие расходы, руб.); $\text{РАСХ}_{\text{проч}}$, $\text{ДОХ}_{\text{проч}}$ (прочие расходы и доходы, руб.).

$$K_{\text{ин}} = 0,42 \times K_{\text{ис}} + 0,29 \times K_{\text{ви}} + 0,29 \times K_{\text{ип}}, \quad (3)$$

где $K_{\text{ин}}$ — коэффициент инновационного потенциала предпринимательской структуры;

$K_{\text{ис}}$ — коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью;

$K_{\text{ви}}$ — показатель важности инновационной деятельности для предпринимателя;

$K_{\text{ип}}$ — показатель доли продаж инновационных продуктов [11].

Контроль, изучение и управление данными показателями с помощью грамотного и эффективного использования ресурсов внутренней и внешней среды, через отделы основной и вспомогательной систем деятельности организации, значительно повысят конкурентоспособность предпринимательской структуры [12]. Именно в этом и состоит роль системы инфраструктурного обеспечения конкурентоспособности структуры: предоставить наиболее удобные и эффективные средства точного сбора и считывания данных, глубокого структурного и факторного анализа параметров, связывания и систематизации их совместной работы; расчет результатов.

Среди управленцев-практиков и в экспертном сообществе давно обсуждается вопрос о необходимости «технологического рывка», массового внедрения научных инноваций в российскую промышленность. Цель — уйти от экспорта нефти и газа, сформировать множество наукоемких производств, которые создают товары с большой прибавочной стоимостью. Поэтому вопросы внедрения технических новаций, их поддержки остаются весьма актуальными в нашей стране. Ситуация осложняется тем, что вследствие санкций, снижения покупательной способности населения денег у предприятий становится меньше, кредиты на покупку оборудования получить все сложнее. В результате падает спрос на инновационную продукцию со стороны предприятий [13]. Вместе с тем на экономике страны отражаются новые факторы развития общества: глобализация и цифровизация.

В этих условиях растут требования к эффективности работы государственных и коммерческих структур, участвующих в инновационном процессе. Необходимо налаживать взаимодействие этих структур с предпринимателями и между собой, совершенствовать управление ими, ставить единые цели для участников инновационного процесса. В итоге цель такой деятельности — сократить сроки внедрения научных разработок, облегчить коммерциализацию инноваций, обеспечить финансовую заинтересованность новаторов в своей работе. Как отражение процесса цифровизации, в 2013 г. в России создан венчурный Фонд развития интернет-инициатив, оказывающий финансовую поддержку ИТ-компаниям в сети Интернет.

Субъекты, разрабатывающие инновации — это вузы и научно-исследовательские институты (НИИ), а также научно-производственные кластеры. Такой кластер может включать в себя компактно расположенные НИИ или вузы, а также поставщиков товаров и компании, занимающиеся инженерно-техническими услугами. Существенная роль в инновационной деятельности отводится бизнес-инкубаторам, технопаркам. В технопарк входят научные институты, вузы, офисные центры, выставочные комплексы и промышленные предприятия. Особенность технопарка — близость «интеллектуального центра» инноваций и места непосредственного производства продукции. Один из самых успешных технопарков расположен в новосибирском Академгородке, семнадцать технопарков находятся на территории Большой Москвы.

Национальная инновационная система включает в себя различных финансовых посредников между новаторами и заказчиками услуг. В их число входят, например, венчурные фонды,

которые занимаются инвестициями в рискованные, но потенциально доходные проекты, например, технологические стартапы. Инновационные процессы дают возможность создавать новые решения для оптимизации деятельности и укрепления позиций хозяйствующего субъекта, более полно удовлетворяющего потребности клиентов. Конкурентоспособность предприятий образует совокупный уровень конкурентоспособности национальной экономики. Из этого следует, что налаживание рассмотренных процессов — в интересах всех сторон общества: потребителей, производителей и государства.

Обобщая проведенные исследования в сфере инфраструктурного обеспечения создания конкурентоспособности предпринимательской структуры, можно сделать следующие выводы. Инфраструктура — комплекс специальных структур обеспечения, а также объектов, формирующих основу функционирования рассмотренной системы. Иными словами, система человеческих, технических, финансовых, организационных и административных ресурсов, позволяющих реализовывать производственную или иную деловую деятельность предпринимательской структуры, предприятия.

Инновационная инфраструктура — часть инфраструктурной подсистемы, обеспечивающая инновационную специфику деятельности предприятия. Она определяется как совокупность специальных институтов, представляющих благоприятную среду для создания и осуществления нововведений компаниями. Инновационную инфраструктуру можно условно разделить на внешнюю (макросреда) и внутреннюю (микросреда). Внешняя инновационная инфраструктура представлена спектром частных и государственных организаций, обеспечивающих поддержание и развитие инновационной деятельности. Состав внутренней инновационной инфраструктуры предприятия определяется совокупностью инновационно ориентированных подразделений, их финансирования, материального и технического обеспечения, человеческих ресурсов, а также продуктов интеллектуальной деятельности и других источников повышения результативности инновационной деятельности.

Основу системы инфраструктурного обеспечения составляет то, насколько качественно эти подразделения организации работают вместе. От этого зависит успешность нововведений. Финансирование, грамотное оформление, быстрое понимание технических мероприятий, подбор оптимальных человеческих ресурсов, выбор партнеров и прогнозирование эффекта значительно повысят эффективность реализации инноваций. Инфраструктура создает условия и дает возможность разрабатывать, реализовывать и развивать инновационные проекты.

Главная задача исследований в данной сфере, по мнению авторов, — объединение всех внешних и внутренних элементов в единую систему инфраструктуры, отображающую необходимые для осуществления проекта ресурсы.

Роль системы инфраструктурного обеспечения конкурентоспособности состоит в предоставлении наиболее удобных и эффективных средств точного сбора, считывания данных, глубокого структурного и факторного анализа параметров, связывания и систематизации их совместной работы. Каждый элемент системы инфраструктурного обеспечения отвечает за определенный аспект реализации необходимых проектов по повышению конкурентоспособности. Создаваемая инфраструктура должна быть универсальной, удобной, организованной, всеобъемлющей, объективной, наглядной, понятной, гибкой и интуитивной для человеческого осознания. Такие свойства обеспечат наиболее точные данные, быструю реакцию, возможность факторного анализа и универсального поиска источников проблем, а также применение аналогий и знаний из других сфер науки.

Современные возможности IT-технологий способствуют созданию таких инфраструктур. Цифровая экономика и облачные технологии позволяют вести дела быстро, на дистанции и точно. Например, нейронная сеть способна выполнять сложные вычисления, факторный анализ и прогнозирование влияния тех или иных изменений в организации на конкурентоспособность. Умные базы данных дадут возможность видеть и анализировать работу организации со стороны и совокупно, с точки зрения потребителя. Системы цифровых коммуникаций и медиа позволят специалистам на совершенно ином уровне сотрудничать внутри предприятия и с внешними агентами, более глубоко понимая ситуацию и механизм функционирования рыночной среды.

Анализ показал, что к основным перспективам применения современных информаци-

онных технологий в инфраструктурном обеспечении конкурентоспособности инновационно ориентированной предпринимательской структуры целесообразно отнести расширенный поиск источников информации; организацию продвинутых систем коммуникации с партнерами; значительное повышение вычислительных и производственных мощностей; интеграцию систем коммуникации с другими подсистемами менеджмента; разработку с партнерами динамической интерактивной модели конкурентоспособности предпринимательской структуры с учетом ее экономических, социальных и других характеристик; адаптацию полученных сведений и выработанных управленческих решений для универсального усвоения специалистами любых отделов и инвесторами и др.

Полагаем, с учетом изложенных перспектив целесообразно создание специального цифрового приложения, которое объединит и сбалансирует множество данных и аспектов по инфраструктурному обеспечению конкурентоспособности предпринимательских структур. Приложение будет анализировать необходимые ресурсы, динамику рынка, изменения, происходящие внутри организации, и представлять полезные выводы в удобном для восприятия виде. Это позволит интегрировать инновационные проекты в деятельность остальных подразделений предприятия, представить универсальные данные о проекте для партнеров и персонала, а также связать проект с системой экономических показателей предприятия, организовать автоматический расчет основных экономических показателей и, наконец, создать гибкую и достоверную модель конкурентоспособности компании. Вследствие перечисленных нововведений повысится эффективность разработки инновационных проектов, их реализации и управления конкурентоспособностью предпринимательской структуры.

Литература

1. *Воннегут К.* Механическое пианино / пер. с англ. М. А. Брухнова. М.: АСТ, 2016. 416 с.
2. *Большая Российская энциклопедия.* В 35 т. Т. 11 / отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. 767 с.
3. *Инфраструктура* [Электронный ресурс] // Глоссарий.ру. URL: [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIt\(wgxywzqyzwg](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIt(wgxywzqyzwg) (дата обращения: 17.04.2019).
4. *Костюнина Г. М., Баронов В. И.* Технопарки в зарубежной и российской практике // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 3. С. 91–99.
5. *Грибовский А. В.* Инновационно-технологические центры как субъекты инновационной инфраструктуры Российской Федерации // Наука. Инновации. Образование. 2010. № 9. С. 156–169.
6. *Мильчанин Е. В.* Учебно-деловой центр развития инновационного проектирования и предпринимательства молодежи [Электронный ресурс] // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки: сб. ст. по материалам VI междунар. студ. науч.-практ. конф. 2013. № 6 (6). С. 174–180. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/6\(6\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/6(6).pdf) (дата обращения: 25.05.2019).
7. *Шестов А. Г., Болдырев М. Н.* Применение бизнес-инкубатора для наполнения инновационного кластера на примере Ступинского района // Наукоеведение: интернет-журнал. 2013. № 4 (17). С. 88. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/89evn413.pdf> (дата обращения: 25.05.2019).

8. Харламов А. В., Харламова Т. Л. Глобализация и системные изменения в управлении российской экономикой // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С. 121–124.
9. Звездичев Г. Ю. Обеспечение качества проекта на инновационно ориентированном предприятии [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2015. № 10. С. 7–17. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/10/9870> (дата обращения: 08.02.2019).
10. Каленская Н. В. Инфраструктурное обеспечение инновационной деятельности // Российское предпринимательство. 2007. Т. 8. № 7–2. С. 55–58.
11. Кунин В. А., Тарутко О. А. Система показателей конкурентоспособности предпринимательских структур // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 65–68.
12. Гаврилов А. Е. Экономическая сущность конкурентоспособности в эпоху цифровизации экономики // Современный менеджмент и экономика: проблемы и перспективы развития: сб. тр. конф. СПб.: Астерион, 2019. С. 38–42.
13. Харламов А. В., Адаменко К. В. Новая конкурентоспособность хозяйствующих субъектов и проблема обеспечения экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 2 (98). С. 13–16.

References

1. Vonnegut K., Jr. Player piano. Transl. from Eng. Moscow: AST Publ.; 2016. 416 p. (In Russ.).
2. Great Russian Encyclopedia (in 35 vols). Vol. 11. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 2008. 767 p. (In Russ.).
3. Infrastructure. Glossary.ru. URL: [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIt\(wgxywzqyzwg](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RIt(wgxywzqyzwg) (accessed on 17.04.2019). (In Russ.).
4. Kostyunina G. M., Baronov V. I. Technoparks in foreign and Russian practice. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2012;(3):91–99. (In Russ.).
5. Gribovskii A. V. Innovation and technology centers as agents of the innovation infrastructure of the Russian Federation. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie = Science. Innovation. Education*. 2010;(9):156–169. (In Russ.).
6. Mil'chanin E. V. Training and business center for the development of innovative design and youth entrepreneurship. In: Youth scientific forum: Social and economic sciences. Proc. 6th Student int. correspond. sci.-pract. conf. 2013:174–180. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/6\(6\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_social/6(6).pdf) (accessed on 25.05.2019). (In Russ.).
7. Shestov A. G., Boldyrev M. N. The use of a business incubator for filling the innovation cluster on the example of Stupino district. *Internet-zhurnal Naukovedenie*. 2013;(4):88. URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/89evn413.pdf> (accessed on 25.05.2019). (In Russ.).
8. Kharlamov A. V., Kharlamova T. L. Globalization and systemic changes in the management of the Russian economy. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*. 2015;(2):121–124. (In Russ.).
9. Zvezdichev G. Yu. Ensuring quality of the project at the innovative focused enterprise. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii = Economics and Innovations Management*. 2015;(10):7–17. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2015/10/9870> (accessed on 08.02.2019). (In Russ.).
10. Kalenskaya N. V. Infrastructure support for innovative activities. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2007;8(7-2):55–58. (In Russ.).
11. Kunin V. A., Tarut'ko O. A. The system of indicators of competitiveness of business structures. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*. 2018;(1):65–68. (In Russ.).
12. Gavrilov A. E. The economic essence of competitiveness in the era of digitalization of the economy. In: Modern management and economics: Problems and development prospects. Proc. conf. St. Petersburg: Asterion; 2019:38–42.
13. Kharlamov A. V., Adamenko K. V. New competitiveness of economic entities and the problem of ensuring economic security. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2016;(2):13–16. (In Russ.).

ПЕРВОКУРСНИКОВ СПБУТУиЭ–2019 ПРИВЕТСТВОВАЛИ В АНИЧКОВОМ ДВОРЦЕ

30 августа в зале «Карнавал» Аничкова дворца состоялось торжественное празднование Дня первокурсника Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (СПБУТУиЭ). Зал «Карнавал» Аничкова дворца — одна из самых популярных юношеских площадок Санкт-Петербурга.

Со словами напутствия и поздравлениями к первокурсникам обратились почетные гости церемонии: заместитель председателя Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга В. Т. Гайдей, председатель Комитета по законодательству Законодательного собрания Санкт-Петербурга Д. А. Четырбок, директор Института лингвистических исследований РАН, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН Е. В. Головкин, директор Института проблем региональной экономики РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор СПБУТУиЭ С. В. Кузнецов, директор департамента по работе с членами Ленинградской областной торгово-промышленной палаты Ю. Н. Голубь, директор макрорегиона «Северо-Запад» Tele 2 С. В. Тимошин, генеральный директор ООО «Комгрупп Холдинг» А. Ю. Кривошеев, директор управления продаж государственному сектору Северо-Западного банка ПАО «Сбербанк России» И. С. Разумова. Почетным гостем на торжественном мероприятии стал представитель Далянского Университета, с которым СПБУТУиЭ активно развивает партнерские связи, — доктор социологии, почетный профессор Далян-

ского Университета, учредитель международного образовательного центра «Оккервиль» Шэн Тецзянь.

Первым по традиции к участникам торжества обратился ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики О. Г. Смешко:

— Дорогие первокурсники! Вам выпало большое счастье учиться в одном из красивейших городов мира — Санкт-Петербурге. Петербург — один из ведущих научных и образовательных центров России. И одной из составляющих этого гигантского научного комплекса является наш университет.

Заместитель председателя Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга В. Т. Гайдей зачитал первокурсникам поздравление временно исполняющего обязанности

губернатора Санкт-Петербурга, доктора экономических наук А. Д. Беглова. В. Т. Гайдей пожелал студентам успешно учиться и приобрести желанную профессию.

— Университет имеет множество партнеров, — отметил председатель Комитета по законодательству Законодательного собрания Санкт-Петербурга Д. А. Четырбок, — поэтому самые лучшие буквально с вручением диплома получают приглашение на работу, в том числе и в органы власти. Поверьте, это — самый важный вам подарок.

Одной из традиций университета является проведение ежегодного конкурса в целях выявления лучших из лучших в профессиональной сфере. Дипломы победителям номинаций «Лучший институт головного вуза», «Лучший региональный институт», «Лучшая кафедра головного вуза» и «Лучший преподаватель» по итогам 2018–2019 учебного года вручила первый проректор — проректор по учебно-методической работе и качеству образования студентов СПбУТУиЭ, кандидат технических наук, доцент С. В. Авдашкевич. Еще одна неизменная традиция университета — передача первокурсникам символического «ключа знаний» представителями Студенческого совета. Старшие товарищи приняли молодое поколение в свое братство, пожелав им удачи и интересных студенческих лет. Закончилось торжество под звуки гимна студенчества «Гаудеамус».

После этого зал заполнился новыми первокурсниками — на торжественную церемонию пришли учащиеся колледжа СПбУТУиЭ.

С началом новой студенческой жизни первокурсников поздравили ректор СПбУТУиЭ О. Г. Смешко и директор колледжа С. С. Леванова. Почетными гостями церемонии стали директор «Газпром»-Академии «Зенита» А. В. Давыдов, первый заместитель генерального директора Холдинга «Ленполиграфмаш» по экономике и финансам О. Б. Аширметова, директор СПб ГБПОУ «Академия управления городской средой, градостроительства и печати» А. М. Кривоносов.

О. Б. Аширметова, поздравляя первокурсников, подчеркнула, что их поступление в колледж СПбУТУиЭ — это, возможно, первый ответственный шаг в жизни.

— Пусть образование, которое вы получите, станет базисом, фундаментом всей вашей будущей карьеры, — пожелала Ольга Борисовна.

Преподаватели колледжа СПбУТУиЭ — высококвалифицированные специалисты и опытные педагоги. Первый проректор — проректор по учебно-методической работе и качеству образования студентов С. В. Авдашкевич вручила представителям педагогического состава грамоты за добросовестный труд, профессионализм и педагогический талант. Для того, чтобы первокурсники колледжа смогли почувствовать себя частью большого дружного коллектива с первого дня обучения, старшие товарищи торжественно передали им символический ключ знаний.

РЕКТОР СПБУТУиЭ ОЛЕГ СМЕШКО ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ФОРУМЕ СОТРУДНИЧЕСТВА «ОБРАЗОВАНИЕ. БИЗНЕС. КУЛЬТУРА–2019»

Форум, который состоялся 11–12 сентября 2019 г. в Новосибирске, был направлен на развитие международного делового сотрудничества в вопросах экспорта образования, развития бизнеса и культуры.

Открылся форум пленарным заседанием «Открытый диалог», на котором присутствовали представители законодательной и исполнительной власти, бизнес-структур и культурной сферы, а также чрезвычайные и полномочные послы зарубежных государств — республик Бенин, Габон, Камерун, Колумбия, Лаос, Нигерия, Руанда, Сенегал, Судан и др. Участники обсудили актуальные вопросы международного сотрудничества, в том числе в сфере образования и культуры, эффективности международных и внешнеэкономических связей.

Интерес у участников форума вызвали тематические сессии «Перспективы инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества», «Кросс-культурное сотрудничество» и ключевая сессия «Экспорт образования». Сотрудники дипломатических служб из стран Юго-Восточной и Средней Азии, Африки, Республики Беларусь, представителей вузов, а также крупных российских рекрутинговых агентств и образовательных центров обсуждали вопросы совершенствования миграционного законодательства РФ, возможности программ адаптации, условия пребывания и проживания иностранных студентов в Российской Федерации.

По приглашению ректора Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ), доктора физико-математических наук, профессора М. П. Федорука ректор СПБУТУиЭ, доктор экономических наук, доцент О. Г. Смешко стал участником юбилейных мероприятий, посвященных 60-летию НГУ, — торжественного заседания в Доме ученых Сибирского отделения РАН, встречи с представителями зарубежных вузов — партнеров. Во время рабочей встречи О. Г. Смешко передал поздравления ректору НГУ от коллектива Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики — памятный подарок и адрес.

Ректор СПБУТУиЭ, доктор экономических наук, доцент О. Г. Смешко и участники юбилейных мероприятий, посвященных 60-летию НГУ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ СТАЛ УЧАСТНИКОМ ДЕЛОВОЙ ПРОГРАММЫ ST. PETERSBURG TRAVEL HUB

В Санкт-Петербурге состоялись 23-я сессия Генеральной ассамблеи Всемирной туристской организации при ООН (UNWTO) и форум St. Petersburg Travel Hub.

Сессия Генеральной ассамблеи UNWTO — главное туристское мероприятие в мире, учитывая, что именно в ходе него решается, в каком направлении эта сфера будет развиваться.

TRAVEL HUB

SAINT PETERSBURG

ся, каким образом управлять знаниями, экономической ситуацией и сделать туристскую отрасль устойчивой. Следует отметить, что за последние 22 года ни в одной из европейских стран сессии ассамблеи не проводились. Генеральная ассамблея Всемирной туристской организации UNWTO прошла с 9 по 13 сентября 2019 г. на различных площадках города, в числе которых КВЦ «ЭкспоФорум», Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина и Таврический дворец. В Петербург прибыли 158 министров иностранных государств, до двух тысяч делегатов. 11–12 сентября 2019 г. на одной площадке с 23-й сессией Генеральной ассамблеи Всемирной туристской организации UNWTO прошел второй трэвел-форум St. Petersburg Travel Hub. Форум стал местом встречи лидеров туристского сообщества. Более 1 500 делегатов из 158 стран собрались на площадках ассамблеи, чтобы обсудить решение глобальных задач, стоящих перед туристской отраслью. Организаторами мероприятия выступили Федеральное агентство по туризму РФ и Правительство Санкт-Петербурга.

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики стал участником деловой программы St. Petersburg Travel Hub. Первый проректор — проректор по учебно-методической работе и качеству образования студентов СПбУТУиЭ, кандидат технических наук, доцент С. В. Авдашкевич, проректор по научно-техническому сотрудничеству с предприятиями и организациями и трудоустройству выпускников СПбУТУиЭ, доктор технических наук, доцент Г. А. Костин и исполняющий обязанности заведующего кафедрой предпринимательства и туризма СПбУТУиЭ, кандидат исторических наук, доцент И. Г. Филиппова приняли участие в дискуссионных сессиях по актуальным направлениям развития туристской индустрии.

Пленарное заседание трэвел-форума открыли заместитель министра экономического развития РФ С. С. Галкин и посол Всемирной туристской организации UNWTO В. А. Фетисов. В своих выступлениях эксперты уделяли особое внимание совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере туризма, продвижению туристских возможностей стра-

ны, развитию медицинского и оздоровительного туризма, международному сотрудничеству в гуманитарной сфере, устойчивому развитию регионов как туристской дестинации и другим актуальным вопросам.

На панельной дискуссии «Развитие комфортной городской среды» специалисты обсудили роль инфраструктурных проектов в развитии комфортного городского пространства и их значение в продвижении и позиционировании Санкт-Петербурга как туристского центра мирового уровня и повышение его привлекательности в сфере делового туризма. Экспертным мнением поделились вице-губернатор Санкт-Петербурга В. Н. Княгинин, председатель Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга Е. В. Панкевич, партнер по устойчивому развитию GDS-Index Ной Жуберт и другие.

Цифровую трансформацию в индустрии путешествий, а также основные тенденции и проблемы цифровизации отрасли участники обсудили на панельной сессии Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга «Цифровизация услуг в сфере туризма — «Индустрия 4.0». В дискуссии приняли участие генеральный директор OZON.travel М. М. Осин, генеральный директор отеля «Кортъярд Марриотт Санкт-Петербург Пушкин» Якоб Адамов, исполнительный директор ООО «Фаворит» А. Б. Евдокимова, заместитель генерального директора — директора директората продаж S7 Airlines Е. Дмитрук и другие. В ходе проведения дискуссионной сессии «Мировой опыт развития внесезонного туризма как ключевой фактор формирования туристской дестинации в природно-климатических, социальных и экономических условиях» рассматривались мировой опыт развития внесезонного туризма как инструмент развития потенциала региона, а также возможности его продвижения с учетом климатических условий.

Таким образом, по результатам проведения этих чрезвычайно важных международных мероприятий нашла подтверждение мысль о том, что Санкт-Петербург является столицей международного событийного туризма и лучшей туристской дестинацией.

Основные условия и требования к оформлению рукописей научных статей, представляемых в РНЖ «Экономика и управление»

Журнал издается Санкт-Петербургским университетом технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ) под научно-методическим руководством Отделения общественных наук Российской академии наук с 1995 г.

Российский научный журнал «Экономика и управление» входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются экспертными советами по экономике, а также управлению, вычислительной технике и информатике Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. В 2009 г. РНЖ «Экономика и управление» удостоен высокого звания лауреата всероссийского конкурса журналистов «Экономическое возрождение России» в номинации «Лучшее специализированное информационно-аналитическое издание по инновационной тематике».

Для публикации в журнале «Экономика и управление» принимаются статьи на русском языке, содержащие описание актуальных фундаментальных технологий, результаты научных и научно-методических работ, посвященных проблемам социально-экономического развития, а также отражающие исследования в области экономики, управления, менеджмента и маркетинга. Предлагаемый материал должен быть оригинальным, не публиковаться ранее в других печатных изданиях, тематически соответствовать профилю журнала.

Обязательные требования к содержанию статей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

Чтобы статья успешно прошла научное рецензирование и была принята для публикации в журнале, она должна иметь следующую структуру.

1. Актуальность проблемы, ее сущность и общественно-научная значимость.
2. Освещение данной проблемы и опыта ее решения в зарубежной и отечественной литературе, анализ законодательства и нормативно-правовой базы (если это в русле авторского замысла).
3. Критический анализ имеющихся в литературе, экономической и управленческой практике подходов к решению проблемы.
4. Научно обоснованные предложения автора по решению проблемы (систематизированное изложение авторской идеи (идей): методов, концептуальных положений, моделей, методик и пр., направленных на разрешение проблемы. Эти взгляды должны быть аргументированы и обоснованы, по возможности подтверждены расчетами, фактами, статистикой и пр. При необходимости в качестве элементов обоснования приводятся формулы, таблицы, графики и др.
5. Краткие выводы, резюмирующие проведенные исследования, отражающие основные их результаты.
6. Научная и практическая значимость материала статьи с изложением рекомендаций (как, где авторские предложения могут быть использованы, что для этого следует сделать) и теоретического развития авторских идей в дальнейшем.

Основные требования к сдаче в издательство рукописей, предназначенных для публикации в журнале «Экономика и управление»

1. Статья должна содержать:

- 1.1. Аннотацию (расширенную; в аннотации должны отражаться цель, задачи, методология, результаты, выводы).
- 1.2. Ключевые слова (от 5 до 7 слов), разделенные запятой.
- 1.3. Сведения об авторе: место работы каждого автора (если таковое имеется) в именительном падеже, его должность и регалии, контактную информацию (почтовый адрес, e-mail).

2. Оформление статьи

- 2.1. Объем статьи должен составлять от 0,4 до 1 а. л. (1 а. л. — 40 000 знаков, считая пробелы).
- 2.2. В верхнем правом углу первой страницы статьи должна содержаться информация об авторе: Ф. И. О. (полностью), должность, название организации и ее структурного подразделения, адрес. Ученая степень, ученое звание, почетное звание (если таковые имеются).
- 2.3. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пунктов. Поля: 2,5 — левое и по 2 см — остальные, печать текста на одной стороне листа, оборот листа — пустой. Страницы должны быть пронумерованы.
- 2.4. Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминающихся в статье, расположенные в порядке упоминания в квадратных скобках, и не должен включать в себя работы, на которые в тексте отсутствуют ссылки. Все ссылки в статье, должны быть затекстовыми (расположенными в конце статьи), с указанием в основном тексте порядкового номера источника и упоминаемых страниц. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать страницы: в случаях ссылки на публикацию в журнале, газете, сборнике (периодическом издании) — интервал страниц, а в случаях ссылки на монографию, учебник, книгу — общее число страниц в этом издании.

3. Иллюстративный материал

- 3.1. Рисунки, диаграммы, таблицы и графики должны быть вставлены в текст статьи на соответствующее им место.
- 3.2. Если иллюстрации отрисованы авторами самостоятельно в формате Word или Excel, то не следует заверстывать их в другие программы!
- 3.3. Остальные иллюстрации также присылать только в исходном формате:
 - отсканированные с разрешением на 300 dpi иллюстрации в формате .tif либо .jpg вставляются в текст статьи на соответствующее место и дополнительно отправляются отдельными файлами, не вставленными в текст;
 - иллюстрации из сети Интернет вставляются в текст статьи и дополнительно присылаются отдельными файлами в том формате, в котором были скачаны.
- 3.4. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого.
- 3.5. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

Статья представляется в электронном виде (по электронной почте или на носителе информации) в формате Microsoft Word.

Для получения полной информации о требованиях к публикации
просьба обращаться в издательство СПбУТУиЭ.

Тел.:
(812) 448-82-50

E-mail:
izdat-ime@yandex.ru

Basic Conditions and Requirements for Research Articles Submitted to the Russian Academic Journal "Economics and Management"

The Basic Requirements to script submissions for publisher of Economics and Management

1. Contents

- Summary should contain the aim, tasks, methods and results of research. Please find the Summary Guidance on *Economics and Management* web-site
- List of key words should contain 5 to 7 items separated by semicolon
- Information about the author should contain job position, regalia and location using subjective case together with personal details and contact information

2. Layout

- Size should be not less than 0.4 and not more than 1 author's list
- Personal information should be placed in the top right corner of the front page starting with the name, position, regalia, company name with full address, etc.
- Please use the Times New Roman size 14 with 2.5 cm border on the left and 2 cm on the right, top and bottom sides
- List of references should contain bibliography on all publications mentioned in the article. Please use square brackets for numbers in the order of their appearance in the article. The sources not mentioned in the article should not be used in this list. All the references should be positioned at the very end of the article using numbers shown in square brackets with detailed position in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number (s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication

3. Graphics

- All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article
- Please use .doc or .exe formats in case illustrations were made by the author personally in the same format
- For all the other illustrations please use the original format
- Illustrations scanned in .tif or .jpg using 300 dpi apart from being placed in the text should be sent separately in attached file
- Illustrations copied from Internet should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format
- The picture in the article should be of the same size as it is shown in original source
- Recommended amount of pictures and illustrations should not exceed three items

**Please send all the articles printed on A4 paper format together
with electronic version using Microsoft Word.
Both versions should be identical.**

Contact details:
Lermontovskiy Ave 44a, St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Publishing house
of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Tel.:
+7 (812) 448-82-50

E-mail:
izdat-ime@yandex.ru